

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С. И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лавёров* (председатель), докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, академик *И.А. Глебов*,
докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*, академик *Б.П. Захарченя*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
канд. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. физ.-мат. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя), канд. техн. наук *Н.К. Ламан*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.Н. Сокольский*, докт. хим. наук *Ю.И. Соловьев*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьев*,
академик *И.А. Шевелев*, академик *А.Е. Шилов*

Е. В. Маркова
К. К. Войновская

**Константин
Генрихович
ВОЙНОВСКИЙ-
КРИГЕР
1894–1979**

Ответственный редактор
доктор геолого-минералогических наук
И. С. ПАШКОВСКИЙ



МОСКВА
«НАУКА»
2001

УДК 55(929) К.Г. Войновский-Кригер
ББК 33.31
М 25

Рецензенты:

академик *Б.С. Соколов*
кандидат химических наук *А.Н. Родный*

Маркова Е.В., Войновская К.К.

Константин Генрихович Войновский-Кригер. 1894–1979. – М.: Наука, 2001. – 144 с., ил. – (Научно-биографическая литература).

ISBN 5-02-022723-4

Книга посвящена выдающемуся геологу, основоположнику геологии Полярного Урала К.Г. Войновскому-Кригеру. Освещается научная и педагогическая деятельность, дается подробный биографический очерк. Описывается его становление как геолога-практика, возглавившего геологическую службу Заполярья. Деятельность Войновского-Кригера рассматривается на фоне исторических событий, в которых он участвовал. Подробно изложены сведения о его жизни в годы репрессии. Приводятся воспоминания коллег и учеников.

Для читателей, интересующихся развитием отечественной науки.

ТП-2002-І-315

ISBN 5-02-022723-4

© Издательство “Наука”, 2001

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2001

К читателю

Имя и работы К.Г. Войновского-Кригера известны мне еще с 30-х годов, – тогда я, студент Ленинградского университета, только начал заниматься палеонтологией кораллов. Личное же наше знакомство состоялось много позже, когда Константин Генрихович был уже профессором Казахского политехнического института в Алма-Ате, а я работал в Сибирском отделении АН СССР, одновременно продолжая состоять в руководстве Палеонтологического общества, действительным членом которого Константин Генрихович был избран в 1926 г. Общие интересы в области палеонтологии и исторической геологии связывали нас, таким образом, на протяжении долгих лет моей научной деятельности.

Многие годы я знакомился с неизменно интересными и оригинальными исследованиями Константина Генриховича только по его публикациям, нередко со значительными интервалами; я мало знал о трудных годах его жизни на Севере. И лишь с конца 50-х гг. и особенно в 60–70 гг. мы очень сблизились в связи с деятельностью Комиссии по ископаемым кораллам и организацией I Международного симпозиума по их изучению. Однако сблизили нас не только профессиональные интересы. Константин Генрихович и его жена Ирина Александровна обладали удивительным обаянием, широтой научных и литературных интересов, простотой в общении и той культурой, которая пришла в “зачумленный” двадцатый век из века девятнадцатого. В новосибирском Академгородке наши встречи стали просто домашними.

Мне, давно оценившему значение личности К.Г. Войновского-Кригера в драматической истории нашей науки, чрезвычайно интересно было познакомиться с обстоятельным очерком его жизни, и я убежден, что книга об этом замечательном ученом и человеке, выходящая в серии РАН “Научно-биографическая литература”, будет безусловно интересной и для всех читателей.

Приступая к чтению рукописи, я, конечно, представлял, что оно не будет “легким”, поскольку хорошо знаком с такими изданиями, как “Репрессированная наука” (1991), “Репрессированные геологи” (1995, 1999) и др. Но люди должны знать и страшные страницы своей истории, а зная их, задуматься: почему платой за научные знания, предназначенные для благ народа, являлось санкционированное изуверство над теми, кто эти знания добывает.

Книга о К.Г. Войновском-Кригере, содержательная и интересная во всех разделах, особенно поучительна тем, что дает модель судьбы ученого в “социалистической шарашке большевистского толка” в ее “геологическом варианте”, рассказывает о подвиге подлинного ученого-интеллекта, который в этих условиях не просто выживает, а выживает с достоинством, становясь Учителем. Таких книг еще не было, а имеющиеся публикации подобного рода ограничены предельно малыми тиражами и имеют распространение в узкорегиональных рамках.

Введение

Имя Константина Генриховича Войновского-Кригера занимает почетное место в рядах выдающихся исследователей природных богатств нашей страны. Им проложены дороги во многих направлениях развития Северной топливной базы Европейского Северо-Востока. Он создал первую научно обоснованную концепцию геологического строения и истории развития Печорского угольного бассейна. Его считают основоположником геологии Полярного Урала.

К.Г. Войновский-Кригер (1894–1979) жил и работал в переломные периоды нашей истории. Ему пришлось пройти через войны, революцию и репрессии. Родившись в дворянской семье в конце XIX в., он успел вдохнуть атмосферу этого уходящего века и сумел пронести через всю свою жизнь многие его культурные и нравственные ценности. Интеллигент в нескольких поколениях, он сумел сохранить интеллигентность даже в самых страшных условиях неволи.

Его дед Бронислав Онуфриевич Войновский-Кригер служил военным врачом на Кавказе. Его отец Генрих Брониславович, военный инженер, строил крепости на окраинах Российской Империи. Его дядя Эдуард Брониславович, посвятивший себя строительству железных дорог, был последним министром путей сообщения царской России. От старшего поколения Константин Генрихович принял эстафету служения Родине. Он сумел пронести ее через всю свою жизнь, несмотря на катаклизмы, которые приготвила ему судьба.

Уже в гимназические годы ярко проявились такие его качества, как стремление к знаниям, превосходная память, четкость и логичность мышления, любовь к природе, чувство долга, приверженность к высоким нравственным идеалам.

Константин учился в двух институтах. До призыва в армию в 1916 г. он был студентом Института инженеров путей сообщения Александра I. Война и революция прервали учебу. В романтическом порыве перестроить жизнь к лучшему он бросился в революционное пламя, активно участвуя в событиях на Дальнем Востоке. Только после окончания гражданской войны ему удалось вернуться к занятиям, но это было уже в другом учебном заведении: увлекшись геологией, в 1923 г. он поступает в Петроградский горный институт. Там читали лекции замечательные профессора: Д.В. Наливкин, известный геолог-стратиграф; М.М. Тетяев, выдающийся геолог-тектонист; А.Н. Криштофович, ученый широкого профиля, палеоботаник, стратиграф, историк и лингвист. Увлечение палеонтологией передал Войновскому-Кригеру замечательный палеонтолог, профессор Н.Н. Яковлев. Под их руководством Войновский-Кригер проходил студенческую практику. Под их влиянием он формировался как ученый.

Еще студентом он начал работать в Геологическом комитете (Геолком), был принят в члены Русского (с 1934 г. – Всероссийского) палеонтологического общества. В год окончания института (1927) в “Вестнике Геолкома” были опубликованы три его научные работы по геологии [1–3], а в “Ежегоднике Русского палеонтологического общества” – статья на немецком языке, посвященная морфологии тетракораллов (ругоз) [4].

В 1928–1929 гг. К.Г. Войновский-Кригер был командирован Геолкомом за границу для изучения в музейных коллекциях ископаемых кораллов. Он успешно работал в научных учреждениях Германии, Бельгии и Франции. Перед ним открывался путь к вершинам геологических знаний. Но в 1929 г., после возвращения из заграничной командировки, он был арестован, осужден Коллегией ОГПУ по ст. 58, п. 4 на 10 лет лишения свободы и этапирован в район Ухты. Силами заключенных здесь велось строительство Северной топливной базы – одной из больших строек первых пятилеток. Перед заключенными геологами были поставлены огромные задачи: разведка месторождений нефти, газа, угля и других ископаемых, исчисление их запасов, оценка промышленного значения найденных месторождений, исследование закономерностей распространения полезных ископаемых, составление прогнозов. Такая большая поисковая и исследовательская работа должна была проводиться в кратчайшие сроки в тяжелейших климатических и бытовых условиях, при отсутствии библиотек и связей с научным миром, при дефиците необходимого оборудования и аппаратуры. И, что самое главное, в условиях неволи. Чувство безысходности и боль от незаслуженной жестокой кары создавали гнетущую обстановку, и требовалась большая сила воли, чтобы в таких условиях заставить себя творчески работать, оформлять свои открытия в виде фондовых отчетов – в полном сознании, что о них нельзя заявить научному миру.

Вот в такие условия попал после заграничной командировки молодой многообещающий ученый Константин Генрихович Войновский-Кригер. Здесь, на Севере, ему предстояло провести 25 лет своей жизни. Здесь он совершил невозможное: состоялся как ученый и создал свою научную школу из репрессированной молодежи. С его именем неразрывно связаны такие слова, как “впервые”, “первый”, “основоположник”, “первооткрыватель”, “Учитель”.

В 1931 г. на Средней Печоре им было открыто Еджид-Кыртинское угольное месторождение, которое по промышленному освоению стало первым месторождением в Коми крае, снабдив топливом Печорское пароходство. Войновский-Кригер разработал первую детальную стратиграфическую схему этого месторождения и охарактеризовал его геологическое строение. За открытие угольного месторождения в Еджид-Кырте Константин Генрихович был досрочно освобожден, но не стал вольным человеком, а лишь перешел в ранг колонизованного, лишенного некоторых гражданских прав, в том числе права выезда из места колонизации. Северное заточение разделила с ним его жена Ирина Александровна, одна из первых “декабристок” XX века, и дочь Ксения, которая в течение 10 лет (1933–1944) жила вместе с родителями на Севере.

В 1936 г. Войновский-Кригер был переведен на Рудник, расположенный на правом берегу реки Воркуты среди безлюдной тундры (города Воркуты тогда еще не существовало, большинство учреждений находилось в с. Усть-Уса).

В 1939 г. он открыл западное крыло Воркутинской мульды, сделав это открытие на основе смелого теоретического прогноза. Это было первым угольным месторождением в Печорском бассейне, обнаруженным без бурения профильных скважин в крест простираения пород. В 1941 г. Войновский-Кригер разработал схему стратиграфии и тектоники этого месторождения, которая стала исходной базой для исследования соседних месторождений. Он впервые сделал теоретическое обобщение по образованию угольных пластов в Печорском бассейне и по установлению их геологических границ. Благодаря своей эрудиции, масштабности мышления и практическому опыту он дал первый научно обоснованный прогноз непрерывности первичной угленосности пермских отложений угля на огромной территории Северо-Востока Европейской части нашей страны. Эта территория простирается от Инты до Пай-Хоя, от гряды Чернышёва до Полярного Урала. Так появилась первая стройная картина геологического строения, стратиграфии, тектоники и истории развития Печорского угольного бассейна. Под руководством Войновского-Кригера и при его личном участии была составлена первая геологическая карта Печорского угольного бассейна. В годы войны Воркута стала основной угольной базой, спасшей от топливного голода Европейскую часть нашей страны (Донбасс и Подмосковский угольный бассейн подверглись оккупации).

Пытливый ум ученого не оставил без внимания и восточную окраину Печорского угольного бассейна – Полярный Урал. Этот суровый, труднодоступный край Войновский-Кригер начал изучать с 1937 г., и уже к концу 40-х гг. ему удалось создать первую стройную картину двух структурных зон западного склона Полярного Урала и верно наметить их пространственно-временное соотношение, историю геологического развития и закономерности образования многих полезных ископаемых, которыми богат Полярный Урал.

Возвращения Войновского-Кригера на Полярный Урал перевернули бытовавшие представления о его геологическом строении. Ученый сумел опередить геологическую науку региона на 40 лет, и лишь в 70-е гг. его взгляды нашли горячее подтверждение. Благодаря его исследованиям впервые стало возможным говорить о больших достижениях отечественной геологии в области стратиграфии палеозоя Полярного Урала и тектоники этого региона.

При ознакомлении с научным творчеством Войновского-Кригера обращают на себя внимание размах его научных идей и широкий круг проблем, разработке которых он посвятил свою жизнь. Он охватил разные области геологической науки – стратиграфию, тектонику, литологию, гидрогеологию, угольную геологию, региональную геологию, палеонтологию. Превосходный методист, он разработал комплексную методику структурных исследований, разведки и подсчета полезных ископаемых, которая считалась образцом рациональной последователь-

ности освоения новых территорий. Математический характер мышления позволил ему успешно применять математико-статистические методы и теорию вероятностей в палеонтологических исследованиях, при изучении и систематике тетракораллов (ругоз).

Служению Заполярью Войновский-Кригер посвятил 20 лет своей жизни (1937–1956). Возглавив геологическую службу этого края, он основал здесь первые геологические научно-исследовательские лаборатории, сумел поднять научные исследования на уровень, сопоставимый с уровнем, присущим центральным геологическим учреждениям. Здесь он подготовил кандидатскую и докторскую диссертации и создал свою геологическую научную школу.

К.Г. Войновский-Кригер показал пример высокорезультативной деятельности ученого в совершенно неподходящих для этой деятельности условиях, а также способность человека активизировать свои умственные и психофизиологические резервы, чтобы предотвратить влияние негативных факторов и в экстремальных условиях заниматься научными исследованиями. В этом его научный и гражданский подвиг.

После снятия судимости Войновский-Кригер получил возможность покинуть Заполярье. В 1956 г. он переехал в Алма-Ату и до конца своих дней (1979) занимался преподавательской деятельностью в качестве профессора Казахского политехнического института. Он продолжал заниматься геологией Печорского угольного бассейна и Полярного Урала, а также палеонтологической систематикой палеозойских кораллов и проблематических окаменелостей. Его живой ум откликался на новые преобразования в науке. Когда в нашей стране получили распространение кибернетические идеи, Константин Генрихович начал работать над сложной проблемой моделирования тектонических структурных форм, совершенствованием приемов их геометризации и математического описания.

В публикациях о Войновском-Кригере долгие годы полностью умалчивалось о гулаговской стороне его жизни. Ни в некрологах, ни в юбилейных статьях не упоминалось о том, что он был репрессирован. В 1984 г. Коми книжное издательство (Сыктывкар) выпустило сборник документов и материалов “Угольная сокровищница Севера”, посвященный 60-летию открытия и 50-летию промышленной эксплуатации Печорского угольного бассейна. Впервые история открытия, становления и развития Печорского угольного бассейна была дана не в авторском изложении, а языком архивных документов, в результате чего перед читателями предстала яркая и динамичная картина развития угольной сокровищницы Севера. Однако ни одного документа гулаговского характера в сборнике не оказалось – как будто заключенные не имели никакого отношения к этой героической северной эпопее, а Войновский-Кригер и его коллеги, о которых не раз упоминается, были вольными специалистами.

В 1987 г. в том же издательстве вышел сборник “Идущие впереди”, посвященный геологам и написанный геологами. И опять ни слова о том, что Северная топливная база была создана руками и умом заключенных. А ведь Войновскому-Кригеру здесь посвящено немало строк,

да и сам он является автором воспоминаний. Официальный запрет писать на эту тему был снят лишь после принятия Закона РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” (1991), и только тогда в широкой печати стали появляться публикации о массовых репрессиях сталинского режима 20–50-х гг., в том числе и о жестоких репрессиях геологов, усилиями которых создавалась минерально-сырьевая база промышленности и сельского хозяйства.

В газетах “Геолог Севера” и “Заполярье” (Воркута) появились статьи о трагических судьбах многих узников Воркутлага, в том числе и о Войновском-Кригере [95–97]. К 100-летию со дня его рождения вышла в свет юбилейная брошюра [91], изданная Институтом геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН и объединением “Полярноуралгеология”. Её авторы – А.И. Елисейев, Н.Н. Герасимов и Б.Я. Дембовский (геологи, близки знавшие Константина Генриховича по совместной работе в Заполярье) – с большой теплотой и высоким профессионализмом рассказали о жизни и деятельности Войновского-Кригера, не скрывая факта репрессии.

Широкая панорама массовых репрессий геологов и специальных процессов над ними представлена в сборнике биографических материалов “Репрессированные геологи” [110], третье издание которого вышло в 1999 г. к 300-летию горногеологической службы России. Здесь воспроизведена картина репрессий среди геологов, в том числе приведены факты гулаговской биографии Вайновского-Кригера.

В настоящей книге вся научная и организаторская деятельность Войновского-Кригера спроецирована на события, происходившие в концлагере. Он не вырван из реальной действительности, а вписан в нее. Он соединен со своим эковским окружением, без которого не могла бы функционировать геологическая служба Заполярья, руководителем которой он был многие годы. Лагерь присутствует как основной фон. Линии судеб его учеников и соратников переплетаются с его судьбой. Воссоздается картина реальной лагерной жизни, подчас полная драматизма. В этом, может быть, принципиальное отличие этой книги от предыдущих публикаций, где не раскрывалась тема “ученый и лагерь”, а в лучшем случае лишь упоминалось о репрессии.

При написании книги были использованы следующие архивы: Архив Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Архив МВД Коми республики (Воркута); Архив Воркутинского межрайонного краеведческого музея; Архив Геологического музея объединения “Полярноуралгеология” (Воркута); архив семьи Войновских-Кригеров*; архив семьи Пашковских**.

В семьях, подвергшихся сталинским репрессиям, обычно не сохранялись семейные архивы. Во время обысков и конфискации пропадали

* В работе над архивом принимал участие внук К.Г. Войновского-Кригера – К.М. Войновский.

** В работе над архивом, а также в написании гл. 1–2 принимал участие племянник К.Г. Войновского-Кригера – И.С. Пашковский.

и уничтожались все святые для семьи реликвии, связанные с прошлым, с предыдущими поколениями. Иногда архив уничтожался самими владельцами в ожидании ареста. Архив Войновских-Кригеров сохранился благодаря мужеству и бесстрашию женщин семьи Войновских – матери Константина Генриховича Евгении Константиновне, его сестре Тамаре Генриховне Пашковской и бабушке Каролине Альбертовне.

Авторы выражают большую благодарность всем близким, друзьям и коллегам К.Г. Войновского-Кригера, чьи воспоминания помогли воссоздать живую картину жизни того времени.

Авторы благодарят также сотрудников Геологического музея объединения “Полярноуралгеология” (Воркута) и сотрудников Библиотеки естественных наук РАН (отдел геологической литературы) за помощь в поиске нужных материалов.

Распределение работы авторов над книгой: К.К. Войновская принимала участие в написании гл. 1, 2, 8, послесловия и приложения. Остальное написано Е.В. Марковой.

Глава 1

Истоки и ранние годы

Дед Константина Генриховича по линии отца, Бронислав Онуфриевич Войновский-Кригер, принадлежал к дворянам Минской губернии. Как и все Войновские, исповедывал лютеранство. После окончания Московского университета служил на Кавказе. Терская и Кубанская области, где проходила его служба, считались далекой южной окраиной России и только начинали приобщаться к русской культуре. В этих местах пришлось провести долгие годы Брониславу Онуфриевичу и его семье. Сначала он служил в Майкопской крепости, затем был переведен во Владикавказ (тогда административный центр Терской области). Там он и сделал свою карьеру, из старшего ординатора дослужившись в 1883 г. до чина действительного статского советника (в таблице о рангах этот чин занимает четвертую позицию сверху и соответствует военному званию “генерал-майор”, а морскому – “контр-адмирал”).

Бронислав Онуфриевич был женат на Фанни Альбертовне Гольдшмит. Они имели двух дочерей – Изабеллу и Анну и трех сыновей – Александра, Эдуарда и Генриха.

Отец Константина Генриховича Генрих-Оскар Брониславович Войновский-Кригер родился 17 октября 1867 г. во Владикавказе и был крещен по евангелистскому лютеранскому обряду. Окончив в 1883 г. Владикавказское реальное училище, он поступает на общее отделение дополнительного класса того же училища и заканчивает его 15 июня 1884 г. с правом поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только поверочному испытанию.

Приведем текст документа об утверждении его в дворянском достоинстве:

“Постановлением Дворянского Депутатского собрания, состоявшегося 28 октября 1882 года, он, двухъименный Генрих-Оскар Брониславович Войновский-Кригер сопричислен к роду Войновских-Кригеров, утвержденному во дво-



**Бронислав Онуфриевич
Войновский-Кригер,
дед по линии отца (фото 1893 г.)**

Свидетельство.

По Указу Его Императорскаго
Величества дано сего изъ Минскаго
Дворянскаго Депутатскаго Собра-
нiя дворянину Минской губернии
двухъименному Генриху-Оскарру
сыну Эронислава Онуфриева Вой-
новскому-Кригелю, родившемуся и
крещенному въ 1864 году Октября 17, въ томъ,
что постановленнiемъ сего Собранiя
28 Октября сего 1884 года состав-
леннымъ, онъ Генрихъ-Оскаръ Эронис-
лавовъ Войновскiй-Кригелъ сопри-
численъ къ роду Войновскихъ-Криге-
левъ, утвержденному въ дворянствѣ
Указомъ Правительствующаго Сената
отъ 20 Июня 1858 года, за N 4234 въ сие
Собранiе послѣдовавшимъ и внесенъ
въ первую часть родословной книги
дворян Минской губернии.- Счита-
тельно на основанiи 39 и 284 ст.
XIII Св. Зак. о сост. изд. 1876 года выше-
означенный двухъименный Генрихъ-
Оскаръ Эрониславовъ Войновскiй-
Кригелъ считается окончательно
утвержденнымъ въ потомствен-
номъ дворянскомъ достоинствѣ.-

Свидетельство о дворянстве

рянстве Указомъ Правительствующаго Сената отъ 20 июня 1858 года за N 4234 и внесенъ въ первую часть родословной книги дворян Минской губернии. Соответственно на основанiи 39 и 284 статьи XIII Свода законовъ о состоянiи изд. 1876 года онъ считается окончательно утвержденнымъ въ потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ”.

В сентябрѣ 1885 г. Генрихъ-Оскаръ поступаетъ въ Николаевское инженерное училище въ Петербургѣ юнкеромъ рядового званiя, затемъ



**Семья Войновских-Кригеров. Слева-направо:
Тамара Генриховна, Константин Генрихович в форме прапорщика,
бабушка Каролина Альбертовна, отец Генрих Брониславович
и мать Евгения Константиновна**



**Константин Осипович Тржасковский,
дед по линии матери**

учится в Николаевской инженерной академии, которую оканчивает в 1892 г.

В мае 1893 г. приказом по военно-инженерному ведомству он был назначен в распоряжение начальника инженеров Виленского (Вильнюсского) военного округа и зачислен в Окружное инженерное управление. Затем был переведен в Виленскую инженерную дистанцию и назначен делопроизводителем комитета при Ковенском (Каунасском) крепостном инженерном управлении.

За верную службу Отечеству он был награжден орденами: св. Владимира III и IV степени, св. Анны II и III степени, св. Станислава II и III степени, серебряной медалью в память царствования императора Александра III и



Каролина Альбертовна Тржасковская
(ур. Гольдшмит), бабушка по линии матери



Генрих Брониславович Войновский-Кригер, отец (фото 1910 г.)

серебряной светло-бронзовой медалью в память 300-летия дома Романовых.

Родной брат Генриха Брониславовича – Эдуард Брониславович был не только одним из крупнейших специалистов по железным дорогам, но и видным государственным деятелем, членом правительства. Во время гражданской войны он эмигрировал и всю свою дальнейшую жизнь провел во Франции. Там он написал книгу “Записки инженера”, в которой вспоминает о своей юности, размышляет о судьбах русской интеллигенции: “Как по рождению, так и по всей своей деятельности и своему, так сказать, социальному положению, я несомненно принадлежу к громадному большинству русской интеллигенции, которую нельзя причислить ни к родовитой аристократии, ни к помещикам, ни к капиталистам, ни даже к мелкой буржуазии, вообще ни к одной из тех кличек, которые так распространены в революционной и социалистической литературе и которые противопоставляются пролетариату и крестьянам. Вообще, за последние 20–30 лет до революции у нас не было сколько-нибудь заметных перегородок между различными классами населения... Права у нас, в сущности, определялись образованием, служебным положением и занятием, которые одинаково были доступны всем, независимо от положения и сословия.

Отец мой, несмотря на скромные средства, добываемые службой и врачебной практикой в небольшом губернском городе, старался дать



Эдуард Брониславович Кригер-Войновский, дядя Константина Генриховича
(фото 1900 г.)

своим детям возможно лучшее образование, благодаря чему по окончании Реального училища я имел возможность пройти курс наук в 2-х высших учебных заведениях: Технологическом институте и Институте инженеров путей сообщения”¹.

Эдуард Брониславович был женат на Александре Николаевне Ярмаркиной, происходившей из семьи военных инженеров-строителей. (В тесном кругу технической интеллигенции дружеские связи часто усиливались родственными отношениями, это было характерно для того времени.) В их семье родился сын Сергей, который стал самым близким другом детства и юности Константина Генриховича.

Дед К.Г. Войновского-Кригера по материнской линии, Константин Осипович Тржасковский, православного вероисповедания, был драгунским офицером, служил в 34-м драгунском Его Императорского Высочества принца Петра Ольденбургского Стародубовском полку. В 1871 г. в семье Константина Осиповича и его жены Каролины Альбертовны (урожд. Гольдшмит) родилась дочь Евгения. Семья проживала тогда в с. Меджибож Каменец-Подольской губернии. В 1883 г. девочка поступает в 5-й класс каменец-подольской Мариинской гимназии, которую оканчивает в 1887 г. с золотой медалью.

Каменец-Подольск в ту пору был центром Подольской губернии. О его величии в былые времена напоминала огромная крепость, живописно расположенная на высоком утесе над речкой Смотрич. Город украшало много старинных храмов, некоторые из них были построены в XIII в. На небольшое число жителей имелись: мужская и женская гимназии, семинария, реальное и коммерческое училища. В этом старинном малороссийском городе Евгения научилась понимать и ценить природу, любить людей, сострадать их горестям и радостям. Все это потом она передаст своему сыну.

Каменец-Подольск в ту пору был центром Подольской губернии. О его величии в былые времена напоминала огромная крепость, живописно расположенная на высоком утесе над речкой Смотрич. Город украшало много старинных храмов, некоторые из них были построены в XIII в. На небольшое число жителей имелись: мужская и женская гимназии, семинария, реальное и коммерческое училища. В этом старинном малороссийском городе Евгения научилась понимать и ценить природу, любить людей, сострадать их горестям и радостям. Все это потом она передаст своему сыну.

В Каменец-Подольске Евгении пришлось пережить большое горе: в 1884 г. умер ее отец. Она осталась с матерью, с которой всю жизнь была очень дружна и неразлучна. В 1888 г. Евгения Тржасковская поступила на педагогические курсы С.-Петербургских женских гимназий, окончила их в 1891 г. с серебряной медалью. Полученный

¹ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. М., 1999. С. 9.



**Евгения Константиновна Войновская-Кригер (ур. Тржасковская)
с детьми Константином и Тамарой (фото 1905 г.)**

аттестат давал ей право на звание “домашней наставницы”, не подвергаясь дополнительным испытаниям.

В 1893 г. она выходит замуж за Генриха Войновского-Кригера.

“В 1893 году 20 января в церкви Св. Благоверного и Великого князя Александра Невского при Институте Инженеров Путей Сообщения Императора Александра I состоялось бракосочетание штабс-капитана 2-го Кавказского Саперного батальона Генриха-Оскара Брониславовича Войновского-Кригера 25 лет от роду с дочерью умершего Подполковника Тржасковского Константина Осиповича девицей Евгенией 21 года от роду, православного вероисповедания”.

2(15) декабря 1894 г. у Генриха Брониславовича и Евгении Константиновны родился сын Константин, а в 1902 г. – дочь Тамара.

Проведем еще одну нить в родословной Войновских-Кригеров. Изабелла Брониславовна, родная сестра Генриха и Эдуарда, вышла замуж за их коллегу, военного инженера Александра Львовича Федорова. В их семье родилась дочь Ирина – будущая жена Константина Генриховича. По линии матери, таким образом, Ирина принадлежала к роду Войновских-Кригеров.

Заканчивая рассказ о поколении отцов, молодость которых пришла на последнюю четверть XIX в., хочется подчеркнуть необыкновенные качества этих людей, их высокую культуру. Они принадлежали к технической интеллигенции, которая в ту пору только нарождалась. Они проводили железные дороги, строили города и крепости, осваивали дальние окраины Российской империи. Они не жалели своих сил, отдавая их созданию новой, просвещенной России. Выходцы из



**Александр Львович Федоров,
отец Ирины Александровны
(1902 г.)**



**Изабелла Брониславовна Федорова
(ур. Войновская-Кригер),
мать Ирины Александровны (1902 г.)**

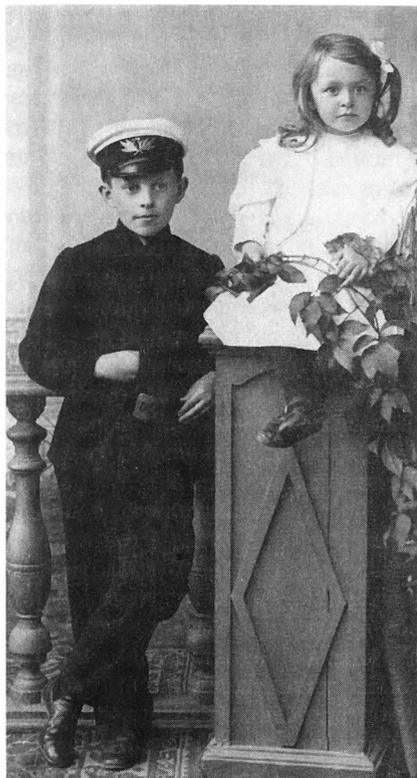
обедневших дворянских семей, они стали военными инженерами, путейцами, строителями. Их сестры и жены окончили гимназии и женские курсы, владели несколькими иностранными языками, читали литературные произведения в подлинниках. По уровню культуры они были достойны своей мужской половины. Их дружные и родственные отношения сложно переплелись. Все вместе они составляли большую дружную семью. Войновские-Кригеры, Тржасковские, Федоровы образовали большой и крепкий клан.

Об этом поколении Эдуард Брониславович Кригер-Войновский написал так: "... на Кавказ шли из России наиболее молодые и предприимчивые люди, там приходилось завоевывать и природу и местное горское, в то время полудикое, население. Жизнь начиналась сызнова, не было ни старых привычек, ни следов крепостного права, ни свойственного русским захолустьям застоя"².

Детство Константина прошло в Санкт-Петербурге, в доме № 4 по Ковенскому переулку (этот дом напротив кирхи существует и сейчас под тем же номером; сюда Войновские приходили всякий раз, когда оказывались в Петербурге).

В 1904 г. Константин поступает в Петербургское реальное училище. Однако окончить его мальчику не пришлось: в 1910 г. его отец Генрих Брониславович назначается помощником начальника строительства крепости во Владивостоке и уже в мае этого года переезжает туда со всей семьей.

² Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. М., 1999. С. 10.



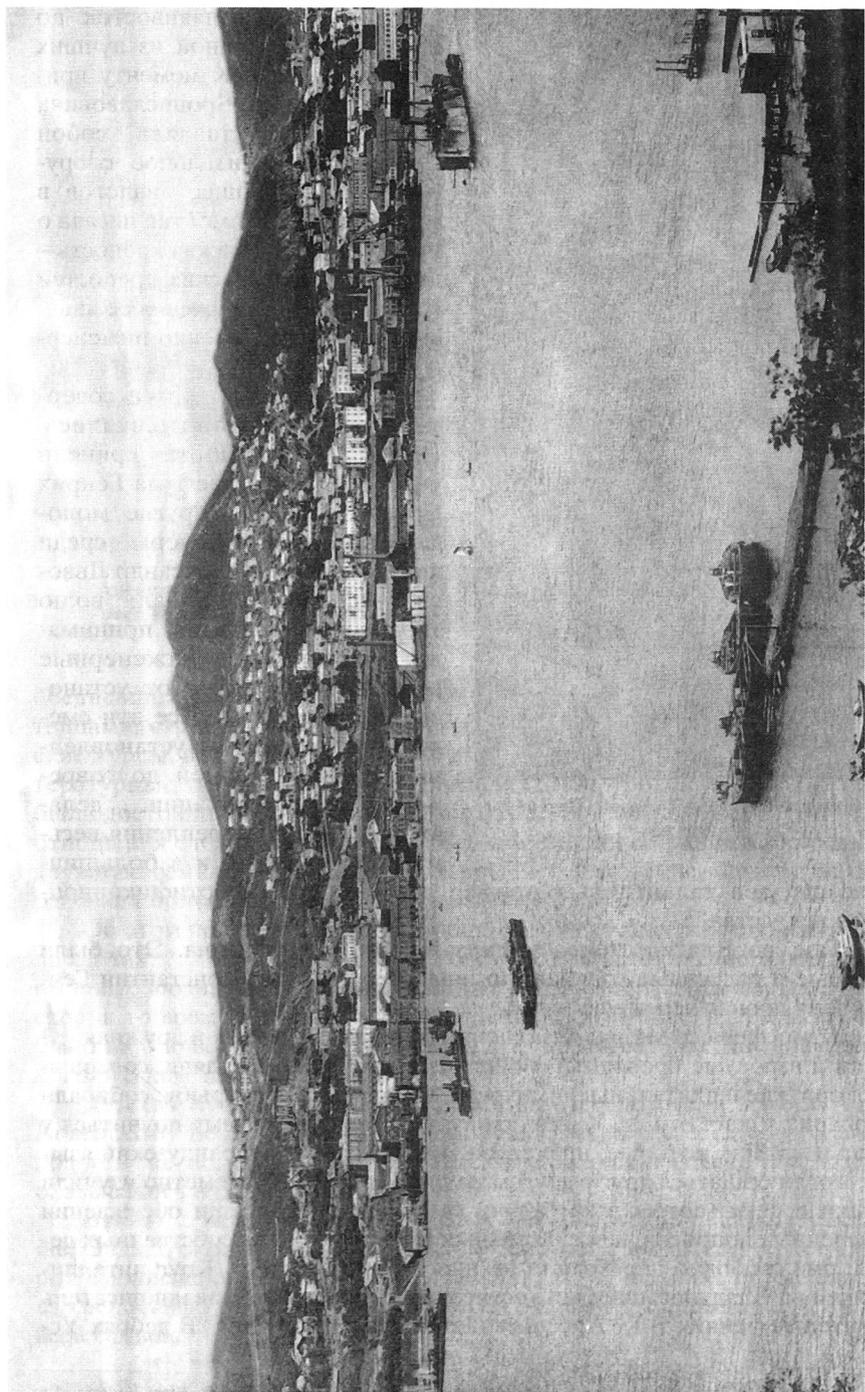
Константин с сестрой Тамарой (Петербург, 1905 г.)

случаев талантливый пример современного фортификационного искусства”³.

Там, во Владивостоке, прошла юность Константина. Это были светлые и радостные годы, воспоминания о которых Константин Генрихович пронес через всю жизнь.

Атмосфера семейных отношений была самая теплая и дружная. Дети и взрослые проводили свободное время вместе, гуляли, совершали короткие и длительные экскурсии, купались, ловили рыбу, собирали гербарии и насекомых. Константину и Тамаре было чему поучиться у отца и матери, которые, прекрасно зная немецкий и французский языки, могли общаться друг с другом на любом из них. Незаметно изучили языки и дети (потом, уже будучи сами родителями, при обсуждении жизненных вопросов, нежелательных для ушей уже их собственных детей, они свободно переходили на иностранные языки). Круг интеллигенции во Владивостоке был достаточно узок. В доме бывали писатель и путешественник В.К. Арсеньев, автор известных книг “В дебрях Ус-

³ Егорычев И. Владивостокская крепость: история и современность. <http://www.vl.ru>



Общий вид Владивостока (1912 г.)

сурийского края” и “Дерсу-Узала”, преподаватель литературы коммерческого училища С.Г. Пашковский – первый учитель писателя Александра Фадеева, коллеги – военные инженеры. Переехал во Владивосток и Александр Львович Федоров с женой Изабеллой Брониславовой и дочерьми Ириной и Еленой. Так во Владивостоке оказалась вместе большая родственная компания.

Коллеги, друзья, родственники и их дети все свободное время проводили вместе. Молодежь была горазда на выдумки: домашние спектакли, разыгрывание шарад, катание на автомобиле и т.п. – и все это в прекрасном крае с богатой природой. Вполне понятно, что между молодыми людьми возникали романы. Так случилось и с Константином, который здесь, во Владивостоке, обрел в Ирине Федоровой не только друга, но и верную спутницу жизни. (В 1925 г. они станут мужем и женой.)

В семье Войновских-Кригеров часто обсуждались события политической жизни, к этим обсуждениям привлекались и “взрослые” дети. Несомненно, либеральные взгляды членов семьи не могли не отразиться на убеждениях Константина – в 1918–1920 гг. он примет самое активное участие в революционном движении на Дальнем Востоке.

Страсть к естествознанию была привита Константину с детства матерью, человеком очень увлекающимся и прекрасно образованным. Евгения Константиновна сама собирала гербарии и привлекала к этому занятию детей. Причем это было не просто собирательство, а систематическая работа – с поиском латинских названий растений, описанием мест их произрастания и последующего профессионального хранения. Эта коллекция, насчитывающая около 200 экземпляров, прожила более полувека и уже в 70-х гг. сестрой Константина Генриховича была передана в фонд Академии наук СССР.

Глава 2

Путь к знаниям

Институт инженеров путей сообщения

После окончания Владивостокской гимназии (1913) перед Константином встал вопрос, где продолжить свое образование. Выбор высших технических учебных заведений был тогда невелик в России, и вопрос этот быстро решился в пользу Института инженеров путей сообщения Александра I, тем более что дядя Эдуард Брониславович уже давно создал ореол вокруг этого Института. Окончив его, он всю жизнь посвятил железным дорогам России и был уверен, что культурное и промышленное развитие России прежде всего связано с железными дорогами. Он писал в своей книге: “В мои гимназические годы была сооружена железная дорога от Ростова до Владикавказа. Я видел, какое это было благодеяние для нашего города; он начал быстро застраиваться и оживать... Словом, сразу пахнуло новой жизнью. Владикавказ присое-



Константин – студент Института инженеров путей сообщения (1913 г.)

динился к России, к ее общей культуре. Инженеры, строители дороги, представлялись мне прямо благодетелями рода человеческого; да и они сами, деятельные, энергичные, все знающие, везде побывавшие, не исключая заграницы, казались мне образованнее и выше наших многих интеллигентов, сидевших десятками лет на одном месте и живших только своими мелкими делами и интересами. Я твердо решил сделаться инженером, и непременно железнодорожным”⁴.

Этой “железнодорожной” любовью он заразил и своего сына Сережу Кригера и своего племянника Константина.

И вот в августе 1913 г. два друга и брата, Сергей и Константин, приезжают в Петербург поступать в Институт инженеров путей сообщения. Они останавливаются в номерах для приезжающих Правления Владикавказской железной дороги. В их распоряжении три комнаты.

Гуляя по Петербургу, заходят на Ковенский, где прошло начало юности Константина, которому ка-

жется, что он и не уезжал отсюда, что весь Владивостокский период – это просто прекрасный сон.

При поступлении требовалось выдержать конкурс, т.к. прошений было подано 1100 при приеме 150 человек. Правда, поскольку потребность в инженерах была очень большая, министр путей сообщения увеличил число мест до 300.

К подготовке к экзаменам Константин, как и ко всему в жизни, относился со всей серьезностью. В этом процессе, как он писал матери, он видел тройную пользу: собственно подготовка, привычка к упорным занятиям и развитие памяти.

Константин успешно сдал экзамены, получив по всем предметам (геометрия, тригонометрия, алгебра, физика, рисование, английский) по 5 баллов, имея в сумме 30 баллов из 30 возможных. Юноша был очень горд своими успехами и надеялся, что поступит, поэтому еще в процессе экзаменов заказал у портного форму студента Института инженеров путей сообщения.

⁴ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. М., 1999. С. 15.

С первых же дней учебы Константин окунается в общественную жизнь. Он перегружен впечатлениями и пишет родным, по которым очень скучает, обо всем, что кажется ему интересным. Вот краткое описание первой студенческой сходки: «Собралось человек 700–800... Необходимо было выбрать старост, по одному от 75 человек, и определить место студентов в ... жизни института. Началось собрание с обращения студента 5-го курса, который заявил: «Товарищи! На днях исполняется годовщина со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Предлагаю почтить его память и спеть всей сходкой “Вечную Память”». Все встали, и наша аудитория огласилась звуками троекратной вечной памяти»⁵.

Все студенчество Института разделилось на две партии: зеленых – “прогрессистов” и белых – “академистов”. Первые считали, что студенты должны активно участвовать в политической жизни страны, а вторые – что студенты свои общественные интересы должны ограничивать только проблемами студенческой жизни (организовывать студенческие кассы взаимопомощи, библиотеки, следить за порядком в институте и т.д.) На студенческих собраниях звучали цитаты из речей популярных ораторов Государственной Думы и статей политических деятелей. В некоторых выступлениях говорилось, что “студенчество не может заниматься исключительно чертежами и зачетами... не может молчать, когда рядом совершается насилие, ибо молчание в таких случаях равносильно соучастию”⁶.

Константин сам удивлялся тому, что администрация Института решает подобные сходки. Близкие же советовали ему их не посещать. Однако эти советы не имели никакого действия.

Константин становится активным участником Сибирского землячества – объединения студентов-дальневосточников. “Левые” настроения проникли и в его взгляды на искусство: с этого времени он начинает увлекаться футуристами, собирает сборники их стихов.

О его мировоззрении в этот период можно судить по одному из писем матери: «...в Думе запрос о Ленском расстреле, отравлении рабочих на фабрике “Треугольник”, гонения на рабочую печать – все это вызывает массовые забастовки. Подумайте только – бастуют 46 тысяч человек! ...Резолюция протеста выносится в Университете, политехникуме, на различных курсах. Как это красиво! Как жалко, что наш Институт отстал, – слишком аристократичен... Прямо стыдно. Я не говорю, что надо кричать, вывешивать красные флаги и бросать камни в полицию, – этим ничего не добьешься, но выразить протест и показать, что вся молодежь... всей душой протестует, – разве это не хорошо и не красиво?.. Неужели не понимает правительство, что пришло то время, когда одними полицейскими мерами не победить демократизма, неужели не понимает оно, что рабочим как хлеб нужна своя газета...»⁷

Константин отдается учебе целиком. Его раздражают безделье сотоварищей и время, потраченное впустую. Он хочет окончить пер-

⁵ Из письма матери от 10 нояб. 1913 г.

⁶ Там же.

⁷ Из письма матери от 18 нояб. 1913 г.

вый курс по первому разряду. И добивается этого. Первая практика (геодезическая съемка) проходит в часе езды от Петербурга, близ Парголово.

В мае 1914 г. заканчивался срок службы Генриха Брониславовича на Дальнем Востоке. Вся семья стала с воодушевлением обсуждать план своего переезда из Владивостока в Петербург. Константин с нетерпением ждал наступления каникул, когда он с близкими ему людьми – мамой, бабушкой и сестрой совершит это путешествие – морем, почти вокруг света. Он даже осваивает фотографирование.

Но мечтам не суждено было сбыться.

19 июля Германия объявила войну России. Для страны наступили дни тяжелых испытаний.

Занятия в Институте между тем не прекратились, только больше стало собраний, обсуждений военных сводок и вообще общественной работы.

Весной и летом 1915 г. Константин проходит практику на участке строительства железной дороги между Сарапулом и Казанью. Будучи ответственным за строительство водопропускной трубы, он сталкивается здесь в волокитой, жульничестве десятников, ленью каменщиков. Все это возмущает его до глубины души. Протестуя против всеобщего разгильдяйства, он вступает в первый конфликт в своей жизни – сначала с десятником, а потом и с главным инженером. И хотя вскоре конфликт был улажен, взаимоотношения честного молодого инженера с вороватыми строителями не складывались. Здесь он получил свое первое жалование – 25 рублей.

На стройке появились пленные австрийцы, которых используют на земляных работах, – ветер войны.

Студенты-добровольцы отправлялись на фронт. Ожидая призыва в армию, Константин с товарищами по Сибирскому землячеству отправляется по фронтам с подарками воинам-сибирякам.

В Москве он сталкивается с погромами. Он видит, как толпа с портретами Государя и флагами грабит магазины, принадлежащие немцам, и разоряет их квартиры: «...сверху, через разбитые окна летели вниз книги в роскошных переплетах и падали вниз в пыль и грязь. За книгами стали вылетать книжные шкафы, столы и другая мебель... Вдруг все закричали: “Хозяева – немцы, немцы, бей их!”... Городовые стояли и улыбались, глядя на погром. ...Толпа кончила грабить книжный магазин и пошла дальше... Впереди мальчишки, затем мужичонка с портретом Государя и рядом с ним человек с ломом на плече, с другой стороны – человек с топором. За ними колыхались в толпе флаги и дубинки... На Мясницкой – ворохи конторских книг, бумаг, выбитые зияющие окна, обгорелые помещения... Я видел поломанные фотографические и кинематографические аппараты, пожарные насосы, исковерканные и разбитые ломами... чудесные шкафы из красного дерева, зеркала, – все это валилось в кучу... и ломалось... У Цимлермана из 3-го этажа сбросили вниз около сотни роялей и пианино! Чтобы рояли пролезли в окна, у них сначала отбивали ножки... Внизу мальчишки занимались тем, что разбивали о стол-



Константин Генрихович
(Владивосток, 1918)

бы чудесные гитары, скрипки, виолончели... А ноты, ноты – все завалено ими... Это была какая-то вакханалия. Я не верил своим глазам: чтобы в несколько часов культурный город мог обратиться в то, что мы видели»⁸.

Наконец весной 1916 г. Константин получает повестку и с “ратной карточкой” отправляется на призывной пункт. Свою военную службу он начал со школы прапорщиков инженерных войск. Там он столкнулся с такой же безалаберностью, как и на практике: “...занимаемся мы все тем же – строем, причем винтовок нам до сих пор не дали... Надоел этот строй порядочно, а главное – нас скверно учат, так что, несмотря на массу потраченного времени, толку весьма мало”⁹.

Революция и гражданская война

Октябрьский переворот застал Константина в действующей армии на Дальнем Востоке, где он, после окончания школы прапорщиков, служил начальником подрывной команды 3-го Заамурского железнодорожного батальона.

В 1918 г. семья вновь переезжает в любимую всеми квартиру по Ковенскому пер. Генрих Брониславович занимает в это время должность старшего делопроизводителя канцелярии Управления Уполномоченного ГЛАВНАЧСНАБа по Петроградскому району. Выданное ему удостоверение давало право на свободное проживание и передвижение в Петрограде и его окрестностях “как лицу вполне необходимому в деле снабжения Красной Армии”. Он также “не подлежит задержанию или аресту без ведома Уполномоченного ГЛАВНАЧСНАБа во избежание нанесения ущерба делу снабжения Красной Армии”.

Не менее интересно удостоверение, выданное этой же организацией 23 октября 1918 г.: “Дано сие старшему делопроизводителю канцелярии Управления Уполномоченного Главного начальника снабжения Генриху Брониславовичу Войновскому-Кригеру в том, что он проживает на частной квартире по Ковенскому пер. в доме № 4, кв. 7, и так как он служит в советском учреждении и живет личным трудом, то квартира его и принадлежащие ему вещи не должны считаться буржуазными,

⁸ Из письма матери от 30 мая 1915 г.

⁹ Из письма матери от 23 апр. 1916 г.

почему квартира его и мебель и вещи в ней подлежат дальнейшему сохранению за ним, как за советским служащим”.

Одно время, не имея работы, “двухъименный” Генрих-Оскар Брониславович Войновский-Кригер в поисках средств к существованию вынужден был окончить теоретические и практические курсы шитья обуви в Симеоновской школе “Труд”. При явных успехах в учебе (по теории – “хорошо”, по практической работе – “отлично”) он получает звание подмастерья первого разряда. Как вспоминала его дочь Тамара Генриховна, в этот период шитьем обуви подрабатывала вся семья, и довольно успешно.

Весь период 1918–1921 гг. К.Г. Войновский-Кригер проработал в военных и партийных организациях во Владивостоке. С переходом там власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов огромное хозяйство крепости Владивосток лишилось своего обычного руководства. Его заменил Военный комиссариат – революционный орган, созданный из большевиков и солдат. В 1918 г. Войновскому-Кригеру, как одному из немногих бывших военных специалистов, предложили работать в Комиссариате крепости – сначала в качестве члена, затем секретаря. В это же время, весной 1918 г. он, являясь специалистом по подрывному делу, занимался обучением отряда Красной гвардии взрыванию рельсов, мостов и т.п.

В январе 1920 г. партизаны победоносно вошли во Владивосток. Вся военная власть Приморья была сосредоточена в руках военного совета, во главе которого стоял прославленный герой гражданской войны Сергей Лазо. К.Г. Войновский-Кригер был назначен начальником политотдела военного совета¹⁰. Все разрозненные, не знакомые с воинской дисциплиной и порядком партизанские отряды нужно было преобразовать в части регулярной армии. Политический отдел занимался отбором состава для вновь организованных регулярных воинских частей из числа офицеров бывшей царской армии или из числа бывших колчаковцев. Это была трудная и ответственная работа. Константин Генрихович считал этот период “светлым” в своей жизни и всегда с гордостью вспоминал о своем революционном прошлом: “Мне выпало на долю большое счастье быть живым свидетелем той великой и героической борьбы, которую вели коммунисты и все трудящиеся за установление Советской власти в Приморье. Я был рядовым участником этих событий, но запечатлелись они в моей памяти, как самая радостная, самая светлая пора моей жизни. Я счастлив, что мне довелось видеть, говорить, работать с такими яркими, цельными людьми, какими были Сергей Лазо, Костя Суханов, Всеволод Сибирцев и многие десятки других смелых, мужественных, преданных людей, готовых стойко бороться и отдать, если нужно, свою жизнь за советскую власть.

Борьба шла в тяжелых условиях, в подполье и полуподполье, под пятой безжалостной иностранной интервенции и перед лицом воору-

¹⁰ Кригер-Войновский К.Г. (Воробьев). Под пятой японской интервенции. 1958. (Рукопись).

женных интервентами белогвардейцев. Это были условия, когда перед лицом смертельной опасности преданные великой идее люди сплывались в одну тесную семью, чувствовали себя связанными кровными узами великого братства борцов за светлое будущее” (из архива Войновских-Кригеров).

В апреле 1920 г. на территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей была образована Дальневосточная республика – демократическое по форме государственное образование со столицей сначала в Верхнеудинске, затем в Чите. Республике отводилась важная роль буфера между Японией, оккупировавшей эти территории, и Советской Россией. После разгрома белогвардейцев и японских интервентов территория республики (с декабря 1922 г.) вошла в состав РСФСР.

Владивосток был крупный портовый город, и жизнь в нем была ключом. В нем можно было услышать японскую, корейскую, английскую и французскую речь. В городе кипела культурная жизнь, издавались литературные журналы “Творчество” (под ред. Н. Чужака), “Бирюч” (под ред. С. Третьякова). Это были журналы сугубо “левого” направления, в них печатались стихи В. Хлебникова, В. Маяковского, Н. Асеева, С. Третьякова, Д. Бурлюка, политические статьи В. Ленина, Л. Троцкого, М. Горького, Г. Зиновьева, Н. Бухарина, а также статьи об искусстве, полемика с центральными журналами и комментарии злободневных событий. В городе проходили художественные выставки художников-авангардистов.

Константин Генрихович со свойственным ему интересом и увлечением относился ко всему происходящему. Но особенно его увлекло “левое” искусство. Он покупает журналы и сборники стихов поэтов-футуристов, которых хорошо знал и любил.

В 1921 г. Войновский-Кригер возвращается в Петроград. Вся семья снова объединяется на Ковенском, но уже без отца: в июне 1920 г., будучи в командировке в г. Луге, 52 лет от роду, он умирает от злокачественного малокровия (там же он и был похоронен).

Евгения Константиновна в 1919–1925 гг. работала в должности воспитательницы-обследовательницы подотдела правовой защиты несовершеннолетних и Комиссии по делам несовершеннолетних Губернского отдела народного образования. Всю свою жизнь она посвятила воспитательной и педагогической работе с беспризорными и трудновоспитуемыми детьми. Умерла она в Москве в 1953 г., более чем на 30 лет пережив своего супруга.

Раздумывая о судьбе некогда большой и дружной семьи Войновских-Кригеров, невольно еще раз убеждаешься, насколько сильно революция разъединяла и разбрасывала семьи. Одна ветвь семьи Войновских-Кригеров эмигрировала во Францию и к революции относилась с полным отрицанием. Любимый некогда дядя Эдя считал революцию “государственной катастрофой”, приведшей к падению когда-то великого государства. Другая же часть семьи осталась в России и с искренним революционным порывом бросилась строить новую жизнь. И даже “гулаговский ад”, через который пришлось пройти Константину Войновскому-Кригеру, не смог омрачить его светлых воспоминаний о сво-

ем революционном прошлом. И поэтому он с чувством гордости воспринял награждение его в июне 1968 г. орденом Красной Звезды за активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и в борьбе за установление Советской власти в 1917–1922 гг., а также в ознаменовании 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Горный институт

Отгремела гражданская война, и можно было подумать о продолжении образования. Константин Генрихович избрал на сей раз Петроградский горный институт. За 5 лет вынужденного перерыва в учебе он пришел к выводу, что его истинное призвание – исследование подземных богатств Земли. Его увлекла профессия геолога. Возможно, на его выбор повлияло ознакомление с проблемами освоения подземных богатств Дальневосточного края, к которому он был очень привязан.

В 1923 г. Войновский-Кригер поступает в Петроградский (с 1924 г. Ленинградский) горный институт. Тот запас знаний, который он получил в Институте инженеров путей сообщения, прекрасная математическая и техническая подготовка, великолепное знание геодезии, гидрологии и строительного дела во многом помогут ему в будущем не только в учебе, но и тогда, когда он станет во главе геологической службы Заполярья и ему придется возглавить работы по трассировке железных дорог, заниматься эксплуатацией шахт, решать проблемы водопритоков в горные выработки и т.п.

А пока снова студенчество, встречи с друзьями, посещение выставок, театров, надежды на будущее. А будущее виделось замечательным, несмотря на трудности жизни.

В 1923 г. при геологическом кружке Института энтузиасты-сибиряки организуют сибирскую секцию. На первом собрании кружка участники секции дают клятву, что они всю свою жизнь посвятят изучению подземных богатств и геологического строения Сибири и Дальнего Востока. Среди студентов был и Константин Войновский-Кригер. Сибирскую секцию потом назовут “Билибинской” в честь Юрия Александровича Билибина, одного из энтузиастов этой секции.

Дома – теплая, дружеская обстановка. Центром семьи после смерти отца стала Евгения Константиновна, которая, несмотря на свою занятость преподавательской работой, уделяет семье много времени.

В апреле 1923 г. Евгении Константиновне исполнилось 52 года. Дети, Тамара и Константин, и будущая жена Константина Ирина поздравили ее с днем рождения, обещали обязательно завершить свое образование и подписались:

“Будущий исследователь новых земель на Северном полюсе и учнейший из астрономов, Котя”. (Какое предвидение! Вместо Северного полюса оказалось Заполярье.);

“Будущий лейб-медик, профессор хирургии и всяческой не изученной медицины, Ирина”;

“Будущая гроза всех вредителей, ученый агроном–энтомолог, Тамара”.

И каким это будущее стало для них для всех!

Здесь, в Петрограде, увлечение поэзией возобновилось с новой силой. Время было сложное, сборники стихов за бедностью издавались зачастую на самых обыкновенных обоях. Константин Генрихович не пропускал ни одной новой книги и собрал в итоге неплохую библиотеку, в которой были представлены футуристы Н. Крученых, Д. Бурлюк, Е. Гуро, В. Маяковский, имажинисты С. Есенин, В. Шершеневич, Р. Ивнев, А. Мариенгоф и др. Позже увлечение “левой” поэзией сохранилось, он собирает журналы “левого фронта” (ЛЕФ), издаваемые В. Маяковским. Страсть к поэзии Константин Генрихович пронес через всю жизнь. Уже будучи в ссылке на Воркуте и не имея возможности покупать книги, он радовался переписанным от руки стихам, что могли пересылать ему в письмах мать и сестра.

Надо сказать, поэзию в семье очень любили. Евгения Константиновна переписывала в альбом все, что ей нравилось, наизусть знала “Евгения Онегина”, “Демона”, “Русских женщин” и многое другое.

Тогда, в петроградский период, Константин Генрихович вообще пристрастился к искусству. До этого, живя вдали от музеев, он был лишен этой возможности. Почва для этой любви, конечно, была подготовлена с детства, поскольку в семье было много художественных альбомов с репродукциями, а стены квартиры были украшены качественными копиями Рафаэля и Леонардо да Винчи. Эти копии кочевали вместе с семьей, которая часто переезжала с места на место, и пропали в конце концов в Ленинграде во время блокады. В живописи Константин Генрихович отдавал предпочтение импрессионистам, которых он хорошо знал и любил. Обладая прекрасной памятью, он даже в преклонных годах мог вступать в дискуссию по проблемам искусства и при этом упоминал художников и поэтов, имена которых были либо забыты, либо не слишком популярны.

С весны 1924 г. он, параллельно с учебой в Горном институте, начинает работу по палеонтологии в Геологическом комитете (вторая его профессиональная деятельность, в которой он в дальнейшем станет крупным специалистом).

Геологический комитет при Горном департаменте Министерства государственных имуществ России (Геолком) был организован в 1882 г. и сыграл огромную роль в становлении геологической службы в России.

Его создание было вызвано необходимостью объединения специалистов горного дела и государственного контроля за геологическими работами. Первым пунктом среди задач нового учреждения было “составление по одному плану геологической карты страны, которая помимо ее важного научного значения дала бы твердую основу и для практической деятельности”. В Геолкоме были разработаны первые методические указания по составлению геологических карт, а также унификации графических обозначений.

Картографическая и издательская деятельность комитета была высоко оценена мировой общественностью: в 1893 г. он был награжден зо-

лотой медалью на Колумбийской выставке в Чикаго, посвященной 400-летию Америки, в 1898 г. получил гран-при на Международной выставке в Брюсселе. Комитет участвовал в геологических исследованиях вдоль строящейся линии Транссибирской железнодорожной магистрали. В начале XX в. им были развернуты исследования с целью поиска нефтяных месторождений.

Большое внимание Комитет уделял и внешним связям. Свидетельством признания международного авторитета отечественной геологической службы является проведение в 1897 г. в Петербурге VII Международного геологического конгресса, на котором собрались делегаты из 26 стран мира. Интересно, что первоначальный штат Комитета составлял всего шесть человек.

В 1912 г. Николаем II был утвержден Закон “Об установлении Положения о Геологическом комитете и штата сего Комитета”. Кроме составления общей геологической карты России, Комитет должен был продолжать детальные исследования в Донецком каменноугольном бассейне, на Апшероне, Южном Урале, в районе Кавказских минеральных вод, в нефтеносных районах Уральской области и в других областях. В связи с этим в штат Комитета были введены еще 62 должности.

К 1917 г. окончательно оформляется организационная структура Комитета: Отдел геологической съемки, включающий в себя секции Европейской России, Крымско-Кавказской, Урала, Туркестана, Сибири и Дальнего Востока; Отдел геологической съемки специального назначения и изучения минеральных богатств России с секциями металлических полезных ископаемых, золота и платины, нефти, каменного угля, неметаллических ископаемых и стройматериалов, гидрогеологии и минеральных вод; Отдел научной обработки материалов и Музей прикладной геологии.

В 1919 г. Геолком был включен в состав ВСХН (Высшего совета народного хозяйства). Деятельность Геолкома значительно расширилась, выросла и его численность. В 1922 г. Президиум ВСНХ СССР утвердил Положение о Российском Геолкоме, по которому Комитет являлся высшим правительственным геологическим учреждением СССР, организующим, осуществляющим и регулирующим все геологоразведочные работы общегосударственного значения.

Деятельность Геолкома принесла большие успехи стране: уже в конце 20-х гг. были открыты богатейшие месторождения калийных солей в Пермской обл., Магнитогорское железорудное месторождение, месторождение нефти в Приуралье, Тюленевское, Крестовское и Черемшанское месторождения силикатных никелевых руд, новые оловянные месторождения в Забайкалье и др. На базе многих из них началось строительство рудников и заводов¹¹.

Войновский-Кригер принимал активное участие в геологических экспедициях Горного института. Первая его геологическая практика (лето 1924 г.) проходила в районе пос. Миньяр Челябинской обл. на Урале.

¹¹ Горно-геологической службе 300 лет. http://www.ecocom.ru/press/reliz/300_year.html

В письмах домой он описывает свои первые маршруты, первые геологические находки. Собранные окаменелости (25 пудов) в рюкзаках несли на базу за много верст. Питание самое скромное: каша, молоко хлеб. И – безденежье. Партия долгое время не могла продолжить работу из-за того, что Геолком не пересылал деньги. Константина беспокоит, как родные в Петрограде. Что у мамы и бабушки с глазами? Запаслись ли они дровами на зиму, хватает ли денег на жизнь? Очень сожалеет, что не может ничего выслать.

К жизненным проблемам он относится уже как совершенно взрослый человек, ставший после смерти отца единственным мужчиной в доме и понимающий всю ответственность за дорогих ему женщин. Через много лет Войновский-Кригер так напишет о своей первой экспедиции:

“Впервые я попал на Урал ... когда я был еще студентом Ленинградского горного института. В этом году я работал помощником геолога (коллектором) у Дмитрия Васильевича Наливкина¹², ныне академика, старого исследователя Урала. Другим коллектором у Дмитрия Васильевича был мой товарищ, тоже студент, младший брат Дмитрия Васильевича, Борис Васильевич Наливкин, сейчас преподаватель в Ленинградском горном институте, палеонтолог. Мы работали на реке Миньяр, затем в районе Симского завода, а еще позже переехали в район реки Зилима, приток реки Белой.

Условия для работы были трудные: почти не было транспорта... очень плохо обстояло с питанием. Но это нас не огорчало. Мы были молоды, а главное – полны энтузиазма. Увлечение работой самого Д.В. Наливкина невольно передавалось и нам. Я в это время узнал от него много интересного в области геологии, что запомнил на всю жизнь”¹³.

Уже следующий полевой сезон (лето 1925 г.) К.Г. Войновский-Кригер проводит на Сахалине в экспедиции, организованной А.Н. Криштофовичем¹⁴. Письма родным дают возможность почувствовать и понять то воодушевление и восторг, которые охватили молодого геолога, попавшего в полевую экспедицию:

“Добирались до Сахалина из Владивостока на яхте, ранее принадлежавшей миллиардеру. В проливе Лаперуза попали в шторм. На Сахалине поселились в Александровке – маленьком городишке с одноэтажными деревянными домами. Это был период, когда японцы только что ушли и жизнь постепенно налаживалась. Поселились в большом доме – бывшем общежитии японских офицеров. Пока еще не начались основ-

¹² Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – известный геолог и палеонтолог, д.чл. АН СССР (1946), почет. чл. АН СССР (1951), Герой Социалистического Труда (1962). Разработал учение о фациях. Автор многих трудов по стратиграфии и палеонтологии.

¹³ *Войновский-Кригер К.Г.* Воспоминания геолога // Индустр. газ. (Алма-Ата). 1962.

¹⁴ Криштофович Африкан Николаевич (1885–1953) – выдающийся ученый, геолог, лингвист, палеоботаник, знаток геологии Дальнего Востока, д-р биол. и геол.-минерал. наук, проф., д. чл. АН УССР (1945), чл.-кор. АН СССР (1953). Работал в Геолкоме с 1914 г. Арестован в 1930 г. по “делу академии наук”, выслан на 5 лет. С 1935 г. работал в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Одессе.



А.Н. Криштофович

ные работы, каждый день проводятся ознакомительные геологические экскурсии под руководством П.Н. Полевого и А.Н. Криштофовича – знатоков геологии Сахалина”¹⁵.

Константин Генрихович выступает на открытом партийном собрании с докладом о целях экспедиции и порядке работ: на первом этапе – работа на юге острова, потом на руднике, потом на севере. К запланированным работам прибавляется еще одна – поиски нефти на севере острова.

“В первом же маршруте (5 человек и 3 лошади) немного поплутали. Ходили по долинам рек и фиксировали выходы углей, собирали образцы, остатки растений и животных. А.Н. Криштофович оказался прекрасным ботаником и прививает нам свои знания и любовь к растениям, которыми южный Сахалин особенно

богат. Маршруты оказались тяжелыми физически главным образом из-за трудной проходимости. Идти приходилось по тропам, заросшим колючим шиповником, заваленным буреломом. Переходы осложнялись бесконечными бродами, которые надо было преодолевать не снимая обуви, – и так все время с мокрыми ногами. Для того чтобы избавиться от воды, в сапогах делали дырочки. И здесь помог опыт А.Н. Криштофовича, который носил японские туфли, быстро намокающие и быстро высыхающие”¹⁶.

Константин Генрихович близко сходится с А.Н. Криштофовичем. Их объединяют и необходимость делить невзгоды полевой жизни, и любовь к геологии и естествознанию вообще. Поражает Константина Генриховича и феноменальная память этого человека, его знания в самых разнообразных областях.

Константин Генрихович пользуется любым случаем, чтобы поделиться своими впечатлениями и убедить людей в важности экспедиции. В с. Онор, где всего-то 17 дворов, Константин Генрихович снова читает доклад на общем собрании крестьян о целях экспедиции.

И снова двухнедельный маршрут с палаткой, кострами, а самое главное – с интересными находками.

Тяга к неизвестному, непознанному, разносторонность научных интересов уже тогда выдавали в Войновском-Кригере будущего ученого. Трудности экспедиции он воспринимал без страха, как романтику:

¹⁵ Из письма матери от 22 мая 1925 г.

¹⁶ Из письма матери от 16 июня 1925 г.

“Это письмо я пишу, урвав минутку среди работы. Мы живем на руднике. Целые дни проходят в экскурсиях-маршрутах по всем окрестностям рудника. Надо отметить, что здешняя флора очень мало отличается от Владивостокской и в общем беднее ее. Так как времени мало у нас, а район для обследования немалый, то я теперь хожу с одним рабочим. Таким образом, я впервые на самостоятельной геологической работе. Это лето вообще мне очень много дало. Каждый день я вижу много нового и многому учусь. А.Н. Криштофович уедет раньше на несколько дней (когда мы кончим работу), а я, вероятно, задержусь еще здесь на несколько дней для одной, интересной для меня самого, чисто палеонтологической работы, – мне очень хочется порыться тут в одной скале, где есть отпечатки раков, рыб, креветок, морских звезд и т.д. Сейчас работы идут очень напряженно, днем в походе, вечером черчу, подписываю коллекции и т.д.

Мне только очень хотелось, чтобы вы, мои дорогие, отдохнули хоть немного за это лето. Целую крепко всех вас. Месяца через три после получения письма Вами мы будем вместе! Ваш Котя”¹⁷.

Следующий этап работ этого сезона – север Сахалина. Добирались туда на лодке, которую тащили по берегу собаки. И здесь, на западном берегу, поиски исследователей увенчались успехом: они нашли нефть. А.Н. Криштофович придавал этой находке огромное значение: сразу же разослал телеграммы во все концы, отобрал три бутылки с нефтью, которые сберегались пуце глаза.

Летом 1926 г. Войновский-Кригер работал на геологической съемке в Восточном Забайкалье в качестве начальника партии под общим руководством М.М. Тетяева¹⁸.

Первые яркие впечатления этого года были связаны с найденным местными жителями в 13 верстах от Сретенска скелетом мамонта. К месту нахождения отправились на пароходе вниз по Шилке. Река так обмелела, что пароходик скреб днищем по камням. Наконец добрались до Усть-Кары. Там наняли лошадей и отправились к месту находки. Все население вдоль реки было занято одним делом – искали золото. Приехали в с. Нижняя Кара, откуда исходили сведения о мамонте. Оказалось, что на одном из приисков уже 2 года назад на глубине 3 сажень была найдена голова мамонта с бивнями, но без шерсти и мяса. Было основание думать, что сохранился и весь скелет. Однако за эти годы яма обвалилась так, что мамонта было не достать. В конечном итоге пришлось ехать обратно с чувством горького разочарования.

В июле перебрались в Газлимурный Завод. Появилась новая проблема – купить лошадей. После обычной торговли – проба лошади. Для этого надо было проехать на ней перед всей толпой, которая прини-

¹⁷ Из письма матери от 13 июля 1925 г.

¹⁸ Тетяев Михаил Михайлович (1882–1956) – геолог, тектонист, д-р геол.-минерал. наук, проф. Учился в Бельгии, где закончил техническое отделение Льежского университета с дипломом горного инженера (1911). Там же защитил диссертацию по палеозойским образованиям Европейской России. В 1912–1937 гг. работал в Геолкоме – ЦНИГРИ. С 1930 г. – проф. ЛГИ. Об его аресте по “Красноярскому делу” рассказано далее.

мала самое активное участие в торге. По тому, как ты едешь, меняется общее отношение к тебе и, соответственно, цена на лошадь. Посадка Войновского-Кригера была признана удовлетворительной (все же бывший офицер) и заслужила одобрение толпы. Поскольку покупка лошадей была сопряжена с проблемами, предпочитали нанимать рабочих вместе с лошадьми.

Наконец приехал М.М. Тетяев и присоединился к экспедиции. Константин Генрихович сразу оценил знания и ум этого человека и понял, что от него можно многому научиться. Вместе с М.М. Тетяевым они посетили Нерчинский завод. Константин Генрихович снова в восторге от работы и новых палеонтологических находок. Все время проходит в маршрутах и описаниях разрезов. И, несмотря на занятость и усталость, он не может пройти мимо бабочек (его страсти и привязанности с детства), поражаясь многообразию их видов и расцветке. Он пишет много писем домой. Его беспокоит и болезнь матери, и дочка Ксенечка, которая родилась в 1926 г., и продолжение учебы в Горном. Младшая сестра Тамара уже получила диплом, а он все учится. А ведь он единственный кормилец в семье и на нем столько забот.

Летом следующего года (1927) – снова Забайкалье, и снова работы под руководством М.М. Тетяева. Снова заботы о подборе рабочих и покупке лошадей. В этом году семья с маленькой Ксенечкой, которая уже начала ходить, отдыхает на даче в Детском Селе. Константин Генрихович очень волнуется: хватит ли денег, все ли благополучно, как покупка дров на зиму, хватит ли их. Всюду, где только можно, он стремится поделиться своими знаниями. В с. Бырка читает лекцию о происхождении Земли и рассказывает о солнечном затмении, которое должно вот-вот произойти.

Начало работ проходит в ожидании приезда жены – Ирины Александровны. Ее приезд на некоторое время оживил будничную работу. Вместе, на лошадях, они много ездили. Ирина Александровна взяла на себя все хозяйственные заботы.

Восторженно воспринимающий жизнь во всем ее многообразии, Константин Генрихович пишет в письме из экспедиции по Забайкалью: «Ехали вчера целый день по пустыне среди бурятских юрт, необозримых стад верблюдов, баранов и коз. Заночевали у крохотной землянки, называемойся “постоялым двором”, раскинув мою палатку, так похожую на красивую белую птицу...

... Степь полна жизни, то и дело из своих норок выскакивают красные тарбаганы (сурки), величиной со среднюю собачонку, важно ходят журавли, большие дрофы, на редких озерах – стада уток, а на берегах их – куропатки. А сверху нещадно палит солнце. Сегодня мы остановились у села Мулино. Сейчас готовится ужин. Перед палаткой, как всегда, масса народа – сидят, смотрят с жадным любопытством на мои вещи, следят за каждым моим движением. Я к этому уже привык, так что даже не замечаю постоянной аудитории»¹⁹.

Следующий сезон (лето 1928 г.) Войновский-Кригер снова провел в Забайкалье.

¹⁹ Из письма матери от 8 июня 1927 г.



Ирина Александровна во время приезда в Сретенск к мужу в 1928 г.

В 1927 г. Константин Генрихович окончил Ленинградский горный институт. Он учился у прекрасных преподавателей, память о которых сохранил на всю жизнь. Увлеченность палеонтологией он унаследовал от проф. Николая Николаевича Яковлева, который был одним из учредителей Русского палеонтологического общества, основанного в 1916 г., и его председателем в течение многих лет. Н.Н. Яковлев был издателем “Учебника палеонтологии”. Его исследования имели палеонтологическую направленность. Он изучал особенности кораллов *Rugosa*. Именно этими кораллами в течение многих лет занимался затем его ученик К.Г. Войновский-Кригер, первая работа которого о кораллах вышла в свет в 1927 г. [4].

В 1928 г. Войновский-Кригер направляется от Геолкома на несколько месяцев в заграничную научную командировку (Германия, Бельгия, Франция).

Командировка прошла очень успешно. Константин Генрихович увлеченно работал в геологических и палеонтологических музеях, где его, в частности, поразила та тщательность, с какой сотрудники этих музеев собирают проблематические (неопознанные) окаменелости. Проблематики представляют собой остатки редких и потому не канонизированных форм (иногда это личинки представителей ископаемой фауны), и, если их не собирать, они навсегда исчезнут для науки.

Через много лет Войновский-Кригер опишет один из эпизодов, произошедший с ним в заграничной командировке:

“В Палеонтологическом музее Баварской академии наук в Мюнхене имеется витрина, специально посвященная проблематикам. В ней издавна была выставлена окаменелость из юры южной Германии, описанная Quenstedt’ом под названием *Neuropoda fibrosa (incertae sedis)*. В 1928 г. мне, в бытность в этом музее, удалось расшифровать эту окаменелость, определив ее как корень лилии *Eugenia crinus*. Определение было признано правильным директором музея, профессором E. Broili, и окаменелость была тотчас же изъята из витрины и торжественно возвращена в лоно лилий, занимавших другой зал этого богатого музея” [18, с. 146].

Это был большой успех для молодого палеонтолога!

По результатам данной командировки была написана работа по морфологии девонских кораллов [7].

Глава 3

Под знаком “Черного ожерелья Печоры”

1929 г. оказался роковым для Войновского-Кригера, как и для многих тысяч его соотечественников. Он вернулся из зарубежной научной командировки, обогащенный новыми знаниями, полный надежд и энтузиазма, но был арестован и осужден коллегией ОГПУ по ст. 58, п. 4 на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в гражданских правах.

Осужденные по ст. 58 считались политическими заключенными (“врагами народа”, “изменниками Родине”). Содержание п. 4, согласно Уголовному кодексу РСФСР от 1926 г., было следующим: “Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению... влечет за собой лишение свободы не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела...”

Этот пункт мог бы привести и к расстрелу, чего не избежали многие представители “буржуазной” интеллигенции. Дворянское происхождение Войновского-Кригера, страницы его жизни во время гражданской войны, его работа в Геолкоме, который в эти же годы подвергся разгрому как “контрреволюционная шпионская организация”, поездка за рубеж – все это входило в число “факторов риска”, которые могли оборвать его жизнь. Поэтому 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей), по меркам того времени, были не самым страшным финалом трагического спектакля в “театре абсурда” тех лет.

За арестом последовало этапирование Войновского-Кригера в Печорский край с правом работать по специальности.

13 февраля 1930 г. он прибыл в Ухтинскую экспедицию ОГПУ, глухое таежное место, где небольшая речушка Чибью впадала в реку Ухту. Там расположился первый ухтинский концлагерь, назначением которого было промышленное освоение Северной топливной базы силами подневольных людей.

Право работать по специальности являлось большим утешением для Войновского-Кригера. Печорский край был недостаточно полно изучен, его недра скрывали много тайн – было над чем думать, было что открывать. Здесь, в Ухтинской экспедиции ОГПУ, началась новая жизнь Константина Генриховича Войновского-Кригера, ставшего одним из крупнейших исследователей Печорского угольного бассейна и Полярного Урала. Но прежде чем приступить к рассказу об этой удивительной жизни, нужно оглянуться назад и посмотреть на истоки, на развитие представлений о природных богатствах Севера, об угленосности Печоры и, наконец, пояснить, что же представляла собой Ухтинская экспедиция ОГПУ.

О природных сокровищах Севера знали давно

Становление и развитие минерально-сырьевой базы Коми края имеет давнюю предысторию. В седую старину было известно, что край этот таит в своих недрах сказочные богатства. В скандинавских и исландских сагах упоминалось о походах викингов на восток, в страну Биармию (Vjarmaland) для торговых обменов с местным населением. Викингов привлекали не только меха, но и серебро, золото и драгоценные камни. Их воображение поражало роскошное убранство капища главного божества биармийцев Йомалы. Истукан был украшен драгоценностями, восседал на земляном кургане, покрытом блестящими монетами, на коленях держал золотую чашу с золотыми монетами. В “Саге о Босе” рассказывается о похищении скандинавами всех драгоценностей Йомалы.

В 1213 г. на р. Цильме было открыто месторождение медных руд. Эту дату можно считать отправным пунктом в истории геологического изучения Коми края. О месторождениях на р. Цильме сохранилось много письменных упоминаний в источниках XV в. В 1491 г. царь Иван III направил туда поисковую партию рудознатцев “руды искать серебряные”. На следующий год царь посылает уже большую экспедицию с 350 рабочими для организации горного промысла медных и серебряных руд. На базе этого промысла была организована чеканка медных и серебряных монет. Добывалось и золото. Именно из печорского золота в 1497 г. была вычеканена русская золотая монета с профилем дочери Ивана III Феодоры. В общей сложности предки-рудознатцы открыли и вовлекли в промышленное освоение пять важнейших видов полезных ископаемых: медь, железо (из болотных руд), соль, точильный камень и драгоценные металлы. Была еще нефть.

В июне 1843 г. в бассейн р. Печоры была направлена научная экспедиция под руководством молодого ученого-геолога *Александра Андреевича Кейзерлинга* (1815–1891). Направлял и оснащал экспедицию

Корпус горных инженеров, который в те годы осуществлял государственный контроль за разведкой полезных ископаемых и их использованием. (Такую службу ввел Петр I, организовав Берг-Коллегию. В 1807 г. Берг-Коллегия была преобразована в Горный департамент, просуществовавший до 1834 г., когда на смену ему пришел Корпус горных инженеров.)

В работе печорской экспедиции принимал участие *Павел Иванович Крузенштерн* (1809–1881), сын прославленного флотоводца И.Ф. Крузенштерна. Кейзерлинг провел геологические, палеонтологические и ботанические исследования, важные для составления геологической карты Печорского края. Крузенштерн занимался научным картографированием Усть-Сысольского уезда и Печорского края. Материалы их исследований были обобщены в книге “Научные наблюдения во время путешествия в Печорский край”, изданной на немецком языке в 1846 г. В ней впервые было сделано научное описание Ухтинского нефтеносного района и Тиманского кряжа. Российская академия наук присудила исследователям полную Демидовскую премию в размере 5 тыс. руб.²⁰

После Кейзерлинга маршрутные исследования проводили Э. Гофман (1856), Ф.Н. Чернышев (1890, 1891), А.Е. Федоров (1896–1898) и др.

Благодаря усилиям этих энтузиастов к концу XIX в. появились некоторые представления о геологии Печорского края.

В 1864 г. промышленник и исследователь Севера Михаил Константинович Сидоров послал на Ухту партию изыскателей, а затем приехал и сам для покупки земли. Через 5 лет он приобрел здесь земельный участок, на котором построил нефтяную скважину. Затратив на разведку нефти и бурение более 600 тыс. руб., он так и не смог развить здесь нефтепромысел. На р. Усе Сидоров занимался разведкой пропитанных нефтью сланцев. Он увез в Париж около 6 000 пудов сланца, из которых французские химики добыли газ для освещения улиц.

В конце XIX в. к систематическому исследованию Печорского края приступил Геолком, перед которым стояла задача планомерного геологического изучения России. Под его руководством проводилось исследование месторождений полезных ископаемых, намечались места для геологических съемок, составлялись геологические карты. Все это должно было помочь ученым выявить геологическое строение России в настоящем и прошлом.

В 1903 г. акад. Ф.Н. Чернышев, бывший в те годы директором Геолкома, организовал экспедицию в район Ухты для геологической съемки. Проявляя интерес к этим местам и представители семейного клана Рябушинских, и иностранные фирмы.

Геолог Н.Н. Тихонович, проводивший в 1901–1902 гг. разведку нефти на Ухте, выявил, что часть нефтепроявлений радиоактивна. Этим открытием заинтересовался акад. В.И. Вернадский, который в те годы изучал радиоактивные месторождения России. Для георазведки он раз-

²⁰ Попова Р.Л. “Добровольным вызовом...” // Родники Пармы. Сыктывкар, 1990. С. 84–87.

работал геохимические методы, заложив основы геохимии – науки об изучении химического состава Земли и выявлении законов распространения и миграции в ней химических элементов. Для Тихоновича открывалась блестящая карьера: актуальная научная проблема, тесные контакты с выдающимся ученым и замечательным человеком! Мог ли Тихонович тогда предполагать, что Ухта превратится для него и многих его коллег в Голгофу!

В исследовании угленосного Усинского бассейна особую дань памяти нужно отдать *Андрею Владимировичу Журавскому* (1883–1914). Он пришел на Печору студентом Петербургского университета, любил этот край и остался в нем навсегда. На полученное наследство (Андрей был сыном генерала) он основал первый форпост науки на Печоре – сельскохозяйственную станцию. Побывав в экспедициях по рекам Большеземельской тундры – Адзьве, Большой Инте и Воркуте, он во многих местах нашел уголь и пришел к выводу, что эти места угленосны.

Большеземельская тундра в начале века была плохо изучена. Геологическое изучение этих суровых заполярных мест только начиналось. Андрей Журавский в докладной записке на имя П.А. Столыпина “О нефти и углях Печорского края” (1903) утверждал, что угли Большеземельской тундры и нефть на притоках рек Усы и Ухты смыкаются друг с другом, образуя “Черное ожерелье Печоры”. Эти уникальные месторождения можно было рассматривать как потенциальную северную топливную базу России.

И здесь развернулась научная дискуссия, продлившаяся много лет. На стороне Журавского были вещественные доказательства – образцы углей. Но Журавский был только студентом, к тому же специализирующимся в биогеографии. Талантливому исследователю не пришлось дожить до того времени, когда его предвидения полностью оправдались: в августе 1914 г. Андрей Владимирович Журавский, заведующий Печорской опытной станцией в с. Усть-Цильма, был убит...²¹

Таким образом, о “Черном ожерелье Печоры” знали давно. Что же служило препятствием к промышленному освоению этого края? Можно назвать много причин, среди которых – удаленность и малонаселенность этих мест, транспортные и экономические трудности. Чтобы добраться до таежного ухтинского района, нужно было совершить длительное путешествие по Ледовитому океану и северным рекам. Особенно труден путь был до Воркутинского угольного месторождения. Воркута – это голая тундра за Полярным кругом на 67-й параллели, это полярные ночи, пурга, вечная мерзлота. Можно сказать, “человеческий фактор” – одна из главных причин, которые сдерживали освоение природных богатств Севера. Чтобы освоить этот край, “требовалось” массовое переселение рабочей силы и инженерно-технического состава из обжитых мест России в тайгу и Большеземельскую тундру. Царское правительство на такой антигуманный акт не решилось. Но наступили иные времена, когда человеческая жизнь ничего не стоила...

²¹ Подробнее о нем см.: *Смоленцев Л.* Печорские дали: Повесть. Сыктывкар, 1993.

Помимо названных причин нужно указать также незавершенность геологического исследования этого огромного по территории северного края.

Чекистские методы освоения Севера

В 1915 г. при Президиуме Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В 1918 г. в ее составе появляются Отделение нерудных ископаемых во главе с акад. А.Е. Ферсманом, который проявляет большой интерес к изучению Кольского полуострова, и Отделение по редким и радиоактивным веществам во главе с акад. В.И. Вернадским. Под руководством А.А. Карпинского, президента Академии наук с 1917 по 1936 г., создается Отделение исследования Севера и Полярная комиссия АН. В 1923 и 1925 гг. организуются экспедиции на Новую Землю и в Печорский край.

Но вот наступает новый период в северной эпопее – чекисты предлагают быстрые методы освоения Северной топливной базы. Одним из инициаторов и разработчиков “Проекта освоения Севера” являлся Михаил Сергеевич Кедров, имя которого было печально известно в северных краях по его деятельности в 1919–1921 гг., когда он был сотрудником Особого отдела ЧК.

Созданная в Москве Северная научно-промысловая экспедиция с 1921 г. начала проводить систематические исследования Печорского края.

Кто же стал основной двигательной силой в промышленном освоении Северной топливной базы, куда входила нефтеносная Ухта и угленосная Воркута?

В 1928 г. начался судебный процесс по “развалу топливной промышленности”, известный как “Шахтинское дело” (Шахты – горняцкий город неподалеку от Ростова-на-Дону). В газете “Известия” от 12.03.28 появилось официальное сообщение Прокурора Верховного суда СССР о раскрытии в Шахтинском р-не Донбасса контрреволюционной организации по дезорганизации и разрушению каменно-угольной промышленности в СССР. Под руководством заграничного центра эта “организация” якобы осуществляла злостный саботаж и вредительство на заводах, шахтах и рудниках. Суду было предано 53 специалиста-горняка по обвинению во вредительской деятельности в период с 1920 по 1928 г. Аварии по причине бесхозяйственности и изношенности оборудования интерпретировались как преднамеренное вредительство. “Шахтинское дело” положило начало сталинских репрессий в отношении научно-технической интеллигенции в нашей стране. Всюду внушалось, что “буржуазные спецы”, носители старорежимных знаний, мешают сделать “большой скачок”, совершить “великий перелом”. Осужденные спецы направлялись в “особые места заключения” в соответствии с циркуляром ВСНХ и ОГПУ от 15.05.30 “Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство”. В этом циркуляре была сформулирована задача привлекать к решению научно-технических проблем лиц, за аналогичную деятельность привлекавшихся к суду. Это

является одним из аргументов, свидетельствующих, что дела были сфальсифицированы²².

Разгрому подвергся и Геолком ВСНХ СССР, в котором также “действовала контрреволюционная организация”. Обвинение строилось на том, что в открытой печати были опубликованы статистические сведения по горной и горно-заводской промышленности СССР и обзоры минеральных ресурсов. В обвинительном заключении, вынесенном 21 июля 1929 г., говорилось: “...контрреволюционная и шпионская организация в Геологическом комитете... осуществляла свою деятельность на основе программы, выработанной клубом горных деятелей, и стремилась использовать богатейшие статистические и разведочные данные, имевшиеся в распоряжении Геолкома, для искривления хозяйственной политики Совправительства в области горной и горно-заводской промышленности и этим способствовать восстановлению в СССР буржуазно-капиталистического строя”²³.

В январе 1928 г. состоялось заседание ОГПУ по вопросу освоения недр Печорского края. Было решено, что подрядчиком станет ГУЛАГ ОГПУ, как на Беломорканале. Так УСЕВЛОН (Управление северных лагерей особого назначения) приступил к освоению природных богатств Коми-Зырянской автономной области. Печору решили осваивать через Соловки, где скопилось около 200 “буржуазных спецов”, до этого работавших в главных нефтеугольных учреждениях нашей страны.

Для выполнения “боевой задачи” была сформирована “Ухтинская экспедиция ОГПУ”²⁴. В июне 1929 г. началась погрузка “рабсилы” на пароход “Глеб Бокий”, курсировавший между Соловками и Кемью. В Кемском пересылочном пункте было сделано пополнение. Курс взяли на Архангельск, далее по Белому и Баренцеву морям добрались до устья Печоры. 16 июля пароход причалил к берегу Печоры у д. Шельяюр, где перегрузили тяжелое буровое оборудование и двухлетний запас продовольствия на шняги. Далее предстоял тяжелый путь: 125 км вверх по рекам Ижме и Ухте шняги поднимали бурлацким способом. Шли, как ушкуйники в давние времена, шняги тянули лямками посменно семь-восемь человек. 21 августа лодки причалили к берегу Ухты в том месте, где она образует крутую излучину при впадении в нее Чибью. Здесь и была заложена база Ухтинской экспедиции ОГПУ – первый лагерьный пункт. На этом месте через несколько лет возникнет город Ухта. А пока говорили: “Прибыл этапом в Чибью”. Так сказали и о Войновском-Кригере 13 февраля 1930 г.

²² Кислицын С.А. “Шахтинское дело”. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д, 1993.

²³ Заболоцкий Е.М. “Дело Геолкома” // Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999. С. 398–403.

²⁴ Подробнее об этом см.: Канева А.Н. УхтПечлаг, 1928–1938 // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 331–357.

“Ум – нора” Николая Тихоновича

При освоении природных богатств Печорского края первое слово принадлежало геологам. Началом всех начал являлась геологическая съемка – комплекс полевых исследований для составления геологических карт, которые позволяют делать заключение о закономерностях распространения полезных ископаемых. Геологические карты служат основой для проектирования полевых разведочных работ и проведения инженерно-геологических изысканий.

Перед заключенными геологами Ухтинской экспедиции ОГПУ, куда попал Войновский-Кригер, была поставлена задача – всестороннее изучение природных ресурсов Печорского бассейна. В первую очередь нужно было найти нефть и угольные месторождения. Стоит напомнить, что 1929 г. – это начало первой пятилетки, которую завершили в три года (1929–1932). Это было время грандиозных планов превращения СССР в мощную индустриальную державу. Страна жила под лозунгом: “Догоним и перегоним Америку”.

Для обеспечения опережающего развития индустрии нужно было ускоренными темпами изучать природные и энергетические ресурсы, открывать новые месторождения, осваивать северные топливные базы страны. Это составляло важнейшую народнохозяйственную задачу. Именно эту задачу в Печорском крае и решала Ухтинская экспедиция ОГПУ.

Прибыв в Чибью, Войновский-Кригер был определен в геологический отдел этой экспедиции. Отдел возглавлял Н.Н. Тихонович, о котором мы уже упоминали. Здесь расскажем о нем подробнее.

Николай Николаевич Тихонович (1872–1952), дворянин, окончил Харьковский университет в 1896 г., затем совершенствовался по геологии в Московском университете и в Женеве. С 1904 г. – сотрудник Геолкома. Занимался изучением месторождений нефти, угля, меди, бокситов на Сахалине, Урале, Ухте, в Западной Сибири и Казахстане. С 1923 по 1926 г. – заместитель директора Геолкома, с 1926 г. до своего ареста в 1928 г. – заведующий учетно-экономическим отделом Геолкома.

Ситуация с Тихоновичем сложилась довольно нелепая и парадоксальная: обвиненный по 58-й статье, он проходил по двум пунктам: п. 6 – шпионаж, п. 7 – использование государственного учреждения с целью передачи сведений, по своему содержанию являющихся государственной тайной. За это его приговорили к расстрелу, который затем заменили на 10 лет ИТЛ. И в то же самое время, находясь в Бутырской тюрьме, он по заданию ОГПУ обосновывает нефтеносность Ухты, подготавливает списочный состав экспедиции, описывает условия и быт, в которых окажется экспедиция. Этот факт еще и еще раз подтверждает, что сами следователи не верили в виновность подсудимого, – иначе как можно было поручить врагу народа такое ответственное задание, а по прибытии в Чибью сделать его начальником геологического отдела?

От Тихоновича потребовали, чтобы не позже чем через год в Чибью забил нефтяной фонтан. Из всех заключенных геологов только он

еще до революции проводил изыскания в этих местах. Именно на него возлагались надежды, что он укажет место для бурения нефтяной скважины.

Узники ясно понимали: если это не случится в назначенный срок, их обвинят в саботаже – что грозило расстрелом. Тихонович правильно указал место для бурения скважины, фонтан нефти забил в срок... Под таким “домоковым мечом” приходилось работать заключенным геологам! Год 1930-й считается датой открытия Чибьюского нефтяного месторождения.

Коллектив заключенных геологов, который возглавлял Тихонович, какой-то остряк прозвал “ум-норой” (см.: *Смоленцев Л.* Голгофа России. Сыктывкар, 1991). Очень точное название! На первых порах заключенные жили не в бараках, а в землянках-норах. Ну а судить о том, была ли “нора” умной, можно по составу ее жителей. Этап приходил за этапом, и в Чибью скопилось много известных геологов и ученых с мировым именем.

Илья Исаакович Гинзбург (1882–1965), доктор геолого-минералогических наук, профессор, совместно с В.И. Вернадским развивавший геохимические методы. Он получил образование во Фрейбергской горной академии и Петербургском горном институте, был секретарем и товарищем председателя Киевского отделения Геолкома. Перед арестом работал в учетно-экономическом отделе Геолкома у Н.Н. Тихоновича. Проходил по “делу Геолкома”. Виновным себя не признал, но был приговорен 9 августа 1929 г. по ст. 58, п. 7 к высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ. В Ухтинскую экспедицию ОГПУ прибыл в октябре 1929 г. Работая в “ум-норе” Тихоновича, открыл в водных природных растворах Ухтинских промыслов радий и предложил технологию его извлечения.

Этапом 1931 г. прибыл на Ухту и “первый угольщик страны” *Петр Игнатьевич Полевой* (1891–1938), известный геолог-исследователь угленосных и нефтеносных областей Дальнего Востока и Севера. Окончив в 1903 г. Петербургский горный институт, работал в партиях Геолкома в Маньчжурии, Средней Азии, на Сахалине и Камчатке, в Анадырском крае и на Ухте. За монографию “Анадырский край” в 1911 г. Русским географическим обществом был награжден медалью им. Н.М. Пржевальского. В 1917 г. вышла в свет его книга “Знание Сахалина”. В 1924–1928 гг. – заведующий Дальневосточного отделения Геолкома. В 1926 г. принимал участие в работе III Тихоокеанского конгресса в Токио. Перед арестом работал старшим геологом Нефтяного геологоразведочного института. Принадлежал к школе акад. В.И. Вернадского. Был арестован в Ленинграде в мае 1930 г. и приговорен к 10 годам ИТЛ за шпионаж. Полевой проходил по “делу Академии наук”. В “ум-норе” Тихоновича он занимался поиском и разведкой угольных месторождений Заполярья²⁵.

Прибыл этапом 1931 г. и *Иван Николаевич Стрижов* (1872–1953), выдающийся геолог-нефтяник, заведующий нефтяным директоратом, известный всему миру автор системы рациональной разработки нефтя-

²⁵ *Крочик М.Н.* Петр Игнатьевич Полевой: (К 120-летию со дня рождения) // Нар. хоз-во Респ. Коми. 1993. Т. 2, № 2.

ных месторождений, почетный член Французского геологического общества, член Американской ассоциации геологов, председатель Научно-технического совета нефтяной промышленности СССР. Выпускник Московского университета (1893), Стрижов работал на рудниках на Урале и Кавказе, руководил поисковыми работами на нефть Товарищества братьев Нобель, открыл Ново-Грозненское месторождение, дал геологическую оценку ряда площадей для поиска нефти. После революции находился на руководящей работе, занимаясь восстановлением нефтяной промышленности. Стрижов считался создателем отечественной газовой отрасли. С 1926 г. он профессор МГУ, готовит новые кадры для нефтяной промышленности. Основные его труды посвящены геологии нефтяных месторождений Кавказа, Тимана и Притиманья, теории строения нефтяных и нефтегазовых залежей, системам их разработок, определению границ газовых месторождений, проектированию магистральных трубопроводов, прогнозу газоносности. Стрижова арестовали в 1929 г. как основного вредителя в нефтяной промышленности. В 1931 г. он был осужден ОСО ОГПУ по ст. 58, пп. 6 и 7 на 10 лет ИТЛ. Работал в должности заместителя начальника геолого-топографического сектора и старшим геологом поселков Чибью и Водного.

Этот перечень блестящих умов можно продолжить, но даже по немногим примерам можно судить об интеллектуальном потенциале “умноры” Тихоновича, куда судьба забросила Войновского-Кригера [107–110].

Еджид – Кырта

В “ум-норе” Тихоновича Войновский-Кригер сразу же занялся геологией Печорского бассейна в должности старшего геолога. Он начал исследовать угленосность бассейна верхнего и среднего течений Печоры и ее притоков. Разведочные партии под его руководством работали в бассейне р. Большая Кожва (левый приток Печоры), в районе Сюза-Юра-Йоль, у с. Якша-Порог, на правобережье Печоры между Подчером и Щургором.

Работать приходилось в крайне тяжелых условиях. Заключенные скудно снабжались продовольствием и одеждой. Не поступало бродовых сапог, так необходимых геологическим партиям, которые рассеивались по лесам и болотам. В холодное время года не хватало валенок, рукавиц, телогреек, бушлатов. Отсюда – обморожение, фурункулез, ревматизм и простудные заболевания. Из-за отсутствия белья и санпропускников – поголовная вшивость, которая способствовала распространению эпидемий. Быстро увеличивалось число больных цингой и пеллагрой. Прибывшие этапы заключенных были наполовину больны, истощены, неспособны к тяжелой физической работе. Геологические партии снабжались скромными аптечками – это была единственная медпомощь. Когда в глухой тайге кто-нибудь заболел или происходил несчастный случай, надеяться можно было только на свои силы.

Верным помощником К.Г. Войновского-Кригера в поисковых и разведочных партиях был *Николай Михайлович Леднев* (1885–1942),

уроженец г. Верный (Алма-Ата). Он в 1911 г. окончил Петербургский горный институт лучшим в выпуске. Его дипломная работа была отмечена поездкой за границу; в течение трех месяцев он совершенствовал свои знания в Вене, Загребе, Неаполе. По возвращении на родину был принят в сотрудники Геолкома. В 1913–1926 гг. работал на нефтепромыслах в Баку, Гурьеве, Фергане. В 1927 г. вернулся в Геолком на должность старшего геолога. В 1929 г. арестован по “делу Геолкома” и Коллегией ОГПУ осужден 18 марта 1930 г. по ст. 58, п. 4 (оказание помощи буржуазии), п. 6 (шпионаж), п. 7 (подрыв государственной промышленности), п. 11 (участие в антисоветской организации) на 10 лет лишения свободы. Прибыл этапом в Чибью в конце мая 1930 г., тремя месяцами позже Войновского-Кригера, и был направлен вместе с ним на поиски угля в среднем и верхнем течениях Печоры.

10 лет в труднейших условиях Н.М. Леднев занимался поисками и разведкой полезных ископаемых в бассейне Печоры и на Воркуте и в результате внес большой вклад в тектонику, стратиграфию и гидрогеологию Печорского региона. Будучи больным туберкулезом легких, он обратился в 1939 г. с прошением в НКВД о перемене места заключения по состоянию здоровья. После длительной бюрократической переписки ему разрешили работать не в полевых партиях, а старшим геологом геологического отдела Ухтижемлага. В результате пересмотра дела он был оправдан и освобожден 2 августа 1941 г., а в декабре 1942 г. умер от туберкулеза легких [110].

Несмотря на все трудности, в 1931 г. Войновский-Кригер открывает на Средней Печоре месторождение углей Еджид-Кырта. Это трудно-воспринимаемое для русского уха название “Еджид-Кырта” принесло ему в 1932 г. долгосрочное освобождение. Нет, он не стал свободным человеком. Из ранга заключенных его перевели в ранг колонизованных. “Колонизованные” – изобретение Г.Г. Ягоды, в начале 30-х гг. занимавшего пост заместителя председателя ОГПУ. Чтобы быстрее образом колонизовать Север, он решил часть заключенных перевести на поселковое положение до отбытия срока наказания.

Колонизованные стали своего рода крепостными. Они могли построить дом, обзавестись хозяйством, вызвать семью или вступить в брак, но не могли менять места жительства и даже на короткое время выезжать в другие места. В поселках они жили под надзором военной комендатуры.

Главную причину возникновения такого социального явления, как колонизация, можно видеть в перенаселенности лагерных пунктов. “По этапу шла вся страна” – так говорили в 30-х гг. Лагерные бараки и землянки были забиты до отказа. Переполненность лагпунктов на Ухте превысила все лимиты. Согласно лагерным отчетам за 1932 г. в бараках, где заключенные помещались на трехъярусных нарах, на каждого зека приходилось 0,4 м², что составляло 25% установленной нормы. Неуместившихся в бараках держали в землянках и палатках²⁶.

²⁶ Канева А.Н. УхтПечлаг, 1928–1938 // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 338.

Колонизация распространялась главным образом на рабочих и крестьян. Осужденные по ст. 58 могли перейти в ранг колонизованных лишь по специальному разрешению ОГПУ или ГУЛАГа – за особые заслуги.

В это время были колонизованы еще несколько “буржуазных спецов”, среди них Н.Н. Тихонович и И.И. Гинзбург.

Константин Генрихович на законных основаниях мог объединиться со своей семьей. К нему приехала жена Ирина Александровна. До этого она нелегально проживала неподалеку от мужа, выручала ее медицинская специальность: на Севере врачи были очень нужны.

В 1931 г. Ухтинская экспедиция ОГПУ была переименована в Ухто-Печорский лагерь (Ухтпечлаг). Появилось и “вольное” название: Ухто-Печорский трест (Ухтпечтрест).

Органы ОГПУ делали все возможное, чтобы информация о северных узниках, осваивавших топливную базу, не попадала на Большую землю. Существовала непререкаемая “истина”: Север покоряют комсомольцы и коммунисты. (Кстати, эта версия была в силе вплоть до 90-х гг.)

Но когда колонизованных под замаскированным конвоем стали вывозить для участия в чрезвычайно ответственных совещаниях или конференциях в Москву и Ленинград, – тогда начало происходить то, что принято называть “утечкой информации”.

Вот отрывки из дневника акад. В.И. Вернадского:

“2.03.1932. Вчера заседание СОПС под председательством Губкина: доклад И.И. Гинзбурга в присутствии ГПУ, при участии представителей ГПУ (молчавших). Выясняется интереснейшее явление. Удивительный анахронизм, который раньше считал бы невозможным. Научно-практический интерес и жандармерия. Может ли это быть и для будущего? Но сейчас работа ученых здесь идет в рабских условиях. Стараются не думать. Эта аномальность чувствуется, мне кажется, кругом: чувство с этим не мирится. Закрывают глаза.

5.03.1932. Утро. И.И. Гинзбург, с ним долгий разговор о воде, условиях работы. <...> Все из противоречий. Нет возможности набрать людей для работы на севере в тяжелых условиях иначе как силой. <...> Это распоряжение силой, не считаясь с волей личности, приводит к разращению и в конце концов к злоупотреблению властью, делается обыденщиной, правилом”²⁷.

В 1932 г. К.Г. Войновский-Кригер и Н.М. Леднев разрабатывают программу работ по выявлению шахтных полей в Еджид-Кырте. Начинается промышленное освоение этого месторождения. Войновского-Кригера назначают главным геологом шахты.

Начальником рудника Еджид-Кырта был заключенный горный инженер *Зиновий Моисеевич Хургин*, прибывший на Ухту первым этапом 21 августа 1929 г. Он родился в 1891 г., в 1926–1928 гг. работал в совет-

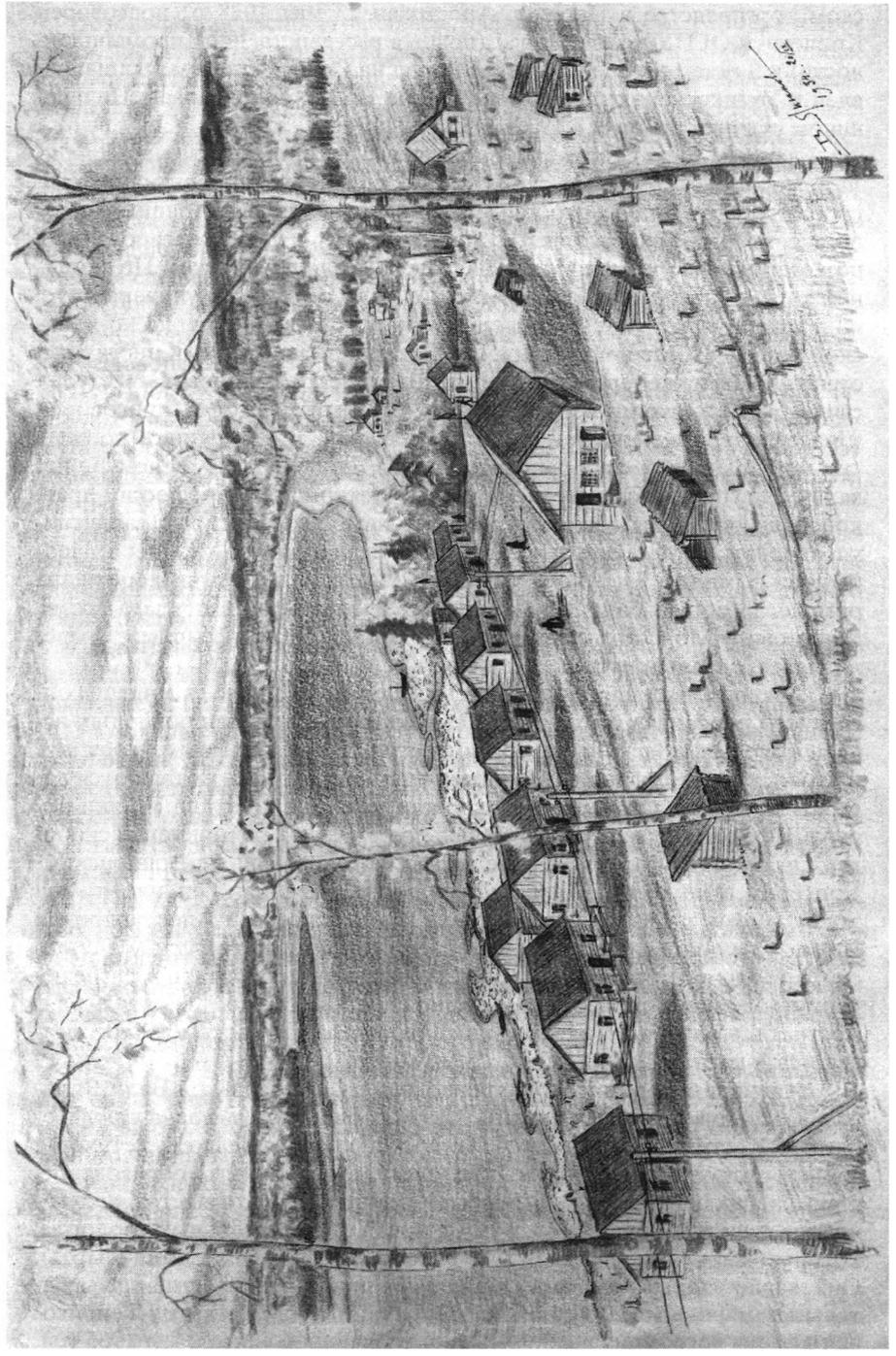
²⁷ Авторы благодарят В.П. Волкова, ответственного редактора еще не опубликованного 3-го тома “Дневников” В.И. Вернадского, за любезно предоставленную возможность процитировать эти строки.

ском торгпредстве в Париже. Арестован 23 мая 1928 г., приговорен Коллегией ОГПУ по ст. 58, п. 7 (подрыв государственной промышленности) к 5 годам лагерей. Вначале попал на Соловки, затем был направлен в Ухтинскую экспедицию ОГПУ. В 1932 г. колонизован. Начальником рудника работал в 1932–1935 гг. [110].

Главным инженером был заключенный горный инженер *Владимир Иванович Нетушил* (1884–1960), коренной харьковчанин, сын профессора Харьковского университета, несколько лет занимавшего пост ректора университета. (Нужно отметить, что репрессированных потомственных интеллигентов на Севере было в избытке!) По семейной традиции путь к высшему образованию он начал в университете, но прервал учебу, уйдя добровольцем на фронт во время русско-японской войны. После войны окончил Петербургский горный институт и стал горным инженером. Во время “Шахтинского процесса” выступал свидетелем защиты, а в начале 1933 г. сам был арестован, приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей. В Ухтпечлаге попал в “ум-нору” Тихоновича и был направлен в Еджид-Кырту. К нему приехала его супруга, Елизавета Ивановна Нетушил, по профессии врач, которая многие годы провела вместе с ним на Севере, работая в сануправлении Ухты и Воркуты. Еще одна “декабристка” XX века! Необычная фамилия “Нетушил” (предки – выходцы из Чехии) порождала разные лагерные байки, например: «Начальнику Ухтпечлага Якову Моисеевичу Морозу поступила телеграмма из Еджид-Кырты: “Сгоре-ла шахта, главный инженер не тушил”».

Инженеров в запроволочный мир попадало много, а младшего и среднего персонала не хватало. Приходилось среди заключенных искать молодых людей, не потерявших стремления к знаниям, и обучать их коллекторскому делу. У Константина Генриховича появляются лагерные ученики. Одним из первых стал семнадцатилетний юноша Сергей Ифанов, осужденный в 1930 г. по ст. 58 на 8 лет лишения свободы. Он окончил коллекторские курсы, организованные Войновским-Кригером, и начал работать на буровых. Константин Генрихович дал этому юному заключенному путевку в жизнь. Сергей Александрович Ифанов на долгие годы остался верен геологической службе Печорского угольного бассейна. В 1938 г. он перешел работать в разведку воркутинских угольных месторождений, в 50-е гг., после снятия судимости, был назначен главным инженером Воркутинской геологоразведочной партии [110].

Удачный поворот судьбы произошел и у молоденькой Вали Чичаговой (в замужестве Ифановой). В 1930 г. она была выслана с родителями из Костромской области в Печорский край. Ей было 15 лет, когда семью раскулачили. Никакой перспективы получить образование, стать специалистом. Тяжелые работы по устройству хозяйства, полуголодное существование... И вдруг – встреча с замечательным геологом, который набирает учеников для работы на буровых Еджид-Кырты. Она жадно впитывает знания и начинает принимать участие в изыскательных маршрутах Войновского-Кригера. Сам Константин Генрихович в своих воспоминаниях описывает следующий эпизод: “... 1935 год.



Нужно исследовать разрез по р. Шугор к западному склону Урала. Денег на экспедицию нет, нет ни снаряжения, ни продовольствия. Предлагаю молодой девушке коллектору Вале Чичаговой и коллектору Максиму Яковенко осуществить экспедицию в порядке ударника. Они с энтузиазмом соглашаются. Берем все трое отпуск, нанимаем в соседней деревне лодку, забираем свои продукты и отправляемся в путь... Было холодно, нещадно ели комары. Но молодые энтузиасты-коллекторы трудились не только как рабочие, но одновременно помогали вести наблюдения. На ночлег останавливались в охотничьих избушках. В пути у Вали окончательно развалился ботинок, отпала подошва, но есть еще бечевка, которой можно подошву подвязать. Обратились, неся на плечах груз коллекций” [83, с. 3].

Для обсуждения результатов и перспектив геологических изысканий ухтинские геологи решили регулярно проводить научно-практические конференции и выпускать журнал. Так, 10–14 апреля 1933 г. в пос. Чибью (города Ухты тогда еще не существовало) прошла Геологическая конференция Ухтпечтреста. Название “Ухто-Печорский трест” употреблялось в официальных, “вольных” документах вместо засекреченного “Ухтпечлаг”. Это облегчало маскировку – будто бы Север осваивается вольными людьми, а не заключенными.

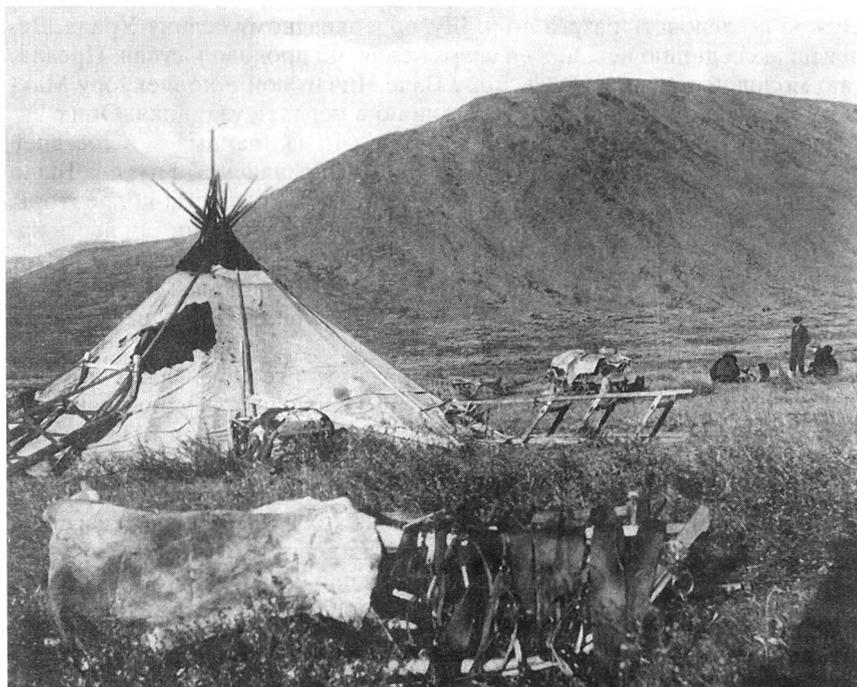
Тезисы и резолюция этой конференции были опубликованы во вновь организованном журнале – “Недра Советского Севера” (1933, № 1). Здесь была напечатана и первая работа Войновского-Кригера об открытии им месторождения углей в Еджид-Кырте [9]. Однако следующий – второй выпуск журнала не увидел свет. Мечта геологов Ухтпечлага иметь свое научное издание и проводить свои научные конференции так и осталась неосуществленной.

В 1944 г. в открытой печати вышла работа Войновского-Кригера “Угленосная площадь среднего течения р. Печоры” [15]. Вот отзыв о ней геолога Севера: “В этой сравнительно небольшой работе (64 с.) с присущей Константину Генриховичу обстоятельностью рассмотрены стратиграфия, тектоника района, строение месторождения и характеристика углей, а также задачи и методы дальнейших геологоразведочных работ и общие перспективы района. К.Г. считал, что открытие промышленного месторождения угля выдвигает необходимость постановки геолого-поисковых и разведочных работ вдоль западного склона Урала на всем протяжении от бассейна р. Вишеры на юге до р. Вуктыла на севере [91, с. 9].

Характер развития в этих местах угленосной толщи Войновский-Кригер определил так: “Отложение угленосной толщи означает резкую смену физико-географических условий, наступившую вдоль всего Урала после Турнейского века, но сам характер угленосной толщи, означающий взамен установившихся условий морских наступлений либо континентальных, либо если и морских, то прибрежных условий, предопределяет и непостоянство этих отложений. Поэтому не исключена возможность развития этой толщи вдоль западного склона Урала пятнами,



Рудник Еджид-Кырты, 1934 г. (рисунок геолога П.Н. Ливанова, подаренный Константину Генриховичу на память)



Геологи в экспедиции

и нахождение ее в каком-либо месте не означает, что ее не надо искать по соседству” [15, с. 62].

Основные же результаты исследования Еджид-Кыртинского месторождения содержатся в фондовых отчетах, хранящихся по сей день в объединении “Полярноуралгеология” в Воркуте (см. отчет о геолого-разведочных работах 1933 г. по Еджид-Кыртинскому месторождению; отчет “О состоянии наших знаний о пласте Еджид-Кыртинского рудника на 01.01.1933 и о программе-минимуме основных работ по выявлению шахтных полей. Состояние разведочных работ на Еджид-Кырте и важнейшие перспективы развития в этом районе” (совм. с Н.М. Ледневым); годовые отчеты за 1934–1935 гг.; отчет 1937 г. “Об условиях эксплуатации рудника Еджид-Кырта 1-го отдела”). В это время Войновский-Кригер работал уже за Полярным кругом на Воркуте.

Открытие Войновским-Кригером угольного месторождения Еджид-Кырта обеспечило Печорский край каменным углем. Печорские пароходы, бороздившие огромную реку Печору, перешли на угольное топливо.

Из воспоминаний Войновского-Кригера: “Жизнь на Печоре оставила у меня много воспоминаний. Печора – большая северная река, текущая среди чудесных хвойных и березовых лесов. На ней немало и интересных для геологов скал. Мне приятно было жить среди девственной природы Севера. Особенно приятно было зимой ходить на лыжах по



Константин Генрихович Войновский-Кригер в ссылке. Еджид-Кырта, 1934 г.

безмолвному лесу, прокладывая лыжню по пушистому нетронутому снегу. Здесь можно было и полакомиться очень вкусными зимой мерзлыми ягодами рябины.

Летом в лесу много грибов, ягод, масса рябчиков, тетеревов и белок. Красивое и величественное зрелище представляет мощный весенний ледоход на Печоре, а там, смотришь, и пароходы начинают ходить, а приход парохода в отдаленном крае – это каждый раз праздник.

На Еджид-Кырте я руководил разведкой на уголь, бурением. Скоро там были заложены шахты, уголь стали добывать, и печорские пароходы перешли на угольное топливо” [85].

В конце 30-х гг. некоторым сподвижникам Войновского-Кригера по “ум-норе” разрешили покинуть Север. В 1939 г. уехал в Москву Н.Н. Тихонович. В это время ему было уже 66 лет. Он устроился на работу в Московский филиал Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института и занялся преподавательской деятельностью, став профессором Московского нефтяного института. В 1947 г. он был удостоен звания “Заслуженный деятель науки и техники РСФСР”. В 1951 г., за год до своей кончины, опубликовал монографию “Девонские отложения Русской платформы и Приуралья”.

Было разрешено вернуться в Москву и И.Н. Стрижову. Последние годы он находился в ссылке в Красноярском крае, где написал книгу “Поиски нефти в новой стране”, которая так и осталась неизданной. В



Ирина Александровна Войновская-Кригер в роли “декабристки”, Ухта, 1930 г.

1940 г. он устроился на преподавательскую работу в Московский нефтяной институт профессором.

Что же касается И.И. Гинзбурга, то он вырвался из северного плена раньше других. Уже в 1934 г. ему разрешили переехать в Москву и работать в Геологическом институте АН СССР. За открытие никелевых руд на Южном Урале он стал лауреатом Государственной премии СССР и был удостоен звания “Заслуженный деятель науки и техники РСФСР”.

Войновскому-Кригеру судьба приготовила другой путь – двадцатилетнее служение Заполярью.

Глава 4

Во главе геологической службы Заполярья

В августе 1936 г. К.Г. Войновский-Кригер покидает Еджид-Кырту. В качестве старшего геолога Рудника его переводят в Заполярье, на Воркуту.

Тундра... Морозы до 50 градусов. Долгая полярная ночь, короткий полярный день. За зиму свыше 100 дней пурги. И вечная мерзлота... Мерзлая толща свыше 100 метров.

Города тогда еще не существовало. Когда произносили слово “Воркута” (что на местном наречии означает: “медвежий край”, “медвежье логово”), это относилось к реке. Поэтому и говорили: “Прибыл на Воркуту”. Строительство города начнется в 1937 г. на левом берегу реки. А пока существовал только Рудник на правом ее берегу – зона и несколько барачков для “вольных”. Железной дороги, связывающей Воркуту с железнодорожной сетью страны, тоже еще не было. Рудник с пристанью Воркута-Вом связывала узкоколейка. Все еще предстояло. Работали для будущего. На угленосной Воркуте ударными темпами должна быть возведена “Заполярная кочегарка”.

Войновский-Кригер становится руководителем геологоразведочных работ этого угольного бассейна. Вклад его в геологию Заполярья был столь велик, что сегодня его имя неразрывно связывают с созданием геологической службы этого края. Однако служба эта зародилась раньше, когда Константин Генрихович открывал и осваивал угольное месторождение в Еджид-Кырте. Расскажем о началах.

Гулаговский сценарий освоения Заполярья

В 1930 г. в бассейне р. Воркуты Институтом геологической карты проводились маршрутные геологические исследования под руководством Н.Н. Иорданского. Участник экспедиции Г.А. Чернов (сын известного геолога, исследователя Севера А.А. Чернова) в береговых обнажениях нашел выходы на поверхность пяти пластов каменного угля. Анализы показали, что угли Воркуты являются хорошо спекающимися, пригодными для коксования. Для промышленного освоения Печорского угольного бассейна это открытие стало решающим. В настоящее время приоритет открытия Воркутинского месторождения признан за Г.А. Черновым. Но, как часто бывает в подобных ситуациях, ответ на вопрос, кто первым открыл воркутинские угли, неоднозначен. До 1970-х гг. первооткрывателем месторождения считали местного охотника В.Я. Попова (1881–1961), который еще в 1919 г. собрал образцы воркутинских углей, а в 1921 г. отправил их в Москву. Указом от 23.12.47 “За открытие Воркутинского месторождения высококачественного угля” В.Я. Попов был награжден орденом Ленина.

20 апреля 1931 г. Президиум ВСНХ СССР принял Постановление “О развитии топливной базы в Северном крае”. В нем предусматривалось уже осенью того же года заложить в районе р. Воркуты 3-4 разведочные наклонные шахты, в 1932 г. переоборудовать их в эксплуатационные, с годовой добычей по 100–150 тыс. каменного угля. Проведение комплексных геологоразведочных работ возлагалось на уже известную нам Ухтинскую экспедицию ОГПУ²⁸. Таким образом, промышленное освоение Заполярья начало осуществляться из Ухтинской экспедиции ОГПУ силами подневольных людей.

В мае 1931 г. из Ухтинской экспедиции отправился отряд заключенных под руководством горного инженера из Донбасса *Андрея Андрее-*

²⁸ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984. С. 34.

вича Волошановского для разведочных работ на правом берегу р. Воркуты. А.А. Волошановский проходил по “Шахтинскому делу”, был этапирован на Соловки и оттуда прибыл в Чибью первым этапом 1929 г. Работал в Ухтинской экспедиции ОГПУ топографом. Срок его заключения должен был закончиться в мае 1935 г.

Из воспоминаний А.А. Волошановского: “Двинулись по незнакомой реке. Тяжел путь пионеров. Нет ни одного человеческого жилья. Проводники тоже не знали реки, нужно было пускаться вплавь, выворачивать камни, чтобы прошла лодка, расчищать путь и двигаться дальше, давая отдых людям и лошадям. 23 июля передовой отряд прибыл на место, и на правом берегу Воркуты водрузили красный флаг и палатку. Так было положено начало Руднику”²⁹.

Руководство геологоразведочными работами на Воркуте, которые проводились заключенными, Н.Н. Тихонович поручил П.И. Полевому. Подсчет угольных запасов делал Н.Н. Инкин.

Николай Николаевич Инкин (1891–1968) родился в Соль-Вычегодске в семье купца 1-й гильдии, учился в Усть-Сысольской гимназии (Усть-Сысольск, ныне Сыктывкар). Для получения высшего образования уехал в Польшу, где поступил в Краковскую горную академию. Но преподавание в ней ему не понравилось, и он перевелся в Петербургский горный институт. Окончание им Института совпало с началом первой мировой войны. Инкин решает стать военным летчиком, оканчивает летное училище, участвует в войне как морской летчик. По словам его сына Олега Николаевича Инкина, в военное время он часто бывал за границей (он знал 4 европейских языка), служил в отряде великого князя Константина Романова³⁰. В геологию Инкин вернулся после окончания гражданской войны. Он работал в Геологическом бюро при Главтопе ВСНХ, в директорате каменно-угольной промышленности Урала и Сибири, в управлении каменно-угольной промышленности Подмосковского бассейна, проводил разведку в Подмосковье. В мае 1929 г. был арестован и осужден Коллегией ОГПУ за “экономический шпионаж” по ст. 58, п. 6 на 10 лет ИТЛ. Находясь на Соловках, узнал о подготовке Ухтинской экспедиции ОГПУ и постарался в нее попасть, чтобы работать по специальности. Н.Н. Инкин оставил воспоминания о том, как была забурена первая скважина, вскрывшая на Воркуте угольный пласт:

“Порожистая река была препятствием к переброске грузов. Леса для строительства жилья не хватало, и люди стали закапываться в землю. Выкопают котлованы, а сверху обложат его дерном – землянка готова. К наступлению холодов нас уже было 350 человек. Зима 1931 года была исключительно морозной. Люди боялись отходить от территории Рудника. Через реку к штольне был перекинут канат, держась за который ходили во время работы. 27 ноября бригадой бурового мастера М.О. Чепыгина было начато бурение разведочной скважины. С технологической

²⁹ Арх. Воркут. межрайон. краевед. музея. НВФ. Воспоминания ветеранов Воркуты.

³⁰ Интервью с сыном Николая Николаевича Инкина, Олегом Николаевичем, провела Е.В. Маркова в мае 2000 г. Олег Николаевич проживает в Москве, а в своем детстве часто приезжал на Север к отцу.

точки зрения она не выдерживала критики. Из-за недостатка строительных материалов первая буровая состояла из трех игл копра и нескольких стоек, покрытых оленьими шкурами, брезентом, горбылем, мешками и большими снежными кирпичами. Обогревали буровую при помощи факелов из консервных банок. Вода в шурфах и штангах замерзала. Морозы доходили до 50 градусов. Но люди не сдавались. Горстка мужественных людей, одухотворенных высокой целью, пришла на пустынный берег заполярной Воркуты и ценой сверхчеловеческих усилий в чистую, как снег, страницу вписала первые строки своей истории³¹.

Ни Волошановский, ни Инкин в своих воспоминаниях не упоминают о том, что они и все их товарищи были заключенными. Цитируемый сборник вышел в свет в 1987 г. Более 30 лет прошло, как разоблачили культ личности Сталина и официально заявили о существовании “Архипелага ГУЛАГ”. Казалось, почему бы не написать правду, что “горстка мужественных людей” состояла из заключенных и не “пришла на пустынный берег заполярной Воркуты”, а ее, эту горстку, пригнали этапом. Но нет, – ни слова о заключенных, о лагерях. Только в 1991 г. Л. Смоленцев в своей книге “Голгофа России” рассказал о том, как от холода, голода и непосильного труда погибли сотни заключенных в первые годы освоения месторождений воркутинских углей.

Октябрь 1931 г., когда была забурена первая разведочная скважина, вскрывшая угольный пласт, считается началом геологической службы Заполярья. Ее основателями были заключенные геологи П.И. Полевой, его помощник Н.Н. Инкин и Н.Н. Тихонович, который в то время возглавлял все геологоразведочные работы, проводимые заключенными Ухтпечлага. Воркута в те годы входила в Ухтпечлаг как Усинское подразделение.

Для того чтобы пробурить первую скважину, потребовалось 4 месяца. (В настоящее время для этого нужно 4 часа.) Буровое оборудование 30–40-х гг. было крайне примитивным: деревянная тренога, буровой станок и слабосильный нефтяной двигатель. Технология проводки скважин держалась на буровом растворе из местных глин. Главным “прибором” для определения качества раствора был палец бурового мастера. Основная тяговая сила для перевозки оборудования со скважины на скважину – рабы-заключенные. Лошади появились позже. Вот в каких условиях зарождалась геологическая служба Заполярья!

Ну а что же было дальше? Заключенные выполнили правительственное предписание и добыли за зиму 1931–1932 г. 60 000 пудов угля, а вывезти его не представлялось возможности! Горки прекрасного коксующегося угля лежали в голой тундре мертвым грузом, и никто не представлял себе, каким образом этот уголь попадет на Большую землю. Ведь транспортная проблема оставалась нерешенной! С запозданием начали разрабатываться разные варианты ее решения. Приняли комбинированный, “узкоколеечно-водный” вариант: от Рудника – узкоколейкой до пристани Воркута-Вом на Усе, далее – водным путем по рекам

³¹ Скрыпа Б.И., Телехов Л.П., Яцук В.И. От белых пятен к “черному золоту” // Идущие впереди. Сыктывкар, 1987. С. 14–15.

Усе, Печоре к Нарьян-Мару, морем к Архангельску и затем – железнодорожным путем на юг страны. Другие, нереализованные варианты могли бы изменить всю картину промышленного освоения Северо-Востока Европейской части нашей страны. Так, был такой вариант: строительство железной дороги до побережья Карского моря, далее морской транспорт через Югорский Шар и Баренцево море к Архангельску. Или еще: строительство железной дороги на восток до Оби через хребты Полярного Урала, далее вниз по Оби до Северного Ледовитого океана и морским транспортом до Архангельска.

Строительство узкоколейки Рудник – пристань Воркута-Вом происходило главным образом в летние месяцы 1933–1934 гг. На этом строительстве работало свыше двух тысяч заключенных, которые с помощью тачки, лопаты и катальной доски строили дорогу. Каждый заключенный должен был за смену вывезти 5–8 кубометров грунта³². Путь в 64 км поезда проходили за 8–10 часов. Зимой дорогу заносило снегом, и она надолго выходила из строя.

В строительстве узкоколейки был вложен труд и заключенных геологов: они проводили изыскания трассы этой дороги. Работы по трассировке были закончены в 1933 г. Узкоколейку назвали ВЖД – Воркутинской железной дорогой. Как единственная железная дорога она просуществовала около 8 лет – до сдачи в эксплуатацию Северо-Печорской железной дороги в декабре 1941 г. За 10 лет по ВЖД было перевезено более 4,6 млн т груза, в том числе 1,7 млн т угля. Ее жизнь продолжалась некоторое время и в 1940-е гг. Так, в период с января 1942 г. по июнь 1944 г. по ВЖД было перевезено 2,1 млн т груза.

В основном уголь поставляла шахта № 1–2 (впоследствии ее переименовали в шахту № 8). Закладка этой первой на Воркуте шахты произошла в июле 1932 г. Ее проектная мощность составляла 150 тыс. т коксующихся углей в год. 1 сентября 1934 г. шахта была сдана в постоянную эксплуатацию. Началась промышленная добыча каменных углей на Воркуте. Этот день считается днем рождения нового угольного бассейна страны – Печорского угольного бассейна³³.

В период с 26 января по 10 февраля 1934 г. в Москве проходил XVII съезд ВКП(б). С докладом “Второй пятилетний план” выступили председатель Госплана СССР В.В. Куйбышев. Им были сказаны, в частности, такие слова: “... одной из крупнейших проблем Северного края, к разрешению которой будет приступлено во втором пятилетии, является развитие угольных и нефтяных месторождений бассейна реки Печоры, что позволит обеспечить высококалорийным топливом Северный морской флот, промышленность Мурманского и Северного края...”³⁴

Но, естественно, ни в речи Куйбышева, ни в одном из многочисленных открытых документов того времени не было упоминаний о том, чьими руками и чьим умом будет решена “одна из крупнейших проблем Северного края”, запланированная на второе пятилетие.

³² *Незретов П.* Почтовый ящик № 223 // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 240–256.

³³ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984. С. 44.

³⁴ Там же. С. 42.

**“Воркута, Воркута, Воркута,
Ни ствола, ни пенька, ни куста...”³⁵**

С 1936 г. К.Г. Войновский-Кригер стал руководить всеми геолого-разведочными работами в Печорском угольном бассейне и на Полярном Урале. В Усинский район входили два месторождения углей: Воркутинское (за Полярным кругом) и Интинское (южнее Полярного круга). Необходимо было выявить соотношение угольных пластов и их распространение, определить границы угленосности площадей, особенности их образования, выявить шахтные поля, произвести подсчеты запасов угля, изучить геологическое строение и геотектоническое развитие района, наметить перспективы разработки месторождений с учетом особенностей вечной мерзлоты. Промышленное освоение Заполярья приходилось сочетать с его научным освоением. Делать это в условиях неволи в голой тундре, когда отсутствовала связь с цивилизованным миром, было практически невозможно. Но Константин Генрихович сумел сделать невозможное – не только решить сложный комплекс практических проблем, но и наладить научно-исследовательские изыскания, воспитать многих учеников, создать свою научную школу.

Но это произошло потом, а пока небольшому коллективу заключенных геологов под руководством колонизованного Войновского-Кригера предстояло выполнить первоочередные работы по планомерной съемке Усинского района. Однако случилось так, что им пришлось принять еще дополнительные обязанности, не менее ответственные.

В 1936 г. вышло правительственное постановление о начале строительства железной дороги, связывающей угледобывающую Воркуту с г. Котласом. Этому постановлению предшествовало выступление Н.Н. Тихоновича в Госплане СССР в феврале 1936 г. о проблемах развития добычи воркутинских углей. В 1934 г. на Воркуте было добыто более 33 тыс., в 1935 г. – 103 тыс. т. углей. От шахт Воркуты требовали миллионы тонн углей. Тихонович утверждал, что при такой производительности речной транспорт не справится с перевозкой угля. Единственный выход – уголь нужно вывозить железнодорожным транспортом.

Геологам Воркуты пришлось участвовать в изыскании железнодорожной трассы. Сперва намечалось соединить Воркуту с селением Усть-Уса и далее проводить железную дорогу до Котласа. Почти все воркутинские геологи были брошены на ударную работу по изысканию двух вариантов трассы – по левому и правому берегам р. Усы.

В начале октября 1937 г. была получена правительственная телеграмма, в которой устанавливалось новое направление трассы: Воркута – Кожва – Ухта – Котлас. Изыскание этой новой трассы требовалось завершить к концу зимы.

Стояли сорокаградусные морозы. Работу осложняло отсутствие карт. Геологам приходилось помимо трассировки вести съемку местности.

Геологической частью изысканий руководил постоянный помощник Войновского-Кригера Н.М. Леднев. Об обстановке на трассе вспо-

³⁵ Их стихотворения Л. Шерешевского “Воркута”.

минал геолог С.А. Ифанов: “Трудности изыскателей были огромными: места, где велись работы, не обжиты, деревни расположены только по реке Усе в 15–20 километрах друг от друга, и то всего лишь один-два дома. Основным жильем были палатки. Снег в лесной зоне к середине зимы достигал двух метров, и лошади, а это был основной транспорт, “плавали” в нем, погружаясь по грудь.

Переезд со стоянки на стоянку – а это нужно было делать каждые три-пять дней – представлял довольно любопытную картину. Впереди идет состав изыскательного отряда, топчет снег, увязая по горло, далее – больше “плывут”, чем идут, – две лошади без саней, уминая снег своими животами и, наконец, двигаются лошади с санями и грузом. “Производительность” отряда – 1–2 километра в день, большего ни лошади ни люди дать не могут. Под вечер – установка палаток на новом месте. В ряде случаев приходилось отказываться и от лошадей. Тогда картина менялась: состав отряда вставал на лыжи, человек впрягался в собачьи нарты, которые поддерживал другой, так как на бездорожье они часто опрокидываются, и караван из десяти-двенадцати нарт трогается в путь. Все – и снаряжение и продовольствие – приходилось тащить на себе. Сам – транспорт, сам – изыскатель. И так по всей трассе: мороз, буран и труд, труд и еще раз труд. Только молодость и вера в то, что ты делаешь полезное дело, не давали вешать нос и сбавлять темпы работы”³⁶.

Только когда изыскания трассы закончились, воркутинские геологи смогли вернуться к изучению угольных месторождений.

Можно поражаться, как в такой критической обстановке Войновский-Кригер сумел в свой первый воркутинский год выполнить план геологических работ. Он самостоятельно провел исследование тектоники северного участка Рудника, подсчитал запасы на Воркутинском и Интинском каменноугольных месторождениях, составил обстоятельную пояснительную записку, и начал планомерную съемку восточной окраины Печорского угольного бассейна. В этом – весь Войновский-Кригер, правилом которого было “не искать причины, а находить возможности”.

Войновский-Кригер отчетливо понимал, что решить сложнейшие геологические задачи кустарными методами невозможно. Требовались разносторонние исследования, опирающиеся на современный уровень геологических знаний.

Геология – комплексная наука. Она включает стратиграфию, тектонику, морфологию, геодинамику, минералогию, петрографию. Поэтому к исследованию Печорского угольного бассейна нужно было подходить комплексно, изучив: развитие структуры земной коры и ее изменения под влиянием тектонических движений и деформаций (тектоника); последовательность формирования горных пород, их первичные пространственные взаимоотношения (стратиграфия); осадочные породы, их вещественный состав, строение, закономерности условий их образования и изменения (литология).

³⁶ *Скрыпа Б.И., Телехов Л.П., Яцук В.И.* От белых пятен к “черному золоту” // Идущие впереди. Сыктывкар, 1987. С. 18–19.

Геология тесно связана с палеонтологией – наукой о вымерших растениях и животных, сохранившихся в виде ископаемых остатков, отпечатков и следов их жизнедеятельности. Нужно собрать по крохам все доступные исследованию проявления жизни в геологическом прошлом и воссоздать картину смены их во времени и пространстве. Тогда угольная толща может “заговорить”. Геологам без палеонтологов действовать нельзя.

Сам Константин Генрихович еще со студенческой скамьи имел большое пристрастие к палеонтологии. И вот теперь на Воркуте он обнаруживает отпечатки раковин! Из воспоминаний К.Г. Войновского-Кригера: “...1936 год. На берегу Воркуты нахожу старые ящики с кернами. Это первое мое знакомство с горными породами Воркутинского разреза. Разбиваю керны молотком и, к своей великой радости, обнаруживаю отпечатки раковин – ископаемую морскую фауну. Обнаружение фауны сулило находку маркирующих горизонтов, великую помощь разведке. Но чтобы доказать ее руководящее значение, нужно было тщательно искать ее на буровых скважинах. ... Эту задачу разрешил коллектор буровой № 53, биолог по образованию, Георгий Михайлович Ярославцев. Можно было поражаться тщательности, с какой он дробил на мелкие кусочки все извлекаемые из земли куски пород. Скрупулезная, тщательная, любовно проведенная работа дала свои плоды – началось внедрение палеонтологии в дело разведки в Воркуте” [83, с. 2].

Георгий Михайлович Ярославцев (1902–1972) стал первым учеником Войновского-Кригера в области палеонтологии и многолетним его помощником. Он окончил Харьковский сельскохозяйственный институт (1926), занимался защитой растений от вредителей. Был арестован в 1936 г., осужден по ст. 58, п. 10 (агитация), п. 11 (участие в антисоветской организации) на 5 лет лишения свободы и этапирован в Воркутлаг. Лекции Войновского-Кригера на курсах коллекторов навсегда привязали его к геологии. Более 30 лет он проработал на Воркуте, стал ведущим геологом края. Им было открыто Верхне-Сырьягинское угольное месторождение. Ярославцев принимал участие в создании 3-го тома монографии “Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР” (этот том посвящен Печорскому угольному бассейну). Он один из авторов специальных выпусков “Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока Европейской части СССР” [110].

В этих лаконичных строчках обрисован жизненный и научный путь одного из учеников Войновского-Кригера, политзэка, попавшего на общие работы, что сулило ему неминуемую гибель, если бы он не встретил своего спасителя в образе Константина Генриховича. А сколько было таких учеников – спасенных, обученных, устроенных Войновским-Кригером!

В первый же свой воркутинский год Войновский-Кригер предложил всем геологам собирать “органику” – ископаемые растения и животных. Однако одних начинающих, “зеленых” палеонтологов, конечно, было недостаточно, для того чтобы широкомасштабно внедрить палеонтологию в изучение угленосных толщ. Нужна была помощь профессионалов.

В 1936 г. на короткое время на Воркуте оказался известный палеонтолог *Георгий Николаевич Фредерикс* (1889–1938). Барон в прошлом, он происходил из потомственных аристократов, был камер-юнкером царского двора. Окончил Казанский университет (1915) по кафедре геологии, с 1915 г. – магистр минералогии и геогнозии Казанского университета. Работал в Геолкоме, с 1926 г. – ученый секретарь Уральской секции Геолкома. Перед арестом работал в Ленинградском горном институте (доцент, ученый хранитель геологического музея) и одновременно в Ленинградском геологоразведочном институте; был старшим консультантом по геологическим исследованиям в Ленгидропроекте и Средневогострое. Арестован 28 февраля 1935 г. как “антисоветски настроенный, социально опасный элемент”. Осужден ОСО при НКВД СССР в марте 1935 г. на 3 года ИТЛ. Был этапирован в Ухтпечлаг, где работал геологом. Принимал активное участие в организации геологического музея в Ухте. На Воркуту попал этапом на о. Вайгач с заданием найти месторождение флюоритов.

К сожалению, оставить его на Воркуте для организации палеонтологической службы не удалось. Судьба Г.Н. Фредерикса сложилась трагично. Казалось бы, вначале все складывалось по лагерным меркам неплохо: имел небольшой срок, который к тому же за успешную работу был сокращен на 8 месяцев. Но в июне 1937 г. Фредерикс был вновь арестован и обвинен в умышленно неверном истолковании геологического разреза при разведке на нефть, а также в участии в заговоре против правительства. Началось новое групповое дело, и в феврале 1938 г. он был расстрелян [110].

Главной опорой Константина Генриховича в создании палеонтологической службы в Заполярье стал профессиональный палеонтолог *Владимир Васильевич Погоревич* (1902–1970), бывший румынский подданный, коммунист, нашедший убежище в СССР. Вот строки из его автобиографии, которая хранится в Геологическом музее объединения “Полярноуралгеология”:

“Родился в 1902 г. в Кишиневском уезде в семье священника. Учился в гимназии в Измаиле. Будучи в Румынии, вступил в подпольную коммунистическую организацию. Попал в тюрьму, получил нервное расстройство, был в больнице для душевных больных. Бежал в Москву. В составе парттысячи был направлен в строительный институт, в 1931 г. переведен в ЛГИ, закончил геологический факультет. Принят в аспирантуру в 1935 г. по кафедре исторической геологии и палеонтологии. Параллельно поступил в 1935 г. геологом в ЦНИГРИ (ВСЕГЕИ).

В 1936 г. арестовали моего брата, его жену и сына. Меня исключили из партии, затем арестовали по тому же делу – за контрреволюционную деятельность. По ст. 58, пп. 10, 11 ОСО осудило меня на 5 лет ИТЛ. В Воркутлаге работал геологом-палеонтологом геологического отдела. Освободился 01.09.42” (Нужно отметить, что на Воркуте оказалось немало румынских, венгерских, немецких, польских и болгарских коммунистов, искавших убежища в СССР и попавших в советский концлагерь.)

Погоревич освобожден в 1942 г. и остался работать в геологическом отделе комбината “Воркутауголь”, не имея права выезда. 30 лет

он отдал Печорскому угольному бассейну. После выхода на пенсию вернулся в Ленинград, где и умер в 1970 г.

Среди воркутинских геологов сохранились легенды о том, как работал влюбленный в палеонтологию Погоревич: “Его фанатическая увлеченность палеонтологией не имела себе равных – он мог из сотен мелких обломков раковины воссоздать и склеить целую форму! Чтобы отыскать остатки фауны в “немых” толщах, он целыми сутками работал на обнажениях, питаясь сухарями, и засыпал на камнях под телогрейкой. Палеонтологические материалы позволили В.В. Погоревичу реконструировать фациально-экологическую обстановку Воркутинского угленосного бассейна для отдельных геологических отрезков Пермского периода. Отсутствие реальной возможности публикаций своих работ в значительной мере снижало творческие усилия В.В. Погоревича, и поэтому основные результаты его палеонтологических исследований нашли отражение только в фондовых отчетах”³⁷.

С помощью таких энтузиастов, как В.В. Погоревич, Войновскому-Кригеру удалось в условиях неволи создать школу палеонтологов. Имена высококвалифицированных специалистов, вышедших из этой школы, получили со временем широкую известность.

Гуна Ивановна (Яновна) Дембская (1914–1976) относилась к узникам второго поколения: ее отец, поляк, отбывал в Иркутской губернии каторгу еще при царизме. В этих местах, в обрусевшей польской семье, она и родилась. В 1933 г. поступила на почвенно-географический факультет МГУ. Арестована 6 декабря 1934 г., осуждена по ст. 58, п. 8 (совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти) и п. 10 (антисоветская агитация) на 10 лет лишения свободы. Пройдя через разные лагеря, в 1940 г. попала в Воркутлаг и была направлена в геологоразведочное управление (ГРУ) комбината “Воркутауголь”. Под влиянием Войновского-Кригера и Погоревича увлеклась палеонтологией, и с этим увлечением не расставалась всю жизнь. После освобождения осталась на Воркуте, работала в Комплексной экспедиции треста “Печорауглегеология”. Став одним из ведущих специалистов-палеонтологов, она выполняла научно-исследовательские работы по изучению новых форм фауны и флоры угольных отложений. Имя Дембской увековечено в названии пермского двусторчатого моллюска. Похоронена в Воркуте [110].

Студентка геологоразведочного факультета Саратовского университета *Эльга Михайловна Загадская* (р. 1910) была арестована за 10 дней до защиты диплома, осуждена на 5 лет лишения свободы и этапирована в северные лагеря (Княж-Погост, Кочмес). В начале 1939 г. попала в Воркутлаг. Войновского-Кригера, который взял ее на работу в ГРУ комбината “Воркутауголь” и приобщил к палеонтологическим исследованиям, считала своим “отцом и учителем в палеонтологии” [110].

Войновский-Кригер своей научной интуицией угадал значение фауны и флоры в угленосных толщах. Он воспитал из лагерной молодежи

³⁷ Сулимов И. Эхо прожитых лет, или Воспоминания о Воркутлаге. Одесса, 1997. Вып. 4. С. 165.

многих специалистов-палеонтологов, внедрил палеонтологию в угле-разведку и постоянно помогал своим ученикам “находить” фаунистические горизонты, польза которых оказалась исключительно большой как для разведки, так и для общего научного познания угленосных отложений.

Воркутинское месторождение отличалось сложной гидрогеологией. Войновскому-Кригеру пришлось срочно разрабатывать методики проведения гидрогеологических наблюдений и готовить новые кадры. В этих работах ему помогал Н.М. Леднев.

На XIII сессии Международного геологического конгресса (октябрь 1937 г.) общие запасы Печорского угольного бассейна были представлены в количестве 36,5 млрд т на площади в 20 тыс. км². Но от геологов Заполярья требовали открытий новых и новых месторождений. С.А. Ифанов в 1938 г. открыл Усинское месторождение коксующихся углей. С 1939 г. наметились контуры крупнейшего месторождения коксующихся и энергетических углей – Воргашорского. В этом также была большая заслуга С.А. Ифанова. Войновский-Кригер открыл западное крыло Воркутинского месторождения. Г.М. Ярославцев внес свою лепту в геологическое изучение и освоение Большеземельской тундры, открыв в 1940 г. месторождение углей на Верхней Сыр-Яге. Заключенные геологи успешно превращали “белые пятна” в “черное золото”!

В 1940 г. были заложены четыре шахты с общей производительностью, превышающей миллион тонн углей в год. Роль Печорского угольного бассейна как объекта народнохозяйственного значения с каждым годом возрастала [103].

“Железная чистка” северных лагерей

Войновскому-Кригеру приходилось тратить много сил и времени на получение права свободного выхода за пределы зоны для заключенных геологов. Геологические изыскания связаны с экспедициями. А заключенные (в первую очередь это касалось осужденных по 58-й ст.) могли выходить из зоны только под конвоем. Вот и приходилось Константину Генриховичу решать эту трудную задачу персонально для каждого зэка, входящего в его коллектив.

Конец 30-х гг. ознаменовался трагическими событиями, которые привели не только к усилению лагерного режима, но и к массовой гибели осужденных по 58-й статье. Если не рассказать об этих событиях, то картина жизни тех, кто осваивал Северную топливную базу страны, будет неполной и недостоверной. Это была акция, направленная на массовое уничтожение репрессированной интеллигенции, которая составляла основу 58-й статьи.

Начало трагедии уходит в 1936 г., когда в стране ужесточился режим содержания политзэков, и в суровые печорские лагеря пригнали этапы эсеров, меньшевиков и троцкистов, до этого находившихся в политизоляторах, ссылках и других местах лишения свободы. Их поместили в зоны вместе с уголовниками и погнали на общие работы. Многие из них помнили дореволюционные тюрьмы и лагеря, когда политиче-

ских не смешивали с уголовниками, использовали на “интеллигентных” работах, не унижали и не лишали права протестовать и бороться за свои права. От них исходил первый импульс, толкнувший “58-ю статью” на длительную голодовку протеста.

Несколько тысяч узников Воркуты, Ухты, Усть-Усы и других печорских лагерей выступили с требованиями введения 8-часового рабочего дня, отделения политических заключенных от уголовников, работы по специальности, одинакового питания вне зависимости от выполнения нормы, перевода женщин, стариков и инвалидов из северных лагерей в более южные, а также выступили против беспричинной переброски заключенных из лагеря в лагерь. Голодовка протеста длилась в общей сложности 132 дня – с 26 октября 1936 г. по февраль 1937 г. Но если в царских тюрьмах и ссылках разрешалось протестовать, то в советских любой протест подавлялся с крайней жестокостью. Многие понимали обреченность этой акции, но примкнули к товарищам из солидарности.

Из воспоминаний А.Л. Войтоловской: «Мильман окончил Институт красной профессуры как историк. Товарищи говорили о его тонком уме и глубоком чувстве товарищества. Я видела его однажды на этапе и запомнила лицо человека-мученика. Характерным для него явилось его поведение во время голодовки на Воркуте. Даля Мильман и Гриша Злотников были принципиальными противниками голодовки и голосовали против нее. Но большинство решило голодать, тогда они присоединились к голодовке, подав следующее заявление (привожу его по памяти): “На Воркуте собран цвет революционной советской демократии. Нас собрали для истребления. Мы живем в такой период, когда голодовка и прочее – невозможны. Нам дадут умереть. Своей голодовкой мы идем навстречу целям правительства в деле нашего уничтожения. Таким образом, мы идем на самоуничтожение. Но стоять в стороне в то время, как наши товарищи будут гибнуть, не считаем себя вправе и потому присоединяемся к голодовке, хотя считаем ее неправильной и неоправданной. Мильман. Злотников”»³⁸. Д. Мильман и Г. Злотников были расстреляны вместе со своими товарищами...

Расстреливать начали в 1937 г., но это пока были еще не те массовые расстрелы, которые наступят в следующем году.

В зонах “для сведения лагнаселения” вывешивались приказы о расстрелах, подписанные начальником Ухтпечлага Я.М. Морозом: «Враги народа – троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, рыковцы и прочие наймиты фашистско-шпионской агентуры подрывают нормальную деятельность лагеря, стремясь дезорганизовать производство, организуя побеги, бандитские налеты, кражи как среди лагерников, так и вольнонаемного населения.

За указанные контрреволюционные действия заключенные... (приведен список из 24 фамилий. – *Авт.*) приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Приказ объявить всему лагерному населению»³⁹.

³⁸ *Войтоловская А.Л.* По следам моего поколения. Сыктывкар, 1991. С. 254.

³⁹ Арх. Воркут. межрайон. краевед. музея. НВФ. Приказы по Ухтпечлагу, 3200/1–45.

Страшно и стыдно читать такие приказы: ни одно конкретное преступление не названо. Огульные обвинения в троцкизме и т.п. дополнены обвинениями в бандитских налетах, кражах, побегах. Хотя всем было известно, что этим грешат уголовники, но отнюдь не “58-я статья”. И несмотря на всю нелепость и абсурдность обвинений, приведенных в расстрельном приказе, – “приговор приведен в исполнение”!

Для массовой расправы с участниками голодовки протеста, да и вообще “ликвидации 58-й со всеми ее пунктами” на Воркуту в январе 1938 г. прибыл оперуполномоченный из Москвы, лейтенант госбезопасности Е.И. Кашкетин (наст. фам. Скоморовский). Именно его имя связывают с началом массовых расстрелов в северных лагерях в 1938 г.

Кашкетин возглавил группу, выносившую приговоры по расстрельным спискам. Кроме него туда входили начальник оперчекистской части Печорских лагерей Григорович и начальник оперчекистской части Воркутского лагеря Чучелов. Расстрельные списки утверждались в Москве. Приводить приговоры в исполнение по этим спискам начали в марте 1938 г. Всего за этот год было расстреляно 2901 человек⁴⁰. Бывшие узники северных лагерей описывали отдельные эпизоды этой трагедии: “О способе расстрела говорит то обстоятельство, что все этапы смертников по пятьдесят человек в каждом отправляли с “Кирпичного” (лагерный пункт “Кирпичный завод”, место массовых расстрелов на р. Юнь-Яге. – *Авт.*) интервалом в один час. Значит, расстреливали не по одиночке, а из пулемета. Это мне также подтвердили многие. При таком способе не все бывают убиты сразу, и палачи достреливают раненых”⁴¹.

“Особо важных преступников” держали в воркутинской тюрьме на Руднике, здесь их пытали, здесь и расстреливали. На Ухте местом массовых расстрелов стала “Ухтарка” – лагерь на берегу речки Ухтарки.

Во время массовых расстрелов пострадали и многие колонизованные. В зонах появились вывешенные в людных местах приказы о деколонизации многих из них – “за невозможностью дальнейшего пребывания на положении колонизованных”. После этого их расстреливали⁴².

Среди погибших во время “кашкетинских расправ” были и геологи. Из близких Войновскому-Кригеру людей, с которыми он вместе работал на Ухте, – И.Н. Акулов и П.И. Полевой.

Иван Николаевич Акулов (1906–1938), преподаватель военной академии, геодезист. Арестован 15 июня 1931 г. и приговорен к 8 годам лишения свободы. Работал в Вайгачской экспедиции ОГПУ начальником полевой партии и геологом в Ухтпечлаге. Руководил курсами маркшейдеров. Расстался с жизнью в 32 года незадолго до освобождения [110].

В 1936 г. против Петра Игнатьевича Полевого (см. о нем в гл. 3) было возбуждено новое дело (№ 580). Его обвиняли во вредительстве (ст. 58, п. 7) – умышленном занижении угольных запасов Воркуты. Он

⁴⁰ См. об этом: *Полециков В.М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995; *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990.

⁴¹ *Байтальский М.* Тетради для внуков // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 341.

⁴² Арх. Воркут. межрайон. краевед. музея. НВФ. Приказы по Ухтпечлагу, 3200/1–45.

был отстранен от работы, посажен в следственный изолятор, а затем отправлен на асфальтовый рудник, где проработал до 1937 г. В мае 1937 г. закончился срок его заключения. Однако Полевого не освободили из-за выдвинутого против него нового обвинения. По справке, выданной НКВД, он скончался в тюремной одиночке 20.03.38 от паралича сердца. Однако Лев Смоленцев, который работал с местными документами и расспрашивал ухтинских старожилов, считает, что Полевого сожгли в бараке на Ухтарке во время зверских расправ с политзаключенными⁴³.

Факт сожжения заключенных в бараке описан очевидцем события *Алексеем Андреевичем Шаповаловым*, бывшим комкором в армии В.К. Блюхера (за близость к Блюхеру он и был репрессирован; после реабилитации работал начальником производственного отдела треста “Войвожнефтегазразведка”):

“Меня забрали в одну из ночей и увезли на Ухтарку... Окна барака забиты наглухо железными козырьками, двери обиты толстым листовым железом... Когда нас набралось человек двести или более того, пришли какие-то чины и начали сортировку. Десятка два эков, в том числе и меня, перевели в другой барак... Ночью мы, отсортированные, проснулись от шума: доносились крики, стрельба, в щели оконных козырьков проникали отблески пожара... Три дня нас держали взаперти, а потом выгнали наружу. На месте барака было потухшее пожарище. Нас заставили разгрести пепелище, вытаскивать обугленные трупы и сносить их в вырытую рядом траншею... Прошло несколько дней. Мы ждали своей очереди. Но вдруг нас, оставшихся в живых, с Ухтарки вывезли, взяв строгую подписку, что мы никогда никому не расскажем... Нас спас арест палачей Кашкетина и Григорошина (правильно: Григоровича. – *Авт.*)”⁴⁴.

В посмертной реабилитации Полевого основную роль сыграл геолог *Александр Александрович Зеленецкий* (1902–1960), проходивший вместе с ним по одному делу. Зеленецкий до ареста работал в отделе геологоразведки Института черных металлов. Его арестовали в 1930 г. и осудили за шпионаж. Он оказался одним из немногих “однодельцев”, доживших до 1957 г., когда началось дополнительное расследование по “делу Академии наук”. Зеленецкий полностью отказался от своих показаний, данных в 1930–1931 гг., заявив, что они были “получены в результате незаконных методов следствия”. В истории “позднего реабилитанса” это была первая групповая реабилитация. П.И. Полевой входил в эту реабилитированную группу [110].

Мы не случайно уделили много внимания “кашкетинским” расстрелам. Шло массовое “уничтожение 58-й статьи”. И сам Константин Генрихович, и все заключенные геологи, с которыми он работал, обвинялись по этой статье. Шел процесс деколонизации. Войновский-Кригер был не свободным человеком, а колонизованным. В любое время он мог ожидать, что его тоже деколонизируют, а затем и расстреляют. Все

⁴³ Смоленцев Л. Голгофа России. Сыктывкар, 1993. С. 385.

⁴⁴ Там же. С. 384.

вокруг жили под домокловым мечом. Но он был у руля. Он должен был вести вперед корабль под названием “Геологическая служба Заполярья”. Вперед и вперед, несмотря на то, что гулаговское море сотрясали штормы столь большой силы. Это требовало особых человеческих качеств. Здесь нужен был не только профессионализм самой высокой пробы, но и огромная сила воли, постоянное самообладание, умение поддерживать других, вселять в них надежду. Он выдержал, он преодолел. И его геологи выдержали и преодолели. А палач Кашкетин в январе 1939 г. был арестован сам и обвинен в контрреволюционной деятельности по ст. 58, пп. 7, 8, 10, 11. В 1940 г. его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу.

Такая же участь постигла других палачей, в том числе начальника Ухтпечлага Я.М. Мороза.

Глава 5

Во главе геологической науки Заполярья

В 1941 г. К.Г. Войновский-Кригер был назначен руководителем научно-исследовательского отдела геологоразведочного управления комбината “Воркутауголь”. Впервые в геологической службе Заполярья официально был сделан акцент на научных исследованиях. Появилась возможность реализовать (пусть хотя бы частично) богатство научных идей, которые порождал пытливым ум Константина Генриховича.

Но шла война... Военное время отразилось на жизни воркутян, несмотря на большую отдаленность Воркуты от линии фронта.

Воркутинские “сороковые-огневые”

Роль Печорского угольного бассейна во время войны сильно возросла. Донбасс и Подмосковный угольный бассейн были оккупированы фашистскими захватчиками. Шахты при отступлении советских войск были взорваны и затоплены. После освобождения оккупированных угледобывающих районов потребовалось их длительное восстановление. Воркута стала “угольной житницей” всего Северо-Запада нашей страны. Потребителями заполярного угля были: Ленинград и 35 других городов и железнодорожных станций, 52 промышленных предприятия и несколько железных дорог. Все они находились в девяти областях и двух автономных республиках РСФСР. За 5 лет (1941–1945) на Воркутском месторождении было добыто 7 млн 769 тыс. т высококачественного угля. Свыше 700 тыс. т угля дало Интинское месторождение. В общей сложности это более чем в 8 раз превышало добычу угля в Печорском угольном бассейне за 9 предшествующих лет⁴⁵.

Напомним, что в октябре 1937 г. Совнарком СССР принял Постановление о строительстве Северо-Печорской железной дороги. От

⁴⁵ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984.



Воркута. Взрыв газа на шахте “Капитальная”

Котласа до Коноши железнодорожная связь уже существовала. За три предвоенных года построили около 1000 км пути. Оставался самый трудный участок – Кожва–Воркута: непроходимые болота, вечная мерзлота. Во время войны темпы строительства возросли. В сентябре в сутки укладывали по два километра пути, в октябре – по четыре, а то и по пять. В конце декабря из Воркуты ушел первый эшелон угля. Сквозное движение Котлас – Воркута было открыто.

Северо-Печорская железная дорога, построенная узниками северных лагерей, явилась поворотным пунктом не только в истории Печорского угольного бассейна, но и в истории Коми АССР, так как она определила дальнейшее развитие экономики этой республики. Можно с уверенностью сказать, что она сыграла большую роль в истории нашей страны в военные годы. По ней на Воркуту пошло оборудование (которое успели вывезти перед приходом немецких войск) из Макеевки, Горловки, Лисичанска и других шахт Донбасса. Это позволило быстрыми темпами вводить в эксплуатацию новые шахты за Полярным кругом.

За годы войны воркутяне совершили “заполярное чудо”: построили и сдали в эксплуатацию 10 шахт, теплоэлектроцентраль, железнодорожные коммуникации между шахтами, завершили строительство Северо-Печорской железной дороги, превратив ее из “временки” в нормально действующую магистраль. Во все эти достижения огромный вклад внесли геологи: они открывали и осваивали угольные месторождения, работали на трассах, контролировали геологическую обстановку на строящихся и действующих шахтах. В военный 1941 г. ими была завершена де-



Константин Генрихович Войновский-Кригер (справа) и Георгий Петрович Софронов за разборкой образцов (Воркута, 1941 г.)

сятилетняя работа по составлению геологической карты (масштаб 1:1 000 000) со всеми сведениями по углю Печорского бассейна.

В эти тревожные и голодные годы К.Г. Войновский-Кригер сумел организовать при геологоразведочной конторе “Воркутстроя” шестимесячные курсы коллекторов для подготовки технического персонала геологической службы. Он взял на себя основную преподавательскую нагрузку – лекции по геологии, тектонике, стратиграфии, палеонтологии. Лекции были настолько интересны и вдохновенны, что из этой группы “ушли” в геологию большинство слушателей, среди которых многие стали крупными учеными.

Чтобы поддержать духовный и интеллектуальный климат в лагерьной зоне, Войновский-Кригер организовал постоянно действующий геологический кружок, собиравшийся по четвергам. Этот кружок и курсы коллекторов были для воркутлаговской молодежи “университетом за колючей проволокой”, местом приобщения к знаниям, полем для дискуссий, докладов и размышлений о геологии. Под руководством своего вдохновенного учителя “зеленые” геологи пытались на практике применять полученные знания.

Военный сорок первый год ознаменовался открытием трех угольных месторождений: Паембойского и Хальмеръяукского (Н.В. Шмелев) и Силовского (О.А. Эйнон, Н.В. Шмелев). Запасы угля, разведанные геологами Воркуты, на 1 января 1942 г. составили 414 млн т⁴⁶. План геологоразведочных работ, как правило, перевыполнялся. В 1942 г.

⁴⁶ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984. С. 60.

С.А. Ифанов и А.И. Блохин открыли Пальникъюокское месторождение барита.

В разведке полезных ископаемых геологи Воркуты стали применять помимо старых, гравиметрических, новые геофизические методы – электрометрические.

Развитие геофизической службы Заполярья связано с именем еще одного ученика Войновского-Кригера – *Владимира Васильевича Гречухина* (1913–1998), который отбывал в Воркутлаге пятилетний срок за “неверие в победу социализма в одной отдельно взятой стране” (так было сформулировано в доносе). Гречухин, впервые в Заполярье, применил при бурении скважин электрокаротаж (геофизический метод исследования разреза геологической скважины путем измерения удельного электросопротивления пород), позволивший быстро и надежно получать достоверную информацию из пробуренных скважин. Научная судьба этого человека примечательна и достойна отдельного повествования. После освобождения он остался на Воркуте, окончил заочное отделение геофизического факультета МГУ. На этом его дистанционная связь с ведущим вузом страны не оборвалась – он окончил еще и философский факультет. На Севере он стал ведущим ученым в области промысловой геофизики. В 1953 г. организует и возглавляет Печорскую комплексную геофизическую экспедицию по разведке угольных, нефтяных, газовых и нерудных месторождений. Создает первую в Союзе угольную петрофизическую лабораторию. Выявляет в Большеземельской тундре ряд нефтеносных структур. Защищает кандидатскую и докторскую диссертации. Отдает много сил преподавательской деятельности в Воркутинском филиале ЛГИ, где в 1965 г. занял пост заместителя директора по научной работе; по конкурсу избирается профессором. Даже после реабилитации (1956) на многие годы остается на Севере. В конце 60-х гг. В.В. Гречухин переезжает в Москву и устраивается на работу во ВНИИГеофизику, где заведует лабораторией методики исследования скважин угольных месторождений. Возглавляет Научнокоординационный совет по угольной геофизике при НПО “Нефтегеофизика”, является куратором Министерства геологии СССР по геофизическим исследованиям угольных скважин. В.В. Гречухину было присвоено звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”. Он автор 200 научных работ, 140 из которых опубликованы, остальные хранятся в фонде объединения “Полярноуралгеология” в Воркуте. Среди опубликованных работ – 8 монографий и 5 методических руководств. Им подготовлено 10 кандидатов наук. Итогом его многолетних исследований явилась разработка шкалы петрофизических параметров угленосных пород и установление закономерностей их изменения на примерах Печорского, Донецкого и Кузнецкого бассейнов [107].

В декабре 1942 г. произошло большое для геологов Севера научное событие: состоялась Первая геологическая конференция Коми АССР. Она проходила под руководством республиканских партийных органов в соответствии с Постановлением бюро Коми обкома ВКП(б) и Совнархоза Коми АССР. Конференция подвела итоги работы геологов Коми республики по изучению ее природных богатств и определила задачи

геологических организаций на последующие годы. Для репрессированных геологов был важен тот факт, что оценка деятельности геологов и перспектив их дальнейших работ исходила из уст партийного руководства. Из выступления первого секретаря Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тароненко: "...геологи Коми республики, воодушевленные особым вниманием к ним со стороны партии и правительства, немало поработали над изучением ископаемых богатств Севера, над освоением его природных ресурсов. Открыты миллиардные запасы высококачественного коксующегося и энергетического углей на Воркуте, Инте, Кырте. Особенно большие достижения имеют геологи Воркуты, открывшие уже за время войны богатейшие запасы коксующихся и высококачественных тощих углей в Силосовском районе и районе реки Хальмер-Ю, примыкающих с севера к Воркуте"⁴⁷.

С докладами о работе геологической службы Заполярья выступили К.Г. Войновский-Кригер и В.В. Гречухин. Доклад Войновского-Кригера "Геология Воркутинского каменноугольного месторождения в свете работ последних лет и перспективы северо-восточной части Большеземельской тундры" [14] подвел, в сущности, итог его деятельности с 1936 по 1942 г. как руководителя всех геологоразведочных работ в Заполярье. Гречухин рассказал о зарождении на Воркуте геофизической службы.

Этот первый геологический форум во многом помог Войновскому-Кригеру в его дальнейшей организаторской и научной деятельности. Похвальное слово о работе геологов Воркуты из уст партийного руководства открывало возможности добиваться льгот для заключенных коллег. Но вот что любопытно. Если неискушенный читатель, роаясь в архивах, прочтет выступление первого секретаря Коми обкома ВКП(б) о геологах, "воодушевленных особым вниманием к ним со стороны партии и правительства", то о чем он подумает? Меньше всего можно ожидать, что у него возникнет мысль о репрессированных геологах. В выступлении партийного деятеля с большим пафосом идет речь о геологах, которые работают в "таких мощных специализированных организациях, как Воркутстрой и Ухтинский комбинат". О лагерях, о заключенных нет ни слова. Может быть, во время войны они были досрочно освобождены? Увы, действительность была совсем иной. В день начала войны, 22 июня 1941 г., вышел Приказ НКВД и Прокурора СССР № 00221 об ужесточении режима в лагерях. Расконвоированные заключенные загонялись в зоны, многих политэзков сняли с ответственных должностей и с работы по специальности. Отбывших срок не освобождали, а оставляли в зоне "до окончания войны", они становились "пересидчиками". Участились повторные аресты. Был введен 11-часовой рабочий день на тяжелых работах и 12-часовой – на остальных. В зонах усилилась охрана, начальники лагерей и оперуполномоченные получили право неограниченных действий. В лагерях ухудшилось питание, санитарное состояние и медобслуживание.

⁴⁷ Там же. С. 64.

Ужесточение режима коснулось прежде всего политических заключенных. Во время войны разделение заключенных на “друзей народа” (уголовников) и “врагов народа” (политических), которое было и прежде и всячески поощрялось гулаговскими властями, обозначилось еще резче. Если раньше всех политических было принято называть “троцкистами”, то теперь они стали “фашистами”. На их фоне любой уголовник был “своим советским человеком”. В патристическом порыве заключенные рвались на фронт. Уголовников охотно брали в армию, политических – в редких случаях.

Явная дискриминация одной группы заключенных по отношению к другой породила тревожные слухи о готовящихся массовых расстрелах политэзков. Слухи не казались фантастическими – жива была память о злодеяниях Кашкетина в 1938 г.

В декабре 1941 г. в воркутинском лагерном пункте “Лесорейд” вспыхнуло вооруженное восстание, которое возглавил начальник лагпункта Марк Андреевич Ретюнин, бывший заключенный. Восстание быстро было подавлено, но его эхо долго витало над Воркутлагом. 20 августа 1942 г. по всем лагерям было разослано Постановление из Москвы “Об усилении контрреволюционного проявления в ИТЛ НКВД” с указанием о немедленном аресте заключенных, “на которых имеются материалы об антисоветских настроениях”. Началось выявление новых заговоров, последовали новые аресты. Так, был повторно арестован *Анатолий Эдуардович Гейцельман* (1902–1942), педагог-физик, осужденный в 1935 г. на 5 лет ИТЛ. Он отбывал срок в лагпункте “Крутая” Ухтижемлага, работал в геологических партиях. В 1941 г. срок его заключения закончился, но в связи с войной он был оставлен в лагере, а в 1942 г. арестован. Его дело рассматривала Коллегия Верховного Суда Коми АССР при Ухтинской НКВД. По ст. 58, п. 10, ч. 2 А.Э. Гейцельман был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В 1991 г. он был реабилитирован [110]. Всего за 1942 г. было привлечено к ответственности 2335 человек.

Несмотря на все катаклизмы, происходившие в Воркутлаге, от шахт Воркуты требовали постоянного увеличения добычи и вывозки углей. Совнарком СССР издал 12 февраля 1942 г. Постановление “О развитии добычи Воркутинских углей и о мероприятиях по обеспечению их вывозки”. Согласно этому постановлению, перед “Заполярной кочегаркой” была поставлена задача увеличить объем годовой добычи в 2,5 раза (до 750 тыс. т) и объем вывозки в 7 раз (до 700 тыс. т). Все это непосредственно касалось работы геологической службы. Геологи не только открывали новые месторождения, но и постоянно контролировали геологическую обстановку в действующих шахтах. Особое внимание уделялось вывозке углей, т.к. при больших их скоплениях в отвалах они самовозгорались.

В.П. Соколов, заместитель начальника комбината “Воркутстрой” с 1939 по 1942 г., вспоминал: “На шахте 1–2 скопилось 100 тыс. т угля. Кучи угля достигали высоты 10–13 м. Вот-вот уголь самовозгорится. Зимой заносы. Паровозик на узкоколейке разгоняли, и он бил снеговую стену. Отдыхал. Опять бил. 4 месяца мы бились с расчисткой путей. Ос-

талось 3–4 км – опять пурга и новые заносы. Уголь загорелся. Пришлось его растаскивать”⁴⁸.

В целях выполнения вышеприведенного Постановления Л.П. Берия, нарком внутренних дел, издал Указ от 17 февраля того же года за № 00321 “О развитии добычи Воркуто-Интинских углей и мероприятиях по обеспечению их вывозки”. Наркомату угольной промышленности предписывалось “произвести отбор 200 специалистов-горняков и направить их на постоянную работу на Воркуту и Инту”, а начальнику ГУЛАГа – “обеспечить отправку на Воркуту и Инту не позднее 15 апреля с.г. 10 тыс. человек лагерников из других лагерей и тюрем”⁴⁹.

Из Приказа № 00996 от 16 июня 1943 г. “О трудовом использовании спецконтингента при Воркутстрое НКВД Коми АССР”: “...начальнику управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-майору Петрову завести в июне месяце 1943 г. 1000 человек спецконтингента на Воркуту в распоряжение начальника Воркутстроя...”

Из Приказа № 00398 от 16 октября 1943 г. “О мероприятиях по увеличению добычи угля в Печорском угольном бассейне в IV квартале”: “...обязать замнаркома МВД Чернышева и нач-ка ГУЛАГа НКВД СССР Наседкина закончить направление на работу в Печорский угольный бассейн по сентябрьским и октябрьским нарядам 7000 рабочих из заключенных и мобилизованных спецконтингентов Воркутстрою и 500 рабочих Интастрою НКВД СССР”⁵⁰.

Таковы были гулаговские реалии... Основной рабочей силой были “лагерники” и “спецконтингент”, они же составляли основу “безымянного мозгового треста”, который двигал науку в Воркутлаге [103, 107].

Сам воркутинский концлагерь за эти годы несколько раз преобразовывался и переименовывался. До 1938 г. он входил в Ухтпечлаг, затем выделился в самостоятельную гулаговскую единицу – Воркутпечлаг. В угледобывающий Воркутпечлаг, кроме Воркуты, входила Инта. В 1940 г. Воркуту передали из Архангельской области, которой она принадлежала предыдущие годы, в Коми АССР. В 1941 г. Инта выделилась в самостоятельный Интлаг. В 1942 г. Воркутпечлаг переименовался в Воркутлаг, с “вольным” названием Воркутстрой (впоследствии комбинат “Воркутуголь” и комбинат “Воркутауголь”).

В 1943 г. в Воркутлаге появились каторжные отделения. Каторга была введена согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. В каторжных отделениях был установлен особо строгий режим с полной изоляцией каторжан от остального лагконтингента. Каторжане использовались только на самых тяжелых и опасных работах. На их одежде в трех местах нашивались номера. Суд присуждал им два вида срока – пятнадцать или двадцать лет плюс поражение в гражданских правах на пять лет. Среди каторжан не было расконвоированных. Свободный выход из зоны для них был строго запрещен. В силу

⁴⁸ Арх. Воркут. межрайон. краевед. музея. ОФ № 1057/19. Рук. “Воспоминания ветеранов Воркуты”.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 110, лл. 147–149 об.

⁵⁰ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 135, лл. 192–193 об.

этого Войновскому-Кригеру не удалось взять на работу в геологическую службу тех геологов, которые находились в каторжных отделениях Воркутлага.

Что собой представлял рабочий поселок Воркута в 1943 г.? Об этом можно судить по воспоминаниям геолога Ф.Ф. Оттена: “Маленький деревянный домик станции Воркута. Поселок Воркута имел 15–20 деревянных одноэтажных домов на Шахтной и Комсомольской улицах. В центре – двухэтажный комбинат “Воркутстрой”. Вокруг бескрайняя тундра. Я – геолог. Меня направили в геологоразведочную контору, которая находилась на Руднике. Мы перешли по доскам на правый берег Воркуты. В 1943 г. существовал только один временный деревянный мост через Воркуту – около шахты № 9–10. По этому мосту проходила узкоколейка, которая связывала поселок с шахтой № 8, т.е. с Рудником. Рудник был более обжитым”⁵¹.

Хотя путь с левого берега, где строился город Воркута, на правый берег (на Рудник) был недалек, во время пурги он становился крайне опасным. Здесь нередко замерзали люди. Вот отрывок из воспоминаний В.П. Соколова: “...одному работнику железнодорожного отделения понадобилось пойти на Рудник. Он пошел в пургу по “телефонным столбам”, но сбился с пути. Мы нашли его замерзшим на шестой день после пурги в двенадцати километрах от жилья. Прежде чем замерзнуть, он, видимо, сошел с ума, потому что мы нашли пальто, пиджак, валенки, брюки, белье примерно в 200 метрах от того места, где лежал он сам, раздетый донага”⁵².

Сколько раз Войновскому-Кригеру приходилось преодолевать этот путь “правый берег – левый берег”! На правом находилась геологоразведочная контора, на левом – комбинат “Воркутстрой”. Ходить приходилось в любую погоду, в пургу – тоже. Ходили “по столбам”, “по канатам”. На Воркуте пурга бушевала по 100 дней в году. Время военное, каждый рабочий день был дорог. Начальник Воркутлага (он же начальник Воркутстроя) инженер-полковник (впоследствии генерал) Михаил Митрофанович Мальцев в своем рабочем кабинете вывесил плакат: “На Воркуте пурги не бывает!” Это означало, что во время пурги не делалось никаких поблажек. Работать, только работать! С каждым днем выдавать больше и больше угля на-гора!

С Мальцевым связан целый период (“мальцевский период”) жизни на Воркуте. Мальцев очень интересовался геологической службой Заполярья. Войновскому-Кригеру приходилось много общаться с ним – докладывать о работе геологов, обращаться с ходатайствами об облегчении положения заключенных геологов.

Именно в “мальцевский период” Константин Генрихович за освоение Печорского угольного бассейна был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” и нагрудным знаком “За освоение Печорского бассейна”. В 1944 г. ему было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”.

⁵¹ Арх. Воркут. межрайон. краевед. музея. ОФ № 1057/19. Рук. “Воспоминания ветеранов Воркуты”.

⁵² Там же.

В 1943 г. шахтерский поселок Воркута, окруженный многочисленными зонами, получил статус города. Газета “Новый Север” сообщала: “Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 ноября с.г. рабочий поселок Воркута выделен из Кожвинского района и преобразован в город республиканского значения с сохранением за ним прежнего названия”.

По инициативе Мальцева на Воркуте появился музыкально-драматический театр. Среди заключенных находилось много профессиональных актеров и музыкантов, все они составили ядро театра. Б.А. Мордвинов, бывший главный режиссер Большого театра, стал первым художественным руководителем этого театра.

Да, Воркута в своих истоках была удивительным “государством”, в котором все начинания, даже зарождение театральной жизни, были связаны с деятельностью подневольных людей!

Появление театра воспринималось воркутянами как чудо. Для Константина Генриховича и Ирины Александровны, заядлых театралов, появилась спасительная отдушника. В театр ходили как на большой праздник. Старая воркутянка Мина Степановна Вольф, начальник химической лаборатории на Воркутинском механическом заводе, через много лет вспоминала: “Я приехала на Воркуту к своей сестре Галине, которая отбывала на Воркуте ссылку после длительного заключения. Всю свою жизнь я прожила в Одессе и была влюблена в наш замечательный оперный театр. Я отправилась на Воркуту в печальной уверенности, что мне предстоит полное отключение от музыкально-культурной жизни, к которой я привыкла в Одессе. И вдруг за Полярным кругом на моих глазах возник превосходный музыкально-драматический театр. Оказалось возможным “пойти в оперу” и послушать даже “Фауста”! А циклы музыкально-образовательных лекций, которые организовал дирижер Владимир Владимирович Микошо! И все это в прекрасном высокопрофессиональном исполнении! Но... почти все эти прекрасные артисты были заключенными!”⁵³

В феврале 1946 г. М.М. Мальцев был избран депутатом Верховного Совета СССР. За развитие Печорского угольного бассейна он был награжден орденом Ленина, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением Золотой Звезды. Он имел много и других наград.

В 1946 г. решением ЦК ВКП(б) Мальцев был направлен в советскую зону оккупированной Германии со спецзаданием по добыче стратегического сырья. Завершился на Воркуте “мальцевский период”. И по сей день от старых воркутян можно услышать: “Это было при Мальцеве”.

С ростом города и шахтных поселков возникла необходимость создания местной строительной индустрии. Выполняя задачи по поиску и разведке строительных материалов, геологи Воркуты открывают месторождения глин, суглинков, известняков, песчано-гравийных смесей, строительного камня, цементного сырья, инертных материалов. Под

⁵³ Из архива семьи Марковых.

руководством Войновского-Кригера эти работы проводили заключенные и ссыльные геологи Г.П. Софронов, Ф.П. Пухов, Д.И. Вашкевич и др. [105].

Георгий Петрович Софронов (1902–1975) в 1930 г. окончил ЛГИ, затем аспирантуру, стал доцентом кафедры полезных ископаемых. В 1935 г. был обвинен в контрреволюционной троцкистской деятельности и осужден на 3 года. Работал в ГРУ комбината “Воркутауголь”. За открытия на Полярном Урале хромитового и молибденового месторождений в 1946 г. с него была снята судимость, но в 1949 г. он был переведен на положение ссыльного. После реабилитации в 1956 г. вернулся в Ленинград. На Севере провел более 20 лет, хотя был осужден только на 3 года [110]. Получил почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”.

Федор Петрович Пухов (1896–1955) также выпускник ЛГИ. В 1936 г. был осужден на 5 лет. Срок отбывал в Воркутлаге. Занимался гидрогеологическими исследованиями, вел разведочные работы на стройматериалы [110].

Дмитрий Иванович Вашкевич (1908–?) был воспитанником Войновского-Кригера в полном смысле этого слова. В 1936 г., будучи курсантом Ленинградского ВВМУ, был арестован. Геологическую специальность получил уже в лагере. Константин Генрихович “вытащил” его из тяжелых работ на Руднике, определил слушателем коллекторских курсов, которые Вашкевич окончил в 1941 г. Под руководством Ф.П. Пухова он работал в поисково-разведочных партиях. После реабилитации в 1956 г. уехал в Ленинград [110].

С каждым годом в Воркуте увеличивалось число вольнонаемных. Списочный состав комбината “Воркутауголь” на 17 января 1945 г. был таков: заключенных – 29953, каторжан – 9036, мобилизованных немцев – 6631, вольнонаемных – 10229, всего – 55843 чел.⁵⁴. Таким образом, к середине 40-х гг. вольнонаемное население достигло 18,3%. Большинство этой категории жителей Воркуты составляли недавно освобожденные заключенные. Но появлялись специалисты и с “чистой” биографией. Одних направляли в Заполярье как молодых специалистов после окончания вузов, других – по комсомольским и партийным путевкам.

С появлением “чистых” геологический коллектив сделался гибридным. До этого он состоял из заключенных, ссыльных и колонизованных. И хотя степень несвободы для этих трех групп была разная, все они принадлежали к категории “репрессированных лиц”, и в этом смысле коллектив был однородным.

Взаимоотношения между репрессированными и “чистыми” геологами складывались непросто. Все понимали, что прибывшие новички попадали на руководящие должности только потому, что они обладали “чистыми” биографиями и были, как правило, членами партии. По своей эрудиции, профессиональным знаниям, опыту и общей культуре они находились на более низком уровне, чем их репрессированные коллеги.

⁵⁴ *Негретов П.* Почтовый ящик № 223 // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 249.

Но последние оказывались в их подчинении и должны были терпеть их некомпетентность. Особенно болезненной была проблема интеллектуальной собственности. Заключение специалистов полностью лишало их права публиковать результаты своих исследований. Во многих случаях их лишали права авторства при открытиях новых месторождений. Если ссыльные и колонизованные испытывали ограничения в этих вопросах, то “чистые” же не имели никаких ограничений. Нет сомнений в том, что Войновский-Кригер, обладай он другой биографией, опубликовал бы несравненно больше научных трудов. В воркутинский период его потенциальные возможности были недостаточно реализованы.

Фактом вопиющей несправедливости явилась история с присуждением коллективу геологов Сталинской премии II степени за освоение Печорского угольного бассейна (1948). В качестве печатного труда здесь фигурировала коллективная монография “Геология Печорского бассейна”, выполненная под научным руководством К.Г. Войновского-Кригера и под его редакцией. В ней он также выступал как автор многих разделов. Однако званий лауреатов премии были удостоены другие люди, фамилия же основного автора книги была снята.

Ситуация сложилась крайне щепетильная и грозила расколом в геологическом коллективе. Но Константин Генрихович повел себя чрезвычайно достойно. Он отличался удивительным тактом и умел сглаживать острые углы, оставив тем о себе добрую светлую память не только у своих собратьев по несчастью, но и у тех, кто пришел в Заполярье по путевкам ВЛКСМ и ВКП(б). Так, например, Сергей Арсеньевич Голубев, работавший в геологической службе Заполярья с 1941 по 1958 г., вспоминал: “Константин Генрихович Войновский-Кригер – выдающийся геолог-ученый, вложивший много труда и неиссякаемой энергии в изучение и промышленное освоение Печорского угольного бассейна... Никто другой из геологов Воркутстроя не уделял столько внимания и заботы о кадрах, сколько Константин Генрихович. Он работал вдохновенно, систематически, находя к каждому индивидуальный подход” [97, с. 3]. С.А. Голубев руководил подсчетами запасов по шахтным полям Воркутинского, Юньягинского, Воргашорского, Верхне-Сыръягинского и Хальмеръюского месторождений. Ему было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”.

А вот еще отрывок из воспоминаний Сергея Алексеевича Вишератина, главного геолога Воркутстроя и комбината “Воркутауголь”:

“Самые приятные, светлые воспоминания вызывают замечательные люди, отдавшие многие годы своей трудовой жизни геологическим исследованиям необжитого, сурового края Печорского бассейна и Полярного Урала. Среди них выдающееся место занимает крупный ученый-геолог Константин Генрихович Войновский-Кригер. До печорского периода работ он проводил геологическую съемку отдельных районов и был известным в стране геологом. С 1930 года он начал заниматься изучением геологического строения и угленосности осадков карбона в юго-восточной части Печорского бассейна, руководя разведочными работами на Еджид-Кыртинском каменноугольном месторождении. В 1936 году он осуществлял руководство геологоразведочными

работами на Воркутском месторождении. Ему принадлежит приоритет открытия западного крыла этого месторождения без бурения профильных скважин в крест простираения пород. С 1937 по 1956 г. ежегодно занимался геологическим изучением западного склона Полярного Урала от верховья р. Лемвы на юге до р. Елец на севере, являющегося восточной окраиной Печорского угольного бассейна. Обладая всесторонними знаниями в геологии, он в эти годы неоднократно возвращался к теме о возможных перспективах Печорского угольного бассейна, особенно в северо-восточной его части, а также к вопросам стратиграфии пермских отложений.

Константину Генриховичу принадлежит приоритет в организации в Воркуте научно-исследовательских работ.

Характерными чертами Константина Генриховича являлись скромность, увлеченность работой, мужество, умение переносить любые трудности, выпавшие в жизни на его долю, тактичность и внимательность к товарищам” [97, с. 3].

В 1943 г. произошло маловероятное событие: К.Г. Войновский-Кригер защитил кандидатскую диссертацию на тему “Геологические исследования в бассейне рек Ельца, Сарт-Ю и Кечь-Пеля (Полярный Урал)”. Маловероятным такое событие можно было считать по той причине, что условия для целенаправленной научно-исследовательской работы у ученого не было, так же как и не было надежды найти ученый совет, который решился бы принять к защите диссертацию репрессированного геолога. Выехать же на защиту в Москву или Ленинград, где существовали подобные советы, не представлялось возможным.

Об одном из предзащитных эпизодов вспоминает воркутинский химик Бронислава Яковлевна Коровина, большая приятельница семьи Войновских⁵⁵: “В начале 40-х годов я собралась в научную командировку в Ленинград, где находился опустевший дом Войновских. Никого из родственников Войновских в Ленинграде уже не было. Некоторые из них, например брат Ирины Александровны, погибли в блокаду, а сами Войновские жили на Воркуте. Константину Генриховичу при подготовке кандидатской диссертации потребовалась его геологическая коллекция, которую он собрал до ареста. Меня просили разыскать их бывшую домработницу в надежде, что она, может быть, сохранила эту коллекцию. И домработница, и коллекция, к счастью, нашлись. Я привезла коллекцию в Заполярье, что помогло К.Г. защитить диссертацию”.

Защита состоялась в Москве, в Геологическом институте АН СССР. Содержание диссертации отражено в фондовом отчете за 1942 г. (104 л.) такого же названия.

Выехать в Москву на защиту помог М.М. Мальцев. Он высоко ценил деятельность Войновского-Кригера по созданию научно-исследовательской базы в ГРУ комбината “Воркутауголь” и приложил все усилия

⁵⁵ Бронислава Яковлевна Коровина, выпускница Харьковского университета (хим-фак), работала в воркутинской Центральной углехимической лаборатории как вольнонаемная. Приехала на Воркуту к репрессированному мужу, физику, профессору Николаю Ивановичу Коровину и прожила в Заполярье более четверти века. Сестра Коровиных дружила с семьей Войновских.

для оформления научной командировки Константина Генриховича в Москву, во время которой тот успел решить все диссертационные дела.

Мальцев систематически докладывал партийным и правительственным органам о работе комбината “Воркутауголь”. Так, в докладе по итогам работы за 1944 г. на пленуме обкома ВКП(б) он отмечал: “...задание Государственного комитета обороны по приросту мощностей шахт Воркутского месторождения в объеме 800 тыс. т выполнено полностью. В текущем году начато освоение нового угольного района на западном крыле Воркутского месторождения. По решению правительства здесь заложены и начаты проходкой пять крупных шахт № 17, 18, 25, 29 и 40 с проектной добычей 2850 тыс. т угля в год. Закладке шахт предшествовали большие работы по освоению новых площадей. В частности, все новые шахтные поля обеспечены подъездными путями и высоковольтными линиями электропередач. ... Таким образом, в 1944 г. комбинат “Воркутауголь”, его коллектив, его партийная организация выполнили задачи, поставленные в начале года Государственным комитетом обороны...”⁵⁶

Первые научно-исследовательские лаборатории ГРУ комбината “Воркутауголь”

К.Г. Войновский-Кригер сумел создать при ГРУ комбината “Воркутауголь” ряд специальных лабораторий и научно-исследовательских групп, которые по праву можно считать базовыми в развитии геологической науки Воркуты. Их история – интересная летопись важнейших достижений во всех направлениях геологической науки и смежных с ней научных направлений: стратиграфии, тектоники, литологии, региональной геологии, палеонтологии, угольной петрографии. Это и интереснейшая летопись судеб геологов, которых собрал Войновский-Кригер в стенах созданных им лабораторий. Возникшие за колючей проволокой “кригеровские” коллективы сделали много ценных открытий, вошедших в историю геологии Заполярья и Полярного Урала. Их высокий научный уровень с трудом ассоциируется с губительными условиями концлагеря. В этом – феномен Войновского-Кригера как ученого и организатора науки.

С появлением лабораторий разрозненные усилия отдельных энтузиастов объединились и приобрели систематический характер. Так, задел для работы палеонтологической лаборатории был сделан еще в 30-е гг. Г.М. Ярославцевым и В.В. Погоревичем. Теперь с ними работали Загадская, Дембская, Ифанова и др. Систематический поиск фаунистических горизонтов принес много пользы как для разведки, так и для общего научного осмысления геологических особенностей угленосных отложений. Палеонтолого-стратиграфические исследования применялись при разработке стратиграфических схем для новых угленосных районов Печорского угольного бассейна, что помогло быстрому исчислению запасов угля в новых шахтных полях.

⁵⁶ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984. С. 101.

Войновскому-Кригеру удалось впервые на основе детальных палеонтологических исследований разработать подробную стратиграфическую схему пермских угленосных отложений Печорского угольного бассейна, которая не потеряла своего значения до настоящего времени.

Геофизическую лабораторию возглавил В.В. Гречухин. Систематическое применение геофизических методов повысило эффективность поисков рудных полезных ископаемых. Начала развиваться промыслово-геофизическая служба при бурении на уголь. Геофизические методы способствовали быстрому выявлению угольных пластопересечений, давших дополнительный прирост рабочей мощности угольных пластов. Удалось сконцентрировать усилия литологов, благодаря чему стало возможным представить детальную стратиграфию нижнепермских отложений Печорского угольного бассейна.

С работой литологической научно-исследовательской группы связана удивительная судьба одного из самых талантливых учеников Войновского-Кригера – *Адриана Владимировича Македонова* (1909–1994). Его огромный творческий потенциал проявился за колючей проволокой самым неожиданным образом: из литератора он сделался геологом, доктором геолого-минералогических наук, известным в нашей стране и за рубежом ученым-литологом.

После окончания в 1927 г. педагогического техникума в г. Алексине А.В. Македонов активно включается в работу Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В 1929 г. его избирают членом правления РАПП (руководил этой организацией Л.Л. Авербах – племянник Л.Д. Троцкого). По окончании в 1930 г. Смоленского университета по отделению языка и литературы он успешно выступает с циклом статей по русской литературе XIX в., работает в редакции смоленской газеты “Рабочий путь”, становится секретарем РАПП. В 1936 г. оканчивает аспирантуру при Смоленском пединституте и завершает диссертационную работу на тему “Проблема героя в эстетике В.Г. Белинского”. В эти годы начинается его дружба с поэтом А.Т. Твардовским, которого он всячески защищает от нападок за “кулацкую” тематику.

В августе 1937 г. Македонова арестовали. Среди обвинений фигурировали и действия, направленные им на защиту Твардовского. Здесь интересным образом проявилась игра судьбы. А. Фадеев сумел приостановить ход дела по обвинению Твардовского, и тот был спасен, а Македонов получил срок, так как за ним оставалась еще одна “вина” – литературная работа по заказам “троцкиста” Л.Л. Авербаха. ОСО при НКВД по ст. 58, пп. 10, 11 осудило Македонова на 8 лет лишения свободы. Он был этапирован в Ворткутлаг и попал на гибельные общие работы. Спасение пришло от геологов – коллекторские курсы, геологоразведочные партии, научная сфера деятельности Войновского-Кригера – учителя, друга, вдохновенного ученого. Под его воздействием филолог и литературовед становится геологом навсегда.

В научно-исследовательском отделе ГРУ комбината “Воркута-уголь” он становится заведующим литологическим кабинетом. С 1952

по 1954 г. он начальник литологической партии ГРУ, с 1954 по 1957 г. – начальник литолого-петрографической лаборатории треста “Печоруглегеология”, с 1957 по 1960 г. – начальник литологической партии Коми-Ненецкого геологического управления и старший геолог литолого-стратиграфической группы того же управления. Все эти должности пришли к Македонову, после того как он получил высшее профессиональное образование, досрочно, с отличием, окончив заочное отделение географического факультета Саратовского университета. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему “Конкреции Воркутской свиты”. Судимость с него была снята в 1952 г. по ходатайству ГРУ (еще одно благое дело Войновского-Кригера) и А.Т. Твардовского, который не забыл репрессированного друга. В 1960 г. Македонов смог переехать в Ленинград. Работая во ВСЕГЕИ, он продолжал исследования в области литолого-фациального и формационного анализа. В 1965 г. Адриан Владимирович защитил докторскую диссертацию на тему “Угленосная формация Печорского бассейна”. Им опубликовано 10 монографий и более 150 научных работ по угольной геологии: осадконакоплению, конкреционному анализу, литолого-фациальному анализу, прогнозу угольных месторождений, развитию минерально-сырьевой базы Печорского бассейна. Титанический труд репрессированного геолога отмечен в отзывах на его докторскую диссертацию. “В детальный анализ и строение угленосной формации Печорского бассейна автор вложил огромный многолетний напряженный труд. Лично им описаны и тщательно отобраны километры и километры кернов скважин” (из отзыва проф. Е.О. Погребницкого). “Осадочная формация, пожалуй, впервые изучена столь разносторонне, поэтому работа А.В. Македонова может служить образцом исследования не только угленосных формаций, но и осадочных формаций вообще... Работа выходит далеко за рамки только угольной геологии” (из отзыва д-ра геол.-минерал. наук Л.Н. Ботвинского)⁵⁷.

Македонов-геолог не изменял своим прежним, литературоведческим пристрастиям: он написал книги о творчестве А. Твардовского, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, В. Шефнера, поэтов “смоленской школы” и более ста статей по различным вопросам литературы. Таким учеником Войновский-Кригер мог гордиться! И не только он, а вся Воркута, узником которой Македонов был более 20 лет! [103].

Дружба между Учителем и Учеником продолжалась всю жизнь. В своем прощальном слове по поводу кончины Войновского-Кригера А.В. Македонов сказал: “Константин Генрихович представлял собой уникально одаренный тип ученого, синтетический тип одновременно и теоретика и практика, эрудита и поисковика, смелого новатора и в ряде случаев ультраосторожного наблюдателя. Блестящие качества ученого сочетались у Константина Генриховича с высокими нравственными и гражданскими качествами. Это был замечательный представитель русской демократической интеллигенции, настоящий ученый, гуманист и демократ, необыкновенно доступный

⁵⁷ Арх. ВСЕГЕИ (Санкт-Петербург). Личное дело А.В. Македонова.



**К. Г. Войновский-Кригер (в нижнем ряду в центре) с группой геологов. Воркута, 1950 г.
В нижнем ряду слева Б.Н. Артемьев. В верхнем ряду слева В.В. Погоревич
и Г.И. Дембовская. Первый справа – И.Г. Бергер, третий справа – А.В. Македонов**

и простой в беседе с любым человеком, равный в общении с людьми любого общественного положения... Константин Генрихович во всех сферах своей деятельности был добрым и благородным человеком и многим людям оказывал неоценимую помощь в самые трудные моменты их жизни... Это была воистину яркая, светлая личность в полном объеме этого понятия” [91, с. 6].

Несмотря на отдаленность от научных центров, Войновский-Кригер “держал свою руку на пульсе” геологической науки. Примером тому было создание углепетрографической лаборатории.

Геологи Печорского угольного бассейна – не просто геологи, а геологи-угольщики. Угольная петрография, как одна из отраслей общей угольной геологии, начала развиваться в нашей стране с конца 40-х гг. Ее задачами являются описание и изучение углей как своеобразной горной породы, состоящей из отдельных петрографических элементов. Угли – это внешне неоднородные образования, в которых переслаиваются и чередуются в форме полос видимые невооруженным глазом (т.е. макроскопически) различные составные части органической породы. Несмотря на своеобразие углей, долгое время не существовали специфические методы их исследования. А когда начала развиваться угольная петрография, возникло противостояние между углехимиками и геологами-углепетрографами. На Воркуте это противостояние удалось сгладить Войновскому-Кригеру. Остановимся на угольной петрографии более подробно.

В 1919 г. палеофитолог Мэри Стопс (Англия) предложила различать в полосчатых углях четыре типа макроингредиентов: блестящие, полублестящие, матовые и волокнистые. Со временем петрография углей преобразовалась в петрологию (*логия* – наука, учение), в задачу которой входило не только описание углей (макро- и микро-), но и изучение причин неоднородности ископаемых углей, генезис и свойства слагающих уголь петрографических составных частей, изменения петрографических особенностей и свойства органических веществ углей в недрах Земли. В связи с этим расширились основные направления угольной петрографии – оценка и прогноз свойств углей. Существует тесная связь между качеством кокса и петрографическим свойством углей. Петрографические исследования стали основными при прогнозе физико-механических и химико-технологических свойств углей на всех этапах изучения и освоения угольных месторождений.

Почему угольная петрография получила столь бурное развитие? Дело в том, что петрографические характеристики углей имеют более простую связь с основными геолого-генетическими факторами, чем химико-технологические характеристики. До этого зависимость состава и свойств углей от основных геолого-генетических факторов устанавливалась по химико-технологическим характеристикам. На Воркуте этой работой занималась Центральная углехимическая лаборатория (ЦУХЛ). Когда же оказалось, что углепетрографические исследования гораздо легче выделяют свойства углей, обусловленные влиянием первичных или вторичных факторов углеобразования, у углехимиков появились конкуренты в лице углепетрографов. Появление нового всегда воспринимается с трудом. Так случилось не только в Печорском угольном бассейне, но и на Большой земле. И только в 1950 г. на Первом всесоюзном совещании по химии и генезису твердых горючих ископаемых в Москве состоялось объединение углехимиков и геологов-углепетрографов. Ученые пришли к соглашению, что данные о петрографическом изучении углей должны предшествовать всем другим видам анализа углей.

Петрографические характеристики стали широко применяться при разработке геологических карт угленосных районов. Эти карты, как мы уже знаем, позволяют установить закономерности изменения свойств и состава углей в зависимости от условий их накопления. Карты необходимы для развития геологоразведочных работ на угли заданных качеств и для работ по промышленно-генетической классификации углей. Но единая классификация углей должна делаться на основе выявленных количественных зависимостей между петрографическими и химико-технологическими характеристиками. Здесь геологи объединят свои усилия с химиками.

К.Г. Войновский-Кригер благодаря своей эрудиции и добрым, благородным свойствам натуры легко контактировал со специалистами других профессий. Работа углепетрографической лаборатории ГРУ комбината “Воркутауголь” проходила в тесном контакте с ЦУХЛ, где со временем также была создана углепетрографическая лаборатория. В ЦУХЛ в основном работали репрессированные химики. Среди них был

углехимик с мировым именем – профессор, доктор химических наук Георгий Леонтьевич Стадников⁵⁸.

К.Г. Войновский-Кригер внес большой вклад в региональную геологию Республики Коми, сумев организовать в условиях неволи большой коллектив геологов, работавших на высоком профессиональном уровне. На базе региональных исследований К.Г. Войновский-Кригер выдвинул ряд идей общетеоретического методологического характера в области угольной геологии. Открытое им угольное месторождение на западном крыле Воркутинской мульды позволило более высоко оценить перспективы Печорского угольного бассейна. Разработанная им схема стратиграфии и тектоники Воркутинского месторождения стала исходной базой для исследования соседних месторождений. Он дал первый научно обоснованный прогноз непрерывности угленосности пермских отложений на огромной территории Северо-Востока Европейской части нашей страны. Этот прогноз стал основой многолетних научно-исследовательских и поисково-разведочных работ. К.Г. Войновский-Кригер создал стройную картину геологического строения и истории развития Печорского угольного бассейна.

Глава 6

Он заложил основу геологии Полярного Урала

Полярный Урал простирается на 380 км от горы Константинов Камень до верховья р. Хулга. Самая высокая точка его – гора Пайер высотой до 1472 м. На юге Полярный Урал граничит с Приполярным Уралом, длина которого 230 км (от верховья р. Хулга до р. Шугор). Высота этой части Урала доходит до 1895 м (гора Народная). Суровые, малоизученные края...

Геология Полярного Урала – любимое детище Войновского-Кригера. Стратиграфия, тектоника и палеогеография этого района были не изучены. Будущее манило интересными открытиями. К.Г. Войновский-Кригер начал свои работы на Полярном Урале в 1937 г. Но организовать систематические исследования таинственного “седого великана” стало возможным лишь в 40-е гг. Этому во многом помогла уже упоминавшаяся нами Первая геологическая конференция Коми АССР (1942 г.). В выступлении первого секретаря Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тароненко были такие слова: “Помимо угля и нефти, наращивание разведанных запасов которых остается главной задачей таких мощных специализированных организаций, как Воркутстрой и Ухтинский комбинат, нам необходимо большой отряд наших геологов направить пре-

⁵⁸ О нем подробнее см.: *Маркова Е.В.* У истоков химической службы Заполярья (1930-е гг.) // Первое сент. 1998. Окт. (№ 40). С. 1–2. (“Химия”); *Маркова Е.В.* Воркута – второй фронт! // Первое сент. 1999. Янв. (№ 4). С. 1–3. (“Химия”); *Маркова Е.В., Родный А.Н.* Химики Воркутлага // Тр. Ин-та истории, естествознания и техники. 1997. Ч. 2. С. 314–318.

жде всего на поиски рудной базы черной и цветной металлургии в ближайших к воркутинскому углю районах, по-серьезному, систематически и в широком масштабе поставить поисково-разведочную работу на всем протяжении Полярного Урала, его западных отрогов...”⁵⁹ Таким образом, Константин Генрихович получил возможность часть геологов из своего научно-исследовательского отдела систематически посылать на Полярный Урал.

Геологии Полярного Урала посвящена большая часть опубликованных работ Войновского-Кригера (22 публикации). Об экспедициях в этот край он оставил свои воспоминания.

Полярный Урал глазами К.Г. Войновского-Кригера [84]

“Одновременно с работой по изучению Печорского угольного бассейна я, начиная с 1937 года, совершал экспедиции на Полярный Урал. Делу изучения геологии Полярного Урала мною посвящено около 15 лет.

В отличие от остального Урала Полярный и Приполярный Урал представляет собой настоящую горную страну с высокими скалистыми вершинами и очень крутыми склонами; на этих горах имеются даже ледники.

Полярный Урал был совершенно геологически не изучен, лишь кое-где проходили редкие маршруты геологов. Геология этого района оказалась совершенно особенной, не похожей на остальной Урал. Изучение этого огромного района было необычайно интересно и доставляло мне много радости.

В то время экспедиции были очень трудны. На всей территории Полярного Урала не было никаких населенных пунктов. Лишь летом в горных тундрах можно встретить стада оленей, которые приводят сюда пастухи с восточного склона. Очень сложным был вопрос транспорта. С трудом удавалось добывать у бедных в ту пору рыболовецких колхозов несколько лошадей.

Работа наша велась так: груз партии – палатки, спальные мешки, молотки, вьючные ящики и сумы, продовольствие на все лето – мы поднимали на лодках в верховьях реки Лемвы, продвигаясь вверх настолько, насколько было возможно. В верховьях мы выбирали место для базы, где на все лето оставалась палатка с имуществом, охраняемым одним человеком. Вся же партия уходила в путешествие. Груз несли лошади во вьюках, все люди шли пешком. Так мы доходили до первой стоянки, где ставили две палатки. Отсюда я с рабочим и мой помощник Сулимов с коллектором ежедневно выезжали верхом двумя отрядами в геологические маршруты. Изучив местность вокруг стоянки, мы затем вновь все грузили на вьюки, – на перенос лагеря на следующую стоянку уходил один день. За лето бывало 15–20 таких стоянок”.

Константин Генрихович упоминает здесь о своем помощнике и любимом ученике Сулимове. В те годы он находился в Воркутлаге.

⁵⁹ Угольная сокровищница Севера. Сыктывкар, 1984. С. 65.

К.Г. Войновский-Кригер спас его от верной гибели на тяжелых подземных работах.

Ивана Никифоровича Сулимова (1917) арестовали в 1936 г., когда он был студентом Саратовского планового института. Проходя он по групповому студенческому делу – арестовано было 8 человек. Вот отрывок из обвинительного заключения: “...следствием установлено, что указанные лица, будучи антисоветски настроенными, объединились между собой на контрреволюционной платформе и вели среди студенческой молодежи организованную контрреволюционную троцкистскую работу, вылившуюся в форму агитации и пропаганды контрреволюционного троцкизма. Возглавлялась эта организация И.Н. Сулимовым”⁶⁰.

На следствии Сулимов держался мужественно и не признал себя виновным, но это не спасло его от 5-летнего срока. Из саратовской тюрьмы его этапировали в Ухтпечлаг. Пройдя лагеря в Адзье и Инте, он попал на Воркуту, где ему пришлось испытать всю тяжесть подземных работ на шахтах № 2 и “Капитальной”.

Неизвестно, как бы сложилась жизнь молодого человека, если бы его не спас К.Г. Войновский-Кригер, начальник геологической службы. Он добился в 1938 г. перевода Сулимова, как специалиста с незаконченным высшим образованием, в геологическую партию на съёмки бассейнов рек Колвы и Лемвы. Сулимов сделался активным помощником К.Г. Войновского-Кригера. В 1941 г. срок его заключения истек. Он надеялся выйти на волю и окончить институт, но в связи с войной был задержан “до особого распоряжения” – стал “пересидчиком”, как многие другие политзэки. К.Г. Войновский-Кригер, стараясь поддержать его в этот трудный момент, назначил его начальником геологического отряда, проводившего съёмки в бассейнах рек Елец, Харута и др. Но “ГУЛАГ крепчал”, и Сулимов весной 1942 г. едва не попал под расстрел. Он был арестован и обвинен по ст. 58, п. 10 в “распространении лжи” о том, что железная дорога Котлас–Воркута построена на костях заключенных. Только благодаря усилиям друзей Сулимова (в первую очередь – Константина Генриховича) суд удалось отложить и тем самым выиграть время. Оставаясь на положении “временно задержанного”, Сулимов продолжал геологические изыскания. В 1946 г. за открытие Харбейского месторождения молибдена Сулимов был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. Освободили Ивана Никифоровича только в 1947 г. Вместо 5 он провел в лагерях 11 лет! Да и освобождение было неполным: ему запретили проживание в 100 городах страны, он стал “минусником”.

Сулимов отправился в Балашовскую геологическую партию, в которой работал геологом, а затем начальником структурного бурения. Однако гулаговская эпопея на этом для него не кончилась. В 1949 г. он был вновь арестован и сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь. Реабилитация пришла в 1957 г. В этом же году он окончил нефтяной факультет Всесоюзного заочного политехнического института (ВЗПИ). Несмо-

⁶⁰ Сулимов И.Н. Эхо прожитых лет, или Воспоминания о Воркутлаге. Одесса, 1997. Вып. 4.

тря на трехкратное прохождение через муки следственного ада и двадцатилетнее пребывание в лагерях, Иван Никифорович не прекращал научных исследований. В сферу его интересов входили биостратиграфия, тектоника, палеогеография, угленосность и нефтеносность крупных регионов – Воркутинского, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Украинского Черноморья. По этим исследованиям он защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором кафедры общей и морской геологии Одесского университета, написал более 200 научных трудов. В фондах ОАО “Полярноуралгеология” хранятся 9 научных отчетов, в числе авторов которых значится И.Н. Сулимов.

Константин Генрихович много раз организовывал экспедиции в долину р. Лемвы. Их итогом стало открытие так называемой Лемвинской зоны (название введено К.Г. Войновским-Кригером), ставшей впоследствии широко известной среди геологов. Ее строение рассматривается в учебниках по региональной геологии и геотектонике. А те далекие годы были только началом.

“Как я уже сказал, работа каждый год начиналась с трудного путешествия вверх по реке Лемве. Партия окончательно снаряжалась в последней на этой реке деревушке под названием Епа. Здесь нам давали приют и оказывали всякую помощь славные, мудрые и простые люди народа Коми, охотники и рыболовы.

Подъем по реке Лемве был очень труден. Шедшие по берегу лошади тянули бечевой две лодки. На быстрой горной реке много страшных порогов. Подчас пороги были такие крутые, что нос лодки поднимался на полметра вверх, по обе стороны образовывались две огромные, покрытые пеной волны, которые захлестывали лодку так, что после прохождения порога приходилось всегда откачивать из нее воду.

Около рулевого всегда был воткнут в сиденье отточенный как бритва нож. Однажды на пороге мне самому пришлось воспользоваться им. Дно в Лемве каменистое. И вот лошадь, напрягавшая последние силы, чтобы вытащить лодку против быстрого течения, поскользнулась и упала на передние колени. Еще секунда, и лодка потянула бы ее назад, вместе с сидящим на ней ездоком. Но я мгновенно полоснул ножом по натянутой бечеве, последняя со свистом вылетела из мачты, моя лодка понеслась вниз по течению, а освобожденная лошадь смогла, хоть и с трудом, стать на ноги. Я стал быстро грести своим рулевым веслом к берегу, и все же меня снесло вниз не менее чем на километр.

Был у меня и такой случай. Я поднимался на лодке по совсем спокойной маленькой реке Лемь-Ю. Лодка шла у берега, ее тянула лошадь с всадником, шедшая по нижнему плоскому краешку берега, называемому “бечевником”. Я сидел за рулем и, изредка поглядывая вперед, читал книгу “Кола Брюньон” Ромена Роллана. И не заметил, что со стороны берега впадал ручеек. Течением этого ручья нос лодки сразу отвернуло в сторону от берега; почувствовав напряжение, лошадь налегла крепче на бечеву, и лодка сразу повернулась на бок. Я поплыл. Мне было жаль бросать книгу, и я так и греб “Кола Брюньоном” до берега. Эта книга, распавшаяся на отдельные тетрадки, так и хранится у меня на память.

Быстрые северные реки очень коварны. В 1952 году я ездил вверх по Лемве на двух больших лодках – шнягах. Я решил отправить одну лодку с коллекциями камней вниз, в деревню, а сам остался с тремя людьми и одной лодкой заканчивать работу.

Возвращались мы осенью. Было холодно, я сидел на руле в телогрейке и плаще. Два гребца отдыхали, третий рабочий спускался по берегу с лошадьёю. Вдруг я увидел впереди себя подмятую водой и висящую горизонтально над рекой толстую березу. С огромной скоростью нас несло прямо на ствол дерева. Свернуть лодку было невозможно, гребцы давно не гребли, а навесной руль не давал возможности хоть как-либо изменить направление лодки. Я видел, что дерево налетает на гребцов, и едва успел крикнуть им: “Берегитесь!” Они нагнулись, дерево пронеслось над ними... А о себе-то я забыл! Ствол налетел на меня и со страшной силой ударил в грудь, прижав к длинной ручке руля. Я ощутил острую боль, в глазах запрыгали светлые искры. Береза согнулась, лодка проскользнула вдоль нее, поплыла дальше вниз. Я на некоторое время лишился дыхания, у меня оказалось сломано ребро. Но благо, что так обошлось.

Однажды мой отряд переезжал речку вброд; сидя верхом на лошади, я замыкал шествие. Впереди шли лошади с вьюками. Неожиданно у шедшей на самом глубоком месте лошади в воду упал вьюк, состоящий из двух связанных сум. Мне пришлось, не теряя ни секунды, спрыгнуть в воду и поплыть за ним. Вьюк я догнал и, одной рукой держась за него, другой гребя, поплыл к берегу. Быстрое течение реки далеко отнесло меня, но две большие вьючные брезентовые сумы были спасены. Вот только пришлось сушить мои карманные часы, которые заполнились водой, а также все содержимое двух вьючных сум. Хорошо, что это были предметы одежды, обувь, полога, а не продукты питания”.

В своих воспоминаниях К.Г. Войновский-Кригер полностью абстрагируется от гугаговской действительности. О трудностях он рассказывает как геолог-романтик.

“Я работал на Полярном Урале и в годы Великой Отечественной войны. Трудно в те годы было с питанием. Приходилось подкрепляться грибами. Кроме того, мы вручную перемалывали на крупу часть овса, который выдавали на лошадей.

Нам особенно не везло с сахаром, которого на всю партию в семь человек мы получали на все лето около трех килограммов.

В первый раз мы лишились сахара, когда наша лодка, везшая продовольствие, легла на бок на большом пороге на реке Харуте. Это случилось несмотря на то, что за рулем сидел опытный человек, бывший матрос Шабалин. Лодка наполнилась водой, весь груз поплыл, его пришлось вылавливать из воды. Сахар весь растаял. Растаяла и соль. За солью пришлось посылать человека верхом в деревню Епу, на что ушло несколько дней.

В следующем году случилось новое приключение. Поднимаясь на лодках вверх по реке, мы остановились отдохнуть около группы рыбаков, спускавшихся вниз по реке. Рыбаки пригласили нас остановиться и поесть свежей ухи, варившейся в большом котле. Мы вытащили наши

две лодки носами далеко на довольно крутой бечевник и влезли вверх на высокую террасу, где над костром кипел котел с ухой. Завязался разговор, мы расспрашивали рыбаков о порогах, о проходимости речки, по которой собирались подняться. Так прошло около часа. Вдруг один из наших рабочих взглянул вниз на берег и поднял страшный крик.

Случилось следующее. На горных реках Урала уровень воды быстро поднимается и так же быстро опускается. На этот раз, пока мы ждали ухи, вода упала больше чем на полметра. Наши груженные лодки сели на дно, а так как берег был довольно крутым, то корма у обеих лодок оказалась глубоко под водой.

Вымокло все наше продовольствие и снова ... растаял весь сахар. За солью вновь пришлось ехать в деревню, а дальнейшие два дня мы занимались тем, что рассыпали на большие листы бумаги для образцов и на мешки всю крупу, сухари и прочие продукты для просушки. К счастью, стояли солнечные дни.

На третий год мы снова лишились сахара. Это случилось так. Ночью наши лошадки подобрались под край палатки, стащили стоящий там мешок с солью и всю соль съели, а часть рассыпали в траве. Это было в верховьях реки, очень далеко от деревни. Два через два мы убедились в том, что есть пресную еду совершенно невозможно. Пришлось организовывать экспедицию из двух человек с двумя лошадками в сторону гор на поиски оленеводов. Им удалось найти стада оленей, пришедшие с восточного склона Урала, и вот у этих оленеводов мои рабочие обменяли весь имевшийся у нас запас сахара на два с половиной килограмма соли. Суп и каша стали съедобными, но мы в третий раз остались на все лето без сахара.

На Севере летом много дождливых дней. Поэтому хорошие дни нужно использовать полностью. Приходилось бороться за каждый лишний час работы. Я старался как можно раньше выезжать в маршрут. Просыпался всегда раньше всех, будил повара, который разжигал костер и начинал готовить завтрак, а я в это время, сидя под пологом, защищавшим от комаров, записывал свои соображения об итогах работы, сделанной за предыдущий день.

В одно из лет я брал с собой радиоприемник "Родина" и батареи к нему. Однако уже на следующий год я отказался от приемника. Конечно, приятно было вечером послушать известия и музыку, находясь далеко от людей в девственных лесах и тундрах Урала. Но приемник и батареи занимали целую выючную лошадь, а главное – молодые работники партии вечером долго слушали музыку, их трудно было поднимать на работу.

Во второй половине лета дни стали короче, и работу приходилось кончать раньше. Для удлинения рабочего дня нужно было еще раньше вставать. Чтобы не пугать ребят, я пошел на хитрость. Часы были только у меня, и вот я стал их постепенно переводить вперед, никому ничего не говоря. К осени часы у меня "ушли" на целых три часа вперед. Ребята, конечно, были бы очень удивлены, если бы узнали, что вставали они в два часа ночи, а ложились спать в шесть часов вечера. Зато мы могли использовать для работы все светлое время суток.

Для увеличения времени на геологические маршруты все работы по заворачиванию образцов, вычерчиванию карт, починке одежды, обуви и сбури были переведены на дождливые дни.

Очень мучили всех нас комары и мошки. Вся работа шла в накомарниках. В палатках можно было жить, только находясь под пологом из марли. Такие пологи висели над каждым спальным мешком. Так как при влезании под такой мешок в него спешили забраться и комары, то каждый раз жизнь под пологом начиналась с того, что нужно было перебить всех комаров, попавших под полог. Мы хорошо научились ловить их одним взмахом руки.

В некоторые годы мы брали с собой на лето какую-либо собачку. Ее присутствие в партии всегда доставляло много удовольствия. Я помню одну веселую дворняжку, которая очень смешно ловила полевых мышей-леммингов. Чтобы увидеть, куда скрылся лемминг в высокой траве, наш Дружок (так звали собачку) научился высоко подпрыгивать, вертикально вверх, сразу всеми четырьмя ногами, что было очень забавно. Мы научили Дружка есть сладкую голубику прямо с куста. Он пасся на голубике рядом с нами. Очень забавно было наблюдать, как, нагнув голову на бок, он брал в рот ветку и протягивал ее сквозь зубы так, что все ягоды оставались у него во рту.

Вот так я работал на Полярном Урале. Бывало трудно. Бывало голодно и холодно. Изрядно уставали. Тяжело было месяцами не знать, что делается на свете, что делается дома.

Но все это искупалось общением с природой, чудным сном под шум горной реки, утренним умыванием в студеной воде. А главное – интересными маршрутами, открытиями и находками, ставившими нас перед увлекательными научными задачами и трудно поддающимися решению головоломками.

Что может быть лучше любимой работы! Мы были счастливы каждодневным ощущением хорошо проведенного полновесного дня, наполненного бодрым физическим и умственным трудом”.

“Кригеровские” коллективы на Полярном Урале

В своих воспоминаниях Константин Генрихович не упоминает о том, что в экспедиции с ним ходили эски и ссыльные (недавно освобожденные заключенные). Судьбы некоторых из них складывались трагически.

Руководителем поисковых работ на золото, платину и никель К.Г. Войновский-Кригер поставил известного специалиста в области геологии цветных и редких металлов, доктора геолого-минералогических наук, проф. Б.Н. Артемьева. *Борис Никанорович Артемьев* (1884–1955) родился в Нарве в дворянской семье. В 1910 г. окончил Фрейбергскую горную академию (Германия). С 1910 по 1917 г. работал в акционерном обществе Кыштымских заводов на Урале и управителем рудников в Ревдинском горном округе. С 1917 по 1926 г. был начальником геологического отдела, затем заведующим отделом прикладной геологии в Иркутском отделении Геолкома. В 1922–1923 гг. возглавлял

кафедру геологии Восточно-Сибирского политехнического института, а с 1926 по 1934 г. заведовал кабинетом редких металлов в ЦНИГРИ. В 1933 г. был консультантом Северо-Земельской экспедиции, в 1934–1935 гг. – Таджико-Памирской экспедиции. Будучи начальником и научным руководителем Чукотской полярной экспедиции Всесоюзного арктического института, подвергся аресту и был осужден Военно-транспортным судом Балтийского морского управления 01.08.1937 по ст. 58, п. 7 на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в гражданских правах. Геологические исследования, проведенные Артемьевым на Воркуте, нашли отражение в его научном труде “Акцессорные минералы магматических и метаморфических пород Полярного Урала”. Эта работа – результат его четырехлетних исследований. Ученый лично собрал и собственноручно обработал громадный фактический материал (520 проб).

Борис Никанорович свободно владел немецким и английским языками, несколько слабее – французским. Проявляя научный интерес к истории освоения Большеземельской тундры, он переводит с немецкого малоизвестный в России труд А. Шренка “Путешествие к северо-востоку Европейской части России через тундру самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году”, изданный в Дерпте в 1858 г. (перевод этот хранится в фондах Геологического музея в Воркуте).

Лагерную жизнь Борис Никанорович переносил очень тяжело. Не имея помощи из дома, он страдал истощением. И.Н. Сулимов вспоминал, что Артемьев “постоянно вылизывал жестяной котелок после съеденной баланды из голов соленой трески, надеясь пополнить желудок дополнительными калориями”⁶¹.

Борис Никанорович не дожил до реабилитации, которая позволила бы ему покинуть Север. Он скончался на Воркуте, был похоронен на старом кладбище на Руднике. Реабилитация пришла в 1956 г. – через год после его кончины.

В изучении Полярного Урала в начале 40-х гг. принимал участие выдающийся геолог, исследователь Арктики П.В. Виттенбург.

Павел Владимирович Виттенбург (1884–1968) по образованию и происхождению относился к категории “буржуазных спецов”. В 1909 г. он окончил Тюбнгенский университет (Германия). Магистром минералогии и геологии он стал в Юрьевском университете (ныне г. Тарту) в 1916 г. Работал в Геолкоме, в 1912 г. был избран хранителем Геологического музея Российской академии наук. Еще студентом принимал участие в геологических экспедициях. С 1908 г. исследовал Приморье, Северный Кавказ, Кубань и Шпицберген. После революции работал в северных экспедициях, проводимых Академией наук на Кольском полуострове и Новой Земле. Виттенбург был одним из инициаторов создания Географического института, в котором он возглавил кафедру Полярных стран и получил ученое звание профессора. Арестован в 1930 г. по “делу Академии наук”, обвинен в участии в монархическом “Всена-

⁶¹ Сулимов И.Н. Эхо прожитых лет, или Воспоминания о Воркутлаге. Одесса, 1997. Вып. 4. С. 159.

родном союзе борьбы за возрождение свободной России” и во вредительстве в области экспедиционных исследований. В 1931 г. Виттенбург был приговорен к расстрелу по ст. 58, п. 11 (участие в антисоветской организации) с заменой на 10 лет ИТЛ. Работал на Беломорканале, валил лес в тайге, затем попал в Вайгачскую экспедицию ОГПУ, где смог трудиться по специальности – старшим геологом и начальником геологической части экспедиции. По ходатайству акад. А.П. Карпинского его досрочно освободили в 1935 г. и через год сняли судимость, но оставили на Севере. Во время войны Павел Владимирович занимался исследованием Полярного Урала на Воркуте, после войны преподавал геологию в Карело-Финском университете. В 1946 г., защитив докторскую диссертацию, заведовал кафедрой физической географии Арктики Высшего арктического морского училища. На новой волне репрессий был уволен в 1950 г., и только после смерти Сталина смог устроиться на работу во ВСЕГЕИ. Реабилитирован в 1957 г. [107, 110].

В первой половине 40-х гг. группой воркутинских геологов – Софроновым, Сулимовым и Блохиным – было открыто Харбейское молибденовое месторождение. О Софронове и Сулимове мы уже писали. Расскажем о Блохине.

Анатолий Иванович Блохин (1907–1963) был арестован в 1929 г., осужден по ст. 58, пп. 10, 11 на 5 лет ИТЛ, отправлен на Соловки, а в 1933 г. переведен в ранг ссыльного и направлен в Архангельск. За побег из ссылки был вновь осужден, получил 2 года ИТЛ и был этапирован в Ухтпечлаг. С 1938 г. начинается воркутинский период его жизни – учеба на курсах коллекторов, организованных К.Г. Войновским-Кригером, успешная работа в ГРУ комбината “Воркутауголь”.

В 1942 г. он открыл на р. Пальник-Ю месторождение баритов (эти минералы используются как утяжелители буровых растворов) и дал его первое описание. В геологических фондах объединения “Полярноурал-геология” хранятся более 20 его работ, в частности “Местные строительные материалы Печорского угольного бассейна” (1956). Анатолий Иванович занимался также краеведческими исследованиями, был одним из создателей Воркутинского краеведческого музея. Он отдал Воркуте 25 лет своей жизни. Похоронен на мемориальном кладбище на Руднике [110].

С именем Войновского-Кригера связана история создания на Воркуте геологического музея. В конце 30-х гг. Константин Генрихович обратился ко всем геологам с призывом выделять для музея самые лучшие и интересные образцы из собираемого материала. В эти годы в Воркутлаге отбывал 15-летний срок заключения известный ученый-минералог, чл.-кор. АН СССР *Николай Михайлович Федоровский* (1886–1956). Войновский-Кригер поручил ему организацию геологического музея. Но работа далеко не продвинулась, Федоровского в 1942 г. перебросили в “московскую шарашку”, затем он оказался в Норильском лагере [107, 108]. Но мысль о создании музея не исчезла, за дело принялись многие энтузиасты, и в 1945 г. музей открыл свои первые экспозиции. Большая заслуга в этом принадлежит А.И. Блохину, хотя свою лепту внесли и многие другие воркутинские геологи.

Более полувека Геологический музей объединения “Полярноурал-геология” является культурным и научным центром Заполярья. Он – и учебная база молодых геологов, и популяризатор геологической науки среди населения. У входа в первый зал музея взгляд посетителя останавливает редкий экспонат – окаменевшая белая раковина аммонита диаметром 68 см. Ее обнаружил Б.Н. Артемьев и преподнес в дар музею. Аммонит – представитель древней мезозойской эры. Трудно поверить, что около 50 миллионов лет назад в этом крае вечной мерзлоты был жаркий климат.

В музее представлена история открытия месторождений полезных ископаемых Печорского бассейна, Полярного и Приполярного Урала. Особенно большое внимание уделяется углю – “черному золоту” “Заполярной кочегарки”. В фондах музея хранятся сотни тысяч образцов. Поражает воображение удивительный по многообразию, неповторимый по своей окраске мир камней – вечных цветов Земли. Здесь можно увидеть розовый и серый мрамор Полярного Урала, разноцветные полосчатые яшмы Пай-Хоя в зеленой, розовой, сиреневой, фиолетовой, черной и оранжевой гамме. Есть и сургучно-красные однотонные яшмы. Часами можно любоваться флюоритом – самым фиолетовым камнем, зеленоватыми нефритами и жадеитами, узорчатыми агатами, горным хрусталем. Есть в коллекциях музея аметисты, рубины, цитрины, морионы и многие другие разновидности цветного камня. В канун Дня геолога музей проводит конкурсы-смотри этих чудесных цветов Земли⁶².

В музее много лет работает Маргарита Николаевна Крочик, душа музея, хранительница его богатств и памяти о прошедшем. Она неутомимо собирала и продолжает собирать сведения о жизни и деятельности воркутинских геологов, их воспоминания, письма, фотографии. Благодаря ее усилиям в книгу Памяти “Репрессированные геологи” [110] вошло большинство биографических материалов о геологах Заполярья. Это нам очень помогло подробно рассказать об учениках и сподвижниках Войновского-Кригера и о нем самом. “Персоналия № 358” музея – это персоналия К.Г. Войновского-Кригера. Ее фонд насчитывает около 200 единиц.

Наряду с другими учеными изучением геологического строения западного склона Полярного Урала занималась кандидат географических наук Мария Самойловна Калецкая (1906–1998). Она окончила географический факультет МГУ в 1930 г., работала научным сотрудником Института геодезии и картографии по теме “Разработка методик прилизительного картографирования с целью ускоренного создания гипсометрических карт для районов Крайнего Севера и Сибири”. Перед арестом работала в Институте географии АН СССР. Арестована в 1949 г. по ст. 58, п. 10 и осуждена на 5 лет ИТЛ. В тюрьму она попала спустя год после ареста мужа, Сергея Николаевича Матвеева, геоморфолога, физикогеографа, историка науки. Срок отбывала в лагере, расположенном неподалеку от города Воркуты, освободилась в 1952 г., ре-

⁶² Шулепова А.Н., Крочик М.Н. Когда камни говорят // Идущие впереди. Сыктывкар, 1987. С. 141–143; Боровинский А.П. Чудо природы и тайна ее // Там же. С. 135–140.

абилитирована в 1956 г. После освобождения работала в тресте “Печорауглегеология” начальником геолого-съёмочной партии по изучению четвертичных отложений и геоморфологии Печорского бассейна и западного склона Полярного Урала [107, 110].

В конце 40-х гг. и в 50-е гг. произошла ярко выраженная смена поколений узников Воркутлага. Арестованные в довоенные годы освободились и стали работать по вольному найму. Они не сделались вольными в полном понимании этого слова. Все они были “закреплены” за Севером в качестве ссыльных, временно задержанных и пр. Но они уже не были заключёнными. Однако поток заключённых не прекращался, на Воркуту шли новые и новые этапы с новыми узниками военного и послевоенного времени. Среди них были участники войны, бывшие узники фашистских концлагерей – жертвы двух тоталитарных систем. Эти люди обладали фантастическими судьбами по контрастности жизненных событий. К числу таких людей принадлежал *Артемий Дмитриевич Миклухо-Маклай* (1908–1980), кандидат геолого-минералогических наук, специалист по стратиграфии, тектонике и магнетизму. Он был внушительным племянником известного путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая. Для Артемия Дмитриевича выбор специальности определился семейными пристрастиями: отец его работал во Всесоюзном географическом обществе АН СССР. (В 1942 г. он погиб в Ленинграде от голода.) Артемий Дмитриевич окончил ЛГИ, в середине 30-х гг. работал в Дальневосточном филиале АН СССР, в 1940–1941 гг. преподавал в ЛГИ [110].

В 1940 г. Артемий Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию, успев перед этим побывать добровольцем на советско-финляндской войне. В 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение. Действовал в тылу врага разведчиком. Попал в плен. Прошел лагерь военнопленных в Латвии, Литве, Германии. Осужден военным трибуналом по ст. 58 “16” на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в гражданских правах. Прибыв в Воркутлаг 11.08.1948, попал на шахту № 8. Геологи сумели спасти его от тяжелых подземных работ, устроив петрографом в геологоразведку. Он работал с микроскопом не считаясь со временем и не щадя глаз. Когда шел последний год его заключения, заболел нервным расстройством, впал в глубокую депрессию. М.С. Калецкая вспоминала, что Миклухо-Маклай при освобождении был настолько болен, что не хотел выйти из лагеря. Друзья-геологи буквально заставили его пройти все необходимые при освобождении процедуры и вытащили его из зоны. Жить ему было негде, и семья Погоревичей приютила его в своей квартире.

Его зачислили геологом в штат Полярноуральской экспедиции, хотя потребовалось еще время, чтобы Артемий Дмитриевич восстановил свои душевные и физические силы и смог работать⁶³.

Эта история является еще одним примером дружеской, доброжелательной атмосферы, царившей в среде геологов. Такую атмосферу создал и годами поддерживал Войновский-Кригер, который сам всем по-

⁶³ Калецкая М.С. Артемий Дмитриевич Миклухо-Маклай // Нар. хоз-во Респ. Коми. 1993. Т. 2. № 2.

могал в тяжелую минуту. Огромную роль в возвращении Артемия Дмитриевича к жизни и деятельности сыграла его жена Вера Дмитриевна Чехович, долгие годы не имевшая никаких сведений о муже.

Войновскому-Кригеру и руководимому им коллективу удалось достичь больших успехов в исследованиях Полярного и Приполярного Урала. Уже никто не называл “белым пятном” этот сложный в геологическом отношении регион.

Результаты многолетних исследований Константин Генрихович обобщил в своей докторской диссертации.

В 1944 г. Войновский-Кригер написал 6 отчетов о своей научной деятельности. Пять посвящались геологическим исследованиям Печорского угольного бассейна, а шестой (“Два комплекса палеозоя на западном склоне Полярного Урала”) – Полярному Уралу. В нем Войновский-Кригер изложил свои новаторские взгляды на геологическое строение Полярного Урала. Но широкая геологическая общественность пока о них ничего не знала, они обсуждались лишь в узком кругу воркутинских геологов. В 1945 г. в журнале “Советская геология” вышла статья К.Г. Войновского-Кригера под тем же названием, что и отчет, после чего идеи ученого пошли “гулять по свету”. Войновский-Кригер писал: “Важнейшим новым фактом в геологии изученного района является наличие своеобразного комплекса палеозойских отложений (Лемвинский комплекс), представленных в фациях, резко отличающихся от обычных для западного склона Урала. Этот регионально развитый комплекс приведен в непосредственное соприкосновение с обычным для всего западного склона комплексом пород палеозоя, который мы будем называть Елецким комплексом. Если Елецкий комплекс сложен преимущественно карбонатными породами, то состав Лемвинского комплекса существенно иной – он сложен песчаниками, кремнистыми и глинистыми сланцами. В отличие от Елецкого комплекса в Лемвинском имеются пирокластические и мелкие магматические образования” [17].

В этой блестящей работе Войновский-Кригер открыл геологическому миру новое видение Полярного Урала. Стратиграфическая схема была им построена в основном на литологическом материале – на изучении осадочных отложений.

В течение нескольких последующих лет Константин Генрихович активно занимался изучением геологического строения Лемвинской зоны. В 1948 г. вышла его статья “Кливаж в меловых отложениях бассейна р. Лемвы” [30]. Деятельность Войновского-Кригера более полно представлена в фондовых отчетах. Константин Генрихович их писал самолично, очень обстоятельно, тщательно проверяя результаты обработки данных. Каждый его отчет – это готовая к публикации работа, сделанная на высоком научном уровне. Приведем некоторые из них.

1945 год – итоговый обзор исследований за 1944 г. “Геологическое строение р. Паги (бассейн р. Лемвы, Полярный Урал)”, совм. с И.Н. Сулимовым (50 л.).

1946 год – “Очерк геоморфологии западного склона Полярного Урала на площади развития Лемвинского комплекса палеозоя” (80 с.).

1947 год – “Геологическое строение бассейна р. Юнь-Яги (приток



Воркута, 1955 г. Слева направо: Г.Г. Богданович, К.Г. Войновский-Кригер, В.Я. Попов, Г.П. Софронов, Н.В. Шмелев, С.А. Голубев, Г.А. Чернов, Л.А. Братцев, А.И. Блохин



**В день окончания работ над картой. Воркута, 1956 г.
Слева направо: Т.П. Истомина, С.И. Закровой, К.Г. Войновский-Кригер**



Воркута, 1950 г. Слева направо – Ирина Александровна и Константин Генрихович Войновские-Кригеры, Бронислава Яковлевна и Николай Иванович Коровины, Моисей Наумович Авербах (вверху)

р. Лемвы, Полярный Урал)» (138 с.). Среди отчетов за этот год особый интерес представляет отчет «Геология Печорского угленосного бассейна и Полярного Урала (1931–1947)», разительно отличающийся от других своим объемом – 1845 с. В числе авторов, кроме Войновского, значатся Б.А. Аминев, С.А. Голубев, Г.Г. Богданович и др. Что бы это значило? Ведь только один Константин Генрихович все эти годы непрерывно работал в геологической службе Заполярья и был у руля научно-исследовательских работ. Самое правдоподобное объяснение – это был первый вариант итоговой работы, представленной на соискание Государственной премии за разведку и освоение Печорского угольного бассейна (1948). Позже фамилию Войновского-Кригера вычеркнули, оставив только авторов с «чистой» биографией, несколько изменили название, ну а дальнейшее всем известно, мы об этом уже писали. След же остался в фондовых отчетах.

Интерес представляет и дальнейшая история фондовых отчетов. Войновский-Кригер неожиданно умолкает на четыре года. До этого нельзя было найти ни одного года без его фамилии на отчете. Каждый год он составлял не один, а несколько отчетов. И вдруг – четырехлетняя пустота. Можно только догадываться, что происходило в душе у Константина Генриховича после получения им такого удара, такого незаслуженного унижения, которое принес ему 1948 год!

1952 год – «Геологические исследования в верховьях р. Лемвы в 1951 г.» (167 с.).

1953 год – вновь отчет необычно большого объема (1197 с.) – целая

монография под названием “Стратиграфия и тектоника западного склона Полярного Урала”, которая легла в основу его докторской диссертации. В ней были обобщены результаты пятнадцатилетнего изучения геологической структуры Полярного Урала. Понадобилось еще два года, чтобы пройти все формальности, необходимые для защиты им диссертации – она произошла в 1955 г. в Москве в Институте геологических наук АН СССР.

В этом же году Константин Генрихович принял участие в очень важном для него совещании по итогам геологических и геологоразведочных работ, проведенных различными организациями на территории Коми АССР за период 1948–1953 гг. На этом совещании, труды которого опубликованы, он выступил с тремя докладами: “Итоги работ на западном склоне Полярного Урала и общие вопросы его структуры”, “Новые данные по стратиграфии и тектонике Печорского угольного бассейна”, “Краткий геоморфологический очерк территории Лемвинской фациально-структурной зоны на западном склоне Полярного Урала”. В этих докладах он подвел итог своим исследованиям за последние пять лет на Севере [37–39].

Новаторские взгляды Войновского-Кригера встретили критическое отношение большинства геологов, занимающихся Полярным Уралом. Однако стратиграфическая схема Лемвинской зоны, созданная его пытливым умом и его талантом, выдержала проверку временем. В конце 70-х гг. приходит понимание его идей. Среди геологов Воркутинской экспедиции сторонниками и пропагандистами идей Войновского-Кригера становятся Л.Н. Беляков и Б.Я. Дембовский, которые подтвердили новаторские идеи ученого фактическим материалом своих полевых наблюдений, а также показали, что аналогичное геологическое строение имеет горный кряж Пай-Хой. Идеи Войновского-Кригера получают дальнейшее развитие. Теперь уже можно было убедиться, что установление Войновским-Кригером двух типов палеозоя на западном склоне Полярного Урала имеет фундаментальное значение для познания тектоники и стратиграфии Полярного Урала в целом. Полученные им результаты стали учитываться при изучении палеозойских складчатых систем и за пределами этого региона.

Большое значение для развития идей Войновского-Кригера имели работы А.С. Перфильева (1979), В.Н. Пучкова (1979), В.В. Юдина (1983), которые в своих докторских диссертациях в глобальном аспекте развили эту проблему⁶⁴. Жаль только, что Константин Генрихович не дожил до триумфа своих идей.

⁶⁴ Дембовский Б.Я. Основоположник геологии Полярного Урала // Геолог Севера. 1999. 14 дек.

Во главе “Службы спасения” (воркутинский Ланцелот)

Портрет ученого – это прежде всего его научные достижения. О духовной сущности ученого говорят не всегда. Эти две сущности не всегда находятся между собой в положительной корреляции. Высокое звание Ученого не обязательно, к сожалению, сочетается с благородным званием Человека. Здесь мы стараемся рассказывать о двух сущностях. В бездуховный век, в годы жестоких деяний, очень важно напоминать о Добре. А в данном случае легко и радостно можно повествовать не только о научных достижениях, но и о добрых делах.

Сказание о Ланцелоте

Давно это было, более полутора тысячи лет тому назад. Бритты тогда еще были свободными и боролись за свою независимость от англосаксов. Ими правил король Артур. Вместе с двенадцатью благородными рыцарями в замке Карлиене на Уске он обсуждал за Круглым столом государственные дела. Среди рыцарей Круглого стола был Ланцелот, всегда готовый броситься на помощь тем, кто попадал в беду. Ушли те времена, но тема борьбы Добра со Злом вечна. И Ланцелот продолжал бродить во времени и пространстве. О его благородных делах повествуют саги многих народов. Известны германские, французские, нидерландские “были-небылицы”. Ланцелота воспели средневековые поэты как идеал благородного смелого рыцаря. Через несколько веков образ Ланцелота появился в романах, которыми в свое время зачитывались, герою которых стремились подражать те, кто отваживался бороться со Злом⁶⁵. Все это от нашей жизни было так далеко...

Но вот Ланцелот приблизился и к нам. О нем узнали, о нем заговорили. Это был Ланцелот из пьесы Евгения Львовича Шварца “Дракон” (1944). Ланцелот пришел освободить людей от жестокой тирании Дракона. Аналогия была слишком прозрачной, и пьеса не смогла стать сразу достоянием театров. Прошли годы, и она теперь не сходит со сцен и экранов. О шварцевском Ланцелоте смогли узнать все, кто ходит в театр и смотрит телевизор.

Менее известно, что примерно в то же время, когда Шварц создавал своего Ланцелота, в стране вечной мерзлоты, в забытом Богом и людьми Заполярье появился Человек, спешивший на помощь тем, кто попал в беду. Только воркутяне об этом знали и помнят до сих пор. Помнят Человека, который искал “черное золото”, чтобы согреть людей, и

⁶⁵ Lancelot du Lac. Париж, 1494. *Lac (фр.)* – озеро. Ланцелот имел дополнение к своему имени – Морской. Ему покровительствовала морская царица Вивиана. Он был ее воспитанником.

который вел неустанную борьбу с Драконом – ГУЛАГом, уносившим жизни сотен и тысяч ни в чем не повинных людей. Его мечом была не сталь, а луч света и добра. Когда силы покидали его, он уходил в горы, на Полярный Урал, и искал там живительные источники. Своим примером он старался показать, что нельзя терять веру в Добро, нельзя терять интерес к окружающему миру даже тогда, когда Зло кажется беспредельным. Нужно помогать! Так в Заполярье появился свой, воркутинский, Ланцелот.

“Дракон крепчает”

Трудно было выжить в воркутинских лагерях. Поддерживала надежда. На что надеялись? Во время войны среди заключенных “ходила параша”: окончится война – будут нас освобождать! Война завершилась победой, но свободы политзэкам не принесла. Опять оптимисты “пустили парашу”: нас освободят в юбилейный 1947 г. – в год празднования 30-летия Великой Октябрьской революции! И эта надежда не сбылась, наоборот, страну захлестнула новая волна репрессий. В Воркутлаге усилился режим.

Это отразилось не только на положении заключенных, но и спецпоселенцев, которых загоняли за колючую проволоку. Пример тому – судьба геолога *Никифора Александровича Шурекова* (р. 1916).

В 1941 г. он с отличием окончил геологический факультет Казанского университета. Участвовал в боях на Северо-Западном фронте под Псковом. Попал в плен. Прошел несколько лагерей для военнопленных. Побывал в фашистских лагерях в Вайдене и Берлине. В 1945 г. узников фашистских лагерей освободили воины Советской Армии, но вместо долгожданной свободы Шуреков получил спецпоселение в Печорском крае. Он попал на строительство железной дороги, а с усилением режима в 1949 г. был арестован и по ст. 58 “16” осужден на 10 лет. Во время заключения работал в геологической службе Заполярья. После освобождения в 1955 г. остался на Севере и долгие годы работал в объединении “Интауглеразведка” и в Воркуте. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Шуреков – автор оригинальной концепции углеобразования, в которой большую роль играет деятельность подземных артезианских вод. Несмотря на все превратности судьбы, он сумел преодолеть трудности и сказать свое слово в геологии.

В труднейший период своей жизни он получал помощь от тех, кто работал в геологической службе Заполярья. Нужно не забывать, что судьбы репатриированных военнопленных были особенно трагичны. После страданий в фашистских лагерях они попадали в советские. От них отрекалась Родина. Уже 29 июня 1941 г., всего через неделю после начала войны, вышел приказ НКГБ, НКВД и Генерального прокурора СССР о том, что все сдавшиеся в плен приравниваются к изменникам Родины и предателям. По настоянию Сталина в решения Ялтинской конференции был включен пункт, который гласил, что все советские военнопленные подлежат обязательной (насильственной) репатриации.

(По разным источникам общее количество советских военнопленных в Великую Отечественную войну составило 5,8 млн человек, из них умерло в плену 3,7 млн человек, остальные были репатриированы).⁶⁶

В 1948 г. в лагере для репатриированных военнопленных (15-я колонна Печорлага) вспыхнуло восстание. Этот лагерь полностью состоял из недавних защитников Родины, на долю которых выпала участь сделаться узниками двух тоталитарных систем. Они строили железнодорожную ветку между Воркутой и Хановеем. В ходе восстания лагерь был освобожден. Руководитель восстания подполковник Минклевич объявил: “Кто желает, может идти с нами. Мы знаем, что идем на верную смерть, но лучше умереть с оружием в руках, чем подохнуть за колючей проволокой!” С ним ушли около 50 заключенных. Все они погибли⁶⁷.

В такой обстановке приходилось жить, работать, проводить научные исследования, противостоять лагерному режиму, спасать людей. Да, от своих недавних защитников отреклась Родина, но не воркутинский Ланцелот. Трудно сейчас перечислить и назвать по именам всех, кому он помог, кого спас. Среди них был и Шуреков. Никифор Александрович сохранил добрую память о Войновском-Кригере на всю жизнь. Он горячо откликнулся на решение провести в Сыктывкаре в 1994 г. научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Войновского-Кригера. Конференция проходила в Институте геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Шуреков тогда был ведущим геологом объединения “Интаугле-разведка”. В поздравительной телеграмме в адрес оргкомитета конференции есть и его подпись: “Мы приветствуем и одобряем инициативу проведения научных конференций, посвященных памяти тех исследователей, которые отдали свои знания и добросовестный труд Родине. Нам, интинским угольщикам, близок и памятен К.Г. Войновский-Кригер тем, что на заре поисково-разведочных работ на уголь, в 1933 году, он принимал участие в составлении первого геологического отчета по Интинскому месторождению и, совместно с Ф.А. Крачино, выполнил первый подсчет запасов. Труды К.Г. Войновского-Кригера не потеряли своего научного значения и до сих пор. Мы выносим предложение о публикации всех важных трудов юбиляра. Среди них особое значение имеет его докторская диссертация”.

Вот еще две судьбы воркутинских геологов из когорты репатриированных. *Борис Гаврилович Горелов* (1923–1978), родом из Таганрога, после десятого класса пошел на фронт, под Ростовом попал в плен, бежал, устроился кочегаром на греческий пароход и таким образом попал за границу. Конец войны застал его во Франции. Перед ним стояла дилемма – вернуться или не вернуться на Родину. О репрессиях тех военнопленных, кто оказался за рубежом, он был наслышан. Тем не менее решил вернуться. Вначале все было хорошо: благополучно прошел

⁶⁶ *Беляков Л.П.* Горькая судьба репатриированных военнопленных // Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.: СПб., 1999. С. 419–422.

⁶⁷ *Митин Р.* Когда в зоне пылает земля // Заполярье. 1995. 23 марта.

проверку, поступил учиться в МГРИ. В институте принимал активное участие в кружке самодеятельности “Бригантина”. В 1947 г. был арестован вместе с другими участниками кружка за антисоветскую пропаганду. По ст. 58, п. 10 получил 10 лет ИТЛ, попал в Джезказган, затем в Воркуту, работал в шахте забойщиком. Воркутинским геологам удалось вытащить Горелова из шахты и, как студента геологического института в недавнем прошлом, устроить в геологоразведку. В 1955 г. он досрочно освобожден, а через год пришла реабилитация, позволившая Горелову продолжать учебу в МГРИ, который он окончил в 1959 г. Далее была аспирантура в ЦНИГРИ, защита кандидатской диссертации в 1971 г. В последующие годы Борис Гаврилович занимался магматическими образованиями северо-восточного Забайкалья [110, 105].

Игорь Евгеньевич Белецкий (1913–?) – внук В.Э. Мейерхольда, в 1939 г. поступил в ЛГИ. Война прервала его учение, он пошел на фронт, попал в плен. Возобновил учебу в 1946 г., после окончания ЛГИ работал в Научно-исследовательском институте геологии Арктики. Арестован в 1952 г., срок отбывал на Воркуте, освобожден в конце 50-х гг., но в Ленинград вернуться не смог – отказали в прописке. Умер в Воркуте [110].

В конце 40-х гг. не просто усилился режим, а началось преобразование лагерей. В Коми АССР в период 1948–1950 гг. были созданы два особых лагеря: Речной в Воркуте (Речлаг) и Минеральный в Инте (Минлаг). В этих лагерях сосредоточили “наиболее опасных преступников”, осужденных по ст. 58. Среди них были политзэки и каторжане. В 1948 г. Указ от 22 апреля 1943 г. о введении каторги был отменен, но тем, кто был осужден на каторжные работы до этого года, статус “каторжанин” не отменили.

В Речлаге режим во многом приближался к каторжному – решетки, запоры, охрана с собаками и автоматами, запрет на безконвойный выход из зоны, номера на одежде для всех узников (прежде номера носили только каторжане) и т.п. [105, 108].

Когда в Речлаг начали загонять “58-ю статью”, большинство заключенных геологов, как старожилы Воркутлага, так и вновь прибывающих, оказалось в этом лагере строгого режима. Для Войновского-Кригера начались новые хождения по лагерным начальникам и оперуполномоченным – с просьбами послабления режима тем геологам, которые должны были отправляться в поисково-разведочные партии.

Судьба научных исследований, которыми руководил Войновский-Кригер в ГРУ комбината “Воркутауголь”, полностью зависела от событий, происходящих в системе ГУЛАГа. Усиление лагерного режима и новые репрессивные акции болезненно отражались на положении заключенных геологов. Часть из них этапировалась в другие лагеря. Константин Генрихович лишился опытных и трудолюбивых сотрудников. Оставшиеся геологи испытывали моральное потрясение, депрессию. Рабочий ритм в коллективе нарушался.

Геологов-речлаговцев оказалось достаточно много. *Лев Николаевич Беляков* (1926–1991) окончил в 1948 г. МГРИ, арестован в 1949 г. “за участие в антисоветской организации” вместе с группой студентов

МГРИ и других вузов страны. В группе были не только геологи, но и артисты (например молодой актер театра Таирова Ю.И. Волков), литераторы, художники. Эти интеллектуалы и эстеты во время своих дружеских встреч осмелились высказывать критические замечания в адрес существующего строя. Все они получили большие сроки. Постановлением ОСО Беляков был осужден на 25 лет ИТЛ и этапирован в Речлаг. Несмотря на то что Беляков был профессиональным геологом, Константину Генриховичу пришлось приложить огромные усилия, чтобы получить разрешение на привлечение его к работе в углеразведке.

Работая под землей на шахте № 8, Лев Николаевич нашел для себя “отдушину”. По просьбе заключенного углехимика проф. Г.Л. Стадника он отбирал образцы углей и приносил в ЦУХЛ. В это время Стадников занимался проблемой самовозгорания воркутинских углей и ему был нужен добровольный помощник – геолог. (Через много лет Л.Н. Беляков опишет этот союз между двумя узниками – старым ученым и молодым геологом.⁶⁸)

Досрочное освобождение пришло в 1955 г., реабилитация – в 1958 г. Беляков остался работать на Севере: составлял региональные геологические и тектонические карты, на Урале и Пай-Хое занимался геолого-съемочными работами, защитил кандидатскую диссертацию.

Вот еще одна судьба геолога-речлаговца, ставшего затем известным ученым, доктором наук. *Юрий Васильевич Степанов* (1923–1996) родился в Москве, в 1941 г. окончил рабфак при заводе “Фрезер”. Пошел на фронт, был тяжело ранен и взят в плен, бежал из плена, опять попал на фронт, форсировал Днепр. В 1944 г. после повторного ранения был демобилизован, поступил учиться в МГРИ. В 1949 г. его арестовали и осудили по ст. 58, п. 10 на 25 лет ИТЛ. Был этапирован в Речлаг. По состоянию здоровья попал в “Сангородок” (инвалидный отдельный лагерный пункт) на Усе, затем в Инту в Минлаг. После реабилитации в 1956 г. восстановлен студентом МГРИ, который окончил в 1957 г. Север он не покинул, работал главным геологом шахты “Интауголь” и в геологическом управлении на Воркуте. Окончив заочную аспирантуру, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. С 1975 г. работал начальником Комплексной тематической экспедиции объединения “Полярноуралгеология”. Ю.В. Степанов более 40 лет изучал геологию угольных месторождений Заполярья, занимался шахтной геологией при строительстве и реконструкции шахт на Воркуте и Инте, в Варгашорском, Юньягинском месторождениях. Он автор многих публикаций по шахтной геологии и смежным вопросам. Ему были присвоены почетные звания “Заслуженный геолог РСФСР” и “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР” [110].

⁶⁸ Беляков Л. Его не сломило ничто. Воспоминания об ученом Г.Л. Стаднике // Геолог Севера. 1990. 12 июля.

Эхо “Красноярского дела”

Положение репрессированных геологов стало еще более тяжелым, когда по всей стране прокатились масштабные репрессии, направленные против “вредительства”, “шпионажа”, “контрреволюционной деятельности” в геологическом ведомстве. В марте–июне 1949 г. в Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах страны “за участие в антисоветской организации” было арестовано около тридцати геологов, среди которых находились работники Министерства геологии СССР, известные ученые и преподаватели вузов, крупные специалисты. Так, в Москве аресту подверглись директор Геологического института АН СССР акад. И.Ф. Григорьев, чл.-кор. АН СССР А.Г. Вологдин, референт министра геологии М.И. Гуревич, председатель техсовета Мингео проф. В.М. Крейтер и др. В Ленинграде разгрому подвергся ВСЕГЕИ. Среди арестованных оказался и проф. М.М. Тетяев, с которым Войновский-Кригер работал в молодые годы. (Тетяев получил 25-летний срок, попал в красноярские лагеря, где работал по специальности. После реабилитации в 1954 г. вернулся в Ленинград и стал деканом геологоразведочного факультета ЛГИ.)

Эта репрессивная акция получила название “Красноярское дело”. Началась она с обвинения большой группы геологов в том, что они не выполнили возложенную на них ответственную задачу – не нашли в Красноярском крае месторождений урана.

Поиски месторождений урана приобрели в нашей стране исключительное значение начиная с 1945 г., когда был создан Первый главк, ответственный за поиски урана⁶⁹. В 1947 г. во ВСЕГЕИ появился отдел специсследований. С 1948 г. начала функционировать централизованная система региональных спецэкспедиций Первого главка. На Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 г. произошло первое испытание атомного оружия. Стране был нужен уран.

И вот начались выбивания из геологов признаний, что они умышленно не нашли месторождений урана. Многие арестованные под пытками признали свою виновность. Акад. АН КазССР М.П. Русаков свидетельствовал: “Психическое потрясение от этого сверхстрогаго режима, от унижительных процедур, от хронической бессонницы и кошмаров короткого полусна, от допросов, с применением пыток, от бесконечной оскорбительной площадной ругани, от катастрофического истощения, от сердечных припадков и т.д., а также упадок сил достигли такой степени, что ... все показания я стал писать под диктовку следователей... А после вызова некоего “специалиста по физкультуре” я согласился подписывать любые протоколы и подписывал их не читая, наперед зная, что в них искажено все от начала до конца”⁷⁰.

Воркуты непосредственно эта акция не коснулась, но ее эхо донеслось и до “Заполярной кочегарки”. Началось наведение порядка во всех геологических учреждениях, проверялась деятельность тех геологов,

⁶⁹ Беляков Л.П. “Красноярское дело” // Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999. С. 422–427.

⁷⁰ Там же. С. 423.

которые тем или иным образом были связаны с разгромленным в 1929 г. Геолкомом. В Приказе по Мингео от 22 августа 1949 г. значилось: “ВСЕГЕИ – наследник Геолкома, и в его составе 89 человек из числа работников бывшего Геолкома ... В подборе научных кадров Института со времен Геолкома укрепились порочная практика приема по личным рекомендациям без политической и деловой проверки. В результате такой системы комплектования в Институт попали лица из социальной чуждой среды...”⁷¹

В научно-исследовательском отделе ГРУ комбината “Воркутауголь” почти все геологи относились к “лицам из социально чуждой среды” и большинство из них находилось в заключении. Над всеми ними нависла угроза. В том числе и над Войновским-Кригером, который к тому же в былые годы работал в Геолкоме и был учеником М.М. Тетяева. Во всех геологических учреждениях страны началась “чистка”. Институты спешили рапортовать о результатах перестройки отчислением своих беспартийных работников (преимущественно старших научных сотрудников) – в порядке осуществления решения о перестройке деятельности институтов. Не нужно быть большим психологом, чтобы представить себе состояние Константина Генриховича, когда началась эта новая “охота на геологических ведьм”. Но ничто не могло остановить его деятельности по спасению коллег.

По “Красноярскому делу” проходил ассистент кафедры динамической геологии Томского университета *Николай Евгеньевич Мартьянов* (1913–1983). Его осудили 28 октября 1950 г. на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и этапировали в Речлаг. Обреченный на общие работы, он был морально раздавлен и находился в состоянии глубокой депрессии. Войновскому-Кригеру было крайне опасно брать его в геологическую службу, учитывая его статью и срок. Однако и в этих непростых обстоятельствах Константин Генрихович остался верен своим человеческим принципам и назначил Мартьянова геологом, а затем главным геологом в далеком, малообжитом поселке на северной окраине Воркуты – Халмер-Ю. Человек был спасен. Н.Е. Мартьянов вышел на свободу досрочно в 1956 г. В 1965 г. переехал в Красноярск и устроился работать сначала в Красноярский институт цветных металлов, затем в Геолуправление. Реабилитирован в 1967 г. Он был незаурядным, очень интересным человеком. Еще в Халмер-Ю он начал работать в свободное время над проблемой развития Земли как космического тела. В 1968 г. вышла его монография “Энергия Земли” [110].

Войновскому-Кригеру приходилось спасать геологов, получавших дополнительные сроки в лагере. *Зосима Иннокентьевич Цзю* (1912–1987) родился в корейской семье в Приморье. В 1931–1936 гг. – студент географического факультета Свердловского университета. Арестован в декабре 1936 г., приговорен к трем годам ИТЛ, этапирован в Чибью. Небольшой срок, работа по специальности (геолог на Верхней Ижме, палеонтолог в Центральной геологической лаборатории на

⁷¹ Там же. С. 424.

Ухте) – по тем меркам жизнь складывалась неплохо. Но малый срок зачастую разрастался в десятки лет изгнания. В декабре 1941 г. Цзю подвергся новому аресту и был приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет ИТЛ (время было военное, а он якобы “поносил” Красную Армию). Судили его и в третий раз по ст. 58, п. 14 (контрреволюционный саботаж, сознательное неисполнение определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства), в результате чего он получил еще 10 лет. С такой лагерной биографией он попал в начале 1951 г. на Воркуту в лагерь особого режима. По всем гулаговским правилам он не мог работать по специальности в геологической службе, но Войновский-Кригер сумел устроить его главным геологом шахты № 7. В 1957 г. Цзю реабилитировали по всем трем судимостям. Он стал одним из ведущих геологов ЦНИЛ Ухткомбината. Занимался тектоникой и стратиграфией Тимано-Печорской нефтегазовой провинции [110].

Конец “рабовладельческого государства”

Смерть Сталина вселила в заключенных надежду на массовую амнистию. Но так как амнистия последовала не сразу, в лагерях возникли волнения, вплоть до забастовок и бунтов. В июле 1953 г. началась забастовка на воркутинских шахтах, где наиболее активную роль играли репрессированные участники Великой Отечественной войны, прибалты, западные украинцы и узники-иностранцы. Среди последних выделялись поляки, которых на Севере было очень много, и американцы (их было мало, но они отличались смелостью и неприимостью к ГУЛАГу). Пик забастовки отмечался 1 августа 1953 г. на шахте № 29.

На переговоры с бастующими из Москвы приехала специальная комиссия во главе с Генеральным прокурором СССР Р.А. Руденко. Переговоры не увенчались успехом. Очевидцы событий рассказывали, что перед строем заключенных Руденко лично застрелил одного из тех, кто участвовал в переговорах, – поляка Игнатовича. После этого начался расстрел безоружных людей из пулеметов.

Расправа с забастовщиками произошла во всех речлаговских лагерях. Немец из ФРГ Файни Фритше вспоминал: “Я был дважды тяжело ранен 1 августа 1953 г. в 10-м лагерном отделении Речлага. Стреляли из всех видов имеющегося у них огнестрельного оружия: пулеметов, автоматов, наганов. Я видел вспышки из стволов автоматов и поднимающийся вверх дым. Рядом со мной стояли заключенные поляки. Я видел, как офицер, держа в руке пистолет, в упор выстрелил одному поляку в голову и убил его. Видел прислонившегося к бараку мертвого австрийца Карла Шмидта и лежавшего на земле мертвого Вольфганга Эшке. Ему было всего 20 лет...” Другой заключенный – М.Я. Захария свидетельствовал: «...из громкоговорителя прозвучало только одно слово: “Огонь!” Это был страшный шквальный огонь из всех пулеметов и автоматов по людям и баракам. Позже звучали одиночные выстрелы. Огонь велся прицельный. После стрельбы были слышны крики заклю-

ченных. Очень трудно передать словами, какой это был крик. Все слилось в один звук, леденящий душу»⁷².

Во время этой расправы погибли сотни заключенных, затем начались массовые аресты. Многие заключенные попали в БУР (барак усиленного режима). Среди них были и те, кто был связан с геологической службой. Так, за активное участие в забастовке полгода находился в БУРе *Леонид Александрович Самутин* (1915–1987), выпускник Казанского университета, преподаватель физики и астрономии. Его арестовали в 1945 г. и этапировали в Речлаг. Пройдя войну, плен, фашистский концлагерь в Германии, английскую зону оккупации в Дании, он попал на Воркуту. Только после освобождения в 1955 г. ему удалось устроиться в Печорскую геофизическую экспедицию, в которой он проработал 15 лет, занимаясь петрофизическими исследованиями. Его руководителем был В.В. Гречухин – ученик Войновского-Кригера. Самутин оставил интересные воспоминания о событиях военных лет и о своем участии в диссидентском движении⁷³.

Чудом остался жив после расправы над забастовщиками *Сергей Михайлович Шейнманн* (1903–1987), геофизик, доктор технических наук, участник Великой Отечественной войны. Первый раз он был арестован в 20-е гг. на третьем курсе института за участие в студенческих выступлениях. Его сослали на строительство Днепрогэса. По окончании ссылки он работал в полевых геофизических экспедициях под руководством известного ученого В.Р. Бурсиана⁷⁴.

Во время войны Шейнманн был мобилизован в армию, работал в отряде по радиообслуживанию Ленинграда, восстанавливал сети проводов после бомбежек. В состоянии дистрофии был вывезен из голодающего города. Арестован в Москве в 1949 г., направлен на работу в подмосковную “шарашку”, где как математик занимался любопытной проблемой – подслушиванием разговоров по вибрации оконных стекол. В 1952 г. переведен в Речлаг и направлен на общие работы. Несмотря на то что на Воркуте он был новичком, он примкнул к забастовщикам и едва не погиб [110].

В 1954 г. опять началось преобразование воркутинских лагерей. 26 мая вышел Приказ министра внутренних дел “Об объединении управлений Особого лагеря № 6 и Воркутинского ИТЛ МВД в целях сокращения расходов на содержание административно-управленческого аппарата”. Аппараты управлений Особого лагеря и Воркутинского ИТЛ МВД (т.е. лагерей обычного режима) объединялись в Управление Воркутинских ИТЛ, которому подчинились все подразделения Особого лагеря.

⁷² Романькова Т. Кровавый август 1953 года // Заполярье. 1995. 2 сент.

⁷³ См., например: Родина. 1991. № 6, 7.

⁷⁴ Виктор Робертович Бурсиан (1886–1945) – геофизик, физик-теоретик, специалист по электротермодинамике, физике кристаллов, теории электроразведки, д-р физ.-мат. наук. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. В 30-е гг. работал в ЛГУ (профессор, зав. кафедрой теоретической физики, декан физического факультета, директор Научно-исследовательского физического института при ЛГУ). Арестован в 1936 г., обвинен в покушении на Сталина. Умер в заключении. Реабилитирован посмертно в 1956 г.



Проводы на Воркуте. 28.11.1956 г.



Последний вальс на Воркуте с Ниной Рязанской. 28.11.1956 г.

Казалось бы, этим приказом Речлаг как особый лагерь строгого режима перестал существовать. Но нет, в одном из пунктов этого же приказа значилось, что “заключенных особого контингента содержать в отдельных лагерных подразделениях и использовать на работах строго изолированно от заключенных общего режима”⁷⁵.

Несмотря на все препятствия, чинимые МВД, процесс массовых освобождений с каждым месяцем набирал силу. Освобождали не только заключенных общего режима, но и узников лагерей особого режима и даже каторжан.

В Воркуте произошли радикальные изменения. В 1953 г. комбинат “Воркутауголь” был передан в ведение Министерства угольной промышленности СССР, а 26 августа 1955 г. Совет Министров СССР принял Постановление о переводе шахт комбината на вольнонаемную рабочую силу. Этот перевод был закончен в 1960 г. Так завершилась история Воркуты как “рабовладельческого государства” в районе Крайнего Севера [107–109].

Войновский-Кригер отдал весь свой талант ученого, исследователя и педагога служению геологической науке именно в этом “государстве”. Здесь он создал свою научную школу из репрессированной молодежи, здесь возглавил “службу спасения” человеческих душ.

Глава 8

Профессор Войновский-Кригер в Алма-Ате

Более чем 20-летняя деятельность К.Г. Войновского-Кригера на Севере была отмечена многими правительственными наградами и почетными грамотами. За освоение и развитие Печорского угольного бассейна он был награжден орденами “Красная Звезда” и “Знак Почета”, медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, нагрудным знаком “За освоение Печорского бассейна” и рядом почетных грамот Президиума Верховного Совета Коми АССР. В 1944 г. ему было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”.

Снятие судимости в 1953 г. позволило Константину Генриховичу покинуть Север, к которому он был “прикреплен” все эти долгие годы. Научные труды Войновского-Кригера получили широкую известность. Появились друзья и почитатели его таланта в разных уголках нашей страны. Его высоко ценил президент Академии наук КазССР акад. К.И. Сатпаев. Это во многом способствовало крутому повороту в жизни семьи Войновских: в 1956 г. он вместе с женой Ириной Александровной прощается с Воркутой и переезжает в Алма-Ату.

Казахский политех

В Алма-Ате Константин Генрихович проходит по конкурсу на звание профессора-консультанта, и начинается его работа в Казахском горно-

⁷⁵ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 526, л. 165–166.



**К.Г. Войновский-Кригер – профессор Казахского политехнического института.
Алма-Ата, 1961 г.**

металлургическом (затем – политехническом) институте на кафедре общей и исторической геологии, а позже на кафедре геологической съемки и поисков месторождений полезных ископаемых. С 1956 по 1979 г. он вел лекционные курсы по исторической геологии и геотектонике, осуществлял научное руководство дипломными работами, возглавлял учебно-методическую работу на геологоразведочном факультете.

Константин Генрихович с большим энтузиазмом переключился на преподавательскую деятельность, но старался сочетать ее с научно-исследовательской работой. Среди коллег и студентов он неизменно пользовался огромным авторитетом и любовью. Как и всегда, он был в постоянном поиске новых идей и методов работы. Это коснулось и системы вузовского преподавания и подготовки научных кадров. Так, им впервые на геологоразведочном факультете была предложена идея бессессионной формы обучения. В 1960 г. Войновский-Кригер (совместно с проф. И.И. Бок и Г.Л. Кушевым) опубликовал статью, посвященную этой проблеме [49].

Константин Генрихович, наделенный особым даром общения, часто встречается со студентами-геологами и делится с ними воспоминаниями о былых годах экспедиций и поездок, как в свои студенческие годы, так и в период исследования Полярного Урала. Редакция институтской газеты “За инженерные кадры”, выполняя многочисленные просьбы и пожелания студентов, печатает его воспоминания [84].

В 1964 г., когда Константину Генриховичу исполнилось 70 лет, его друзья и коллеги по институту, а также геологи Печорского угольного

бассейна горячо и искренне выразили ему свое почтение. В рубрике “Ветераны Печорского бассейна” газета “Заполярье” поместила статью Б. Афанасьева⁷⁶ “Профессор К.Г. Войновский-Кригер”, выдержку из которой хочется процитировать: “Много замечательных геологов работало и работает в Печорском угольном бассейне, но имя К.Г. Войновского-Кригера по праву должно стоять первым в списке. Ныне профессор, доктор Казахского горно-металлургического института Константин Генрихович Войновский-Кригер оставил о себе добрую память в коллективе геологов нашего бассейна. Его помнят как талантливого и энергичного организатора геологической службы в бассейне, как выдающегося исследователя, крупного геолога-теоретика и как старшего товарища и учителя” [81].

В 1969 г. все сотрудники и единомышленники Константина Генриховича сердечно поздравили его с 75-летием: “Вы, дорогой Константин Генрихович, для нас, сотрудников кафедры ГСП, не просто старший, а коллега редкостного интеллекта, высокой культуры и щедрого сердца. Вся Ваша жизнь – выражение глубокого понимания гражданского долга и действия с высоким революционным накалом и отличным “чувством доктя”. Мы желаем Вам, Константин Генрихович, много, много лет доброго здоровья и осуществления Ваших творческих замыслов. Мы просим Вас также передать Вашей верной спутнице жизни Ирине Александровне наше почтительное уважение” (из поздравит. адреса).

Преподавательской работе приходилось уделять много времени, но Войновский-Кригер не отстранился от Уралполярногеологии. Его творческая мысль по-прежнему стремится в район Крайнего Севера.

Заполярье не отпускает

Если проанализировать комплекс опубликованных работ Войновского-Кригера за вторую половину 50-х гг. и 60-е гг., то возникает впечатление, что все это пятнадцатилетие он продолжал жить и работать на Севере, исследовать Печорский угольный бассейн и любимый Полярный Урал. (“Силур и девон Полярного Урала”, “Геотектоническое развитие Печорского угольного бассейна”, “Тектоническое сближение фаций”, “Ордовик Лемвинской фациально-структурной зоны”, “Силур Лемвинской зоны”, “Строение северной оконечности Приполярного Урала”, “Девонские отложения Лемвинской фациально-структурной зоны” и др.) Весь его пытливый ум устремлен в этот мир. Он остался там – Заполярье его “не отпустило”. Помимо научных интересов была, по-видимому, своего рода тоска по молодости, которая прошла в неволе за Полярным кругом...

⁷⁶ Борис Леонидович Афанасьев прибыл в Воркуту в 1953 г. в качестве управляющего трестом “Печорауголегеология”. При нем разведочные работы треста (позднее преобразованного в Коми-Ненецкое территориальное управление) велись в Усинско-Сейдинском районе, Варгашоре, на Нижней и Верхней Сыр-Яге, Хальмер-Ю, на юго-западном склоне Пай-Хоя и в Интинском районе. По результатам этих работ он защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

По-прежнему его деятельность, теперь уже как консультанта, отражалась в фондовых отчетах.

В фондовых отчетах за 1956 г. есть его две пояснительных записки: “К оценке геологических материалов по листам двухсоттысячной карты Печорского угленосного бассейна” (36 л.) и “К геологической карте Печорского бассейна. М 1 : 500000” (36 л.). Последний фондовый отчет (1958) можно оценить как завещание Войновского-Кригера будущим геологам Севера: “О некоторых неразрешенных вопросах истории развития структуры Печорского угленосного бассейна” (30 с.)

В 1956 г. К.Г. Войновский-Кригер принял участие в Совещании по унификации стратиграфических схем Урала и соотношению древних свит Урала и Русской платформы, где представил доклады “Силур и девон западного склона Полярного и Приполярного Урала” [42] и “Карбон западного склона Полярного и Приполярного Урала” [43].

В 1958 г. в “Трудах геологического совещания, посвященного 25-летию геологического изучения Печорского угольного бассейна” была опубликована его работа “О геотектоническом развитии Печорского угольного бассейна” [45]. Появляются публикации Войновского-Кригера в академических изданиях (“Труды Лаборатории геологии угля АН СССР”, “Известия АН СССР”, “Доклады АН СССР”).

В 1963 г. была издана “Геологическая карта СССР” (масштаб 1 : 200000). Объяснительная записка к Северо-Уральской серии карты была написана Войновским-Кригером в соавторстве с В.Н. Гессе и К.П. Евсеевым. Из двух соавторов “коллегой по ГУЛАГУ” был *Владимир Николаевич Гессе* (1907–1993). В 1937 г. он с отличием окончил ЛГИ, но вскоре был осужден по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности. Во время Великой Отечественной войны его этапировали в Монголию на разведку месторождений полиметаллов, затем он поехал на Север, где работал в шахтах и, наконец, его устроили в геологическую службу Воркуты [110]. В период работы над составлением объяснительной записки к географической карте он был рад возможности опять сотрудничать с Войновским-Кригером.

В 1956 г. вышла в свет блестящая статья Войновского-Кригера “Об устойчивости в геологическом прошлом фациальных обстановок и их границ” [41]. Акад. Б.С. Соколов писал, что мысли, изложенные в этой статье, затронули фундаментальную проблему эволюции фаций. К.Г. Войновский-Кригер показал себя как выдающийся палеозоист, пришедший к этим выводам на основании собственного геологического опыта. Здесь он вновь заглянул далеко вперед: его выводы согласуются с представлением современных теоретиков в области эволюции геологических процессов [99].

Начиная с 60-х гг. Войновский-Кригер активно сотрудничает с изданием “Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический”, публикуя в нем результаты своих геологических исследований в районе р. Лемвы на Полярном Урале [47, 50, 53].

В статье “Очерк тектоники Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала)” [70] Войновский-Кригер продолжает отстаивать свое видение геологической структуры Полярного

Урала: Лемвинский комплекс имеет покровное и чешуйчатое строение. Весь комплекс этих покровов, как одно целое, надвинут с востока на автостонный Елецкий комплекс.

Душой Московского общества испытателей природы была *Вера Александровна Варсанюфьева* (1890–1976), чл.-кор. Академии педагогических наук РСФСР и Коми АССР, с 1955 г. – сотрудник Института геологии Коми филиала АН СССР. Войновского-Кригера связывала с ней большая дружба. Была и общность судьбы, хотя Вера Александровна подверглась лишь кратковременному аресту. Причину ее ареста можно в наше время воспринимать как анекдот. Ее арестовали во время полевых работ в 1925 г., – тогда она была профессором 2-го Московского университета. Одного из своих сотрудников, Н.Н. Иорданского, она в шутку называла: капитан Ниорд (соединив первую букву его имени с началом фамилии). Вскоре контакты геолога Варсанюфьевой с каким-то загадочным капитаном явно заграничного происхождения (судя по фамилии) попали в поле зрения чекистов, и те стали тщательно контролировать их переписку. Когда же в одном из писем к “капитану Ниорду” промелькнуло сообщение, что в материале, который он намыл на Урале, обнаружено золото, дело приняло крутой оборот. Варсанюфьева была арестована и помещена в тюрьму. Но 1925 год существенно отличался от 1929 года и тем более от 1937 года, когда по самому нелепому обвинению человек шел под расстрел. Следователь оказался толковым, и Веру Александровну освободили [110]. В 80-летний юбилей Варсанюфьевой в “Бюллетене МОИП” была опубликована очень теплая статья о ней, написанная Войновским-Кригером [73].

В 1970 г. появилась последняя статья Войновского-Кригера, посвященная любимому “Поляр-Уру”, – “О петельчатой структуре известняков из ордовика и силура западного склона Полярного Урала” [72].

В 1974 г. и в Алма-Ате и в Коми АССР отмечали 80-летие Войновского-Кригера. Вот как выразили свою память и отношение к Константину Генриховичу его коллеги из далекой теперь для него Воркуты: “В Вашем лице мы поздравляем одного из первопроходцев и первооткрывателей Печорского бассейна и богатств Полярного Урала. Жалко, что каменные осыпи и речные бечевники не могут хранить следов исследователей, а то можно было бы на них проследить сотни и тысячи километров Ваших маршрутов. Все, кто работал с Вами, помнят Вас как душевного, предельно доброжелательного, открытого, всегда готового помочь человека. Особое Ваше свойство заинтересованности в каждом человеке и умение увлечь его работой, глубокий и разносторонний интерес к окружающему миру – эти качества всегда вызывали глубокую симпатию всех, знающих Вас, и об этом мы стремимся рассказывать тем, кто теперь работает в нашем Северном крае” (из поздравит. адреса).

Мы предоставляем слово коллегам и сослуживцам Константина Генриховича в цитируемых нами поздравительных адресах. Эти люди, многие годы знавшие Константина Генриховича, очень ярко, содержательно и убедительно выразили свое видение качеств и особенностей его как Человека необыкновенной души, тепла и понимания людей во все годы его удивительной, трудной, но замечательной жизни.

Возвращение к любимым ругозам

Полярный Урал – не единственная любовь Войновского-Кригера. Были еще тетракораллы. С ними связана его первая юношеская любовь, и он пронес ее через всю жизнь.

Долгие годы заточения на Севере ему пришлось свой талант и энергию направлять на быстрое освоение Северной топливной базы. Так требовал ГУЛАГ! Тем не менее даже в те трудные времена он не забывал о кораллах. В 1934 г. вышла в свет его большая работа “Нижнекаменноугольные кораллы из окрестностей Архангельского завода на западном склоне Южного Урала” [10], в которой было дано описание кораллов нижнего карбона по исследованиям, проведенным Константином Генриховичем еще до ареста. Эта работа широко известна и высоко ценится специалистами. Она не потеряла своего значения по сей день.

В 1945 г. в “Ежегоднике Всесоюзного палеонтологического общества” была опубликована статья Войновского-Кригера “О значении проблематических окаменелостей и о необходимости их сбора и изучения” [18]. Публикация эта интересна не только по содержанию, но и по связи времен. Константин Генрихович был первым, кто высказал Русскому палеонтологическому обществу, еще в 1928 г., свои идеи о значении проблематических окаменелостей и о необходимости их сбора и хранения.

Спустя годы Войновский-Кригер вновь обратил внимание научного мира на проблематические окаменелости. Смысл его призыва собирать и сохранять эти “неопознанные объекты” состоит в следующем. Современная палеонтология крайне специализирована. Все сборы ископаемой фауны распределяются между специалистами, которые могут опознать лишь известные им ископаемые формы, а проблематикам суждено быть выброшенными. Они навсегда и безнадежно пропадают для науки, хотя ценность их велика, т.к. они представляют остатки редко сохранившихся и поэтому не канонизированных форм. Целесообразно делать так, чтобы проблематику осматривали зоологи, которым легче опознавать неизвестные ископаемые формы. Проблематику ни в коем случае нельзя выбрасывать, их нужно сохранять! Классифицировать их можно по возрасту, а в дальнейшем организовывать их экспозицию и планомерное описание.

Любопытно примечание редакции журнала, помещенное в конце статьи [18]. В нем сообщается, что Всесоюзное палеонтологическое общество осведомило о предложении Войновского-Кригера акад. П.И. Степанова, директора Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. Ф.Н. Чернышева, и тот дал согласие на хранение в музее проблематических окаменелостей и на образование в нем соответствующего отдела. Первым вкладом в этот отдел поступили семь проблематических окаменелостей из Полярного Урала и ряд интересных мелких образований из пермской угленосной толщи Воркутинского каменноугольного района, присланные действительным членом Всесоюзного палеонтологического общества К.Г. Войновским-Кригером.

С 1981 г. в Сибирском отделении Академии наук СССР стали издаваться специальные сборники исследований по проблематике всего фанерозоя. Войновского-Кригера можно назвать рыцарем, бросившимся на защиту проблематики – этих редких, загадочных, неопознанных ископаемых, которые нуждались в особом к ним отношении со стороны палеонтологов и которым необходимо было обеспечить специальное музейное хранение.

В 1947 г. Константин Генрихович совместно с воркутинским палеонтологом В.В. Погоревичем опубликовал статью “Опыт определения степени сокращения при диагенезе некоторых нижнепермских алевролитов” [23]. В 1949 г. вышла в свет его статья “Оригинальная *Michelinia* из Турнейских отложений бассейна р. Печоры” [33].

Войновский-Кригер придавал большое значение изучению септального аппарата у палеозойских четырехлучевых кораллов. В своей статье “О динамике развития септального аппарата в онтогенезе четырехлучевых кораллов” [34] он представил разработанную им новую методику их изучения и описания. Методика позволяет получать выводы из фактических данных при измерении кораллов и использовать эти данные для правильной классификации ругоз.

В 1956 г. “*Journal of Palaeontology*”, выходящий при поддержке Американского геологического общества и Американской ассоциации геологов-нефтяников, опубликовал большую аналитическую статью, посвященную данной работе [102].

Проблемы палеогеографии⁷⁷ всегда интересовали Войновского-Кригера как специалиста в области исторической геологии. В трудах XXI сессии Международного геологического конгресса наряду с докладами других геологов был представлен и его доклад “Палеогеография карбона СССР”.

К.Г. Войновский-Кригер совместно с Н.П. Василюк провели чрезвычайно трудоемкое исследование по выделению зоогеографических провинций по кораллам карбона. С этой целью ими были проанализированы все известные им палеонтологические и геологические монографии. Для каждого века или эпохи карбона были выделены зоогеографические провинции по кораллам. Выделение это делалось независимо от материалов, которые дает распределение других организмов. Эти исследования проводились совместно двумя институтами – Казахским политехническим и Донецким индустриальным. Их результаты были опубликованы в 1961 г. [52]. Анализ распределения фауны кораллов (ругоз и табулят) для отдельных подразделений карбона привел к следующим выводам:

- 1) сборы кораллов карбона для очень многих областей не изучены;
- 2) систематика палеозойских кораллов находится в состоянии пересмотра и переработки, нет ясных и всеми признанных критериев для выделения родов и видов;
- 3) в турнейский век хорошо выделяются шесть провинций: Восточноевропейско-Киргизская, Уральская, Новоземельская, Казахстанская, Кузбасская, Восточно-Сибирская.

⁷⁷ *Палеогеография* – раздел исторической геологии, посвященный распределению морей и суши в минувшие геологические эпохи.

О.Л. Эйно́р изучал палеогеографию карбона, применяя иную схему, построенную на анализе распределения других групп фауны. Полученные результаты почти совпали, несмотря на разные подходы [91, с. 8].

Коллективные исследования по палеогеографии и палеобиогеографии карбона территории нашей страны были посвящены закономерностям и формам развития органического мира в геологическом прошлом. Их результаты докладывались на VII сессии Всесоюзного палеонтологического общества (1964), на Международном конгрессе по стратиграфии и геологии карбона (1965), были опубликованы в разных журналах, в том числе и в “Бюллетене Геологического общества Франции” (на фр. яз.) [67].

Статья Войновского-Кригера “Использование проблематических окаменелостей *Spirophyton* (*Таonurus*) для определения истинного или опрокинутого положения пластов” [54] посвящена взаимосвязи палеонтологии и тектоники. В ней затрагивается глобальная проблема – значение биосферы в геологических процессах.

Константин Генрихович активно сотрудничает с украинскими палеогеографами из Академии наук УССР. Он входит в авторский коллектив, работающий над составлением “Атласа палеогеографических карт СССР” [66].

Интересен еще один аспект деятельности Войновского-Кригера. В своих палеонтологических исследованиях он использовал биометрические методы, основанные на теории вероятностей и математической статистике. Эти методы, получив широкое распространение за рубежом, в нашей стране долгое время не применялись. Основатели биометрии, английские ученые К. Пирсон и Ф. Гальтон, предложили использовать их при изучении таких сложных биологических проблем, как изменчивость, наследственность, смертность и т.п. В нашей стране биометрические методы долгое время фактически были запрещены.

В 60-е гг. наступил период реабилитации ранее запрещенных кибернетики, генетики, некоторых разделов математики. В разных прикладных областях, в том числе и в биологии, начали использовать математико-статистический аппарат. Примечательно, что Войновский-Кригер был одним из первых, кто это сделал в палеонтологии [62].

Математический стиль мышления был органически присущ Войновскому-Кригеру. Он любил четкость в постановке задачи, глубину проникновения в сущность исследуемого объекта и, что очень важно, правильность интерпретации полученных результатов. Без математических методов трудно обобщить сведения, полученные в сериях наблюдений, извлечь из них всю полезную информацию, преодолев хаос отдельных изолированных фактов. Математика помогает исследователю получить целостную картину видения мира. Войновский-Кригер принадлежал к тем исследователям, которые умели получать такую целостную картину.

В 1967 г. произошло важное для Константина Генриховича событие – он стал почетным членом Всесоюзного палеонтологического общества. Это произошло более чем через 40 лет после его вступления в Общество,



К.Г. Войновский-Кригер среди участников II Симпозиума по кораллам, Таллин, 1967. (Фото академика Б.С. Соколова)

когда он был еще студентом. Арест прервал членство на несколько лет, и только теперь он смог занять положение почетного члена.

На Втором всесоюзном симпозиуме по изучению ископаемых кораллов СССР Константин Генрихович выступил с тремя докладами: “Явление завивания у ругоз”, “Изменчивость кораллов *Syathoclisia coniseptum* (Keys.) из турнейских отложений западного склона Урала” и “Новый вид *Syathoclisia* из турне Урала”. С большой обстоятельностью рассматривая в них вопрос внутреннего и внешнего строения ругоз, особое значение придавая явлению завивания, он приходит к выводу, что направление завивания является генетически обусловленным признаком, не зависящим от влияния внешней среды, и намечает дальнейшие задачи в изучении завивания у ругоз, четко перечисляя восемь пунктов программы исследований [74–76].

В 1971 г. в Новосибирске состоялся Первый международный симпозиум по изучению ископаемых кораллов, организатором которого был акад. Б.С. Соколов. Константин Генрихович выступил с блестящим докладом “Продольная ребристость внешней поверхности ругоз как источник информации о внутреннем строении полипняка”. Он считал, что продольная ребристость используется недостаточно в морфологических исследованиях структуры древних кораллов, и наметил целую программу дальнейших исследований. В эволюционно-морфологическом смысле эта программа сохранила свое значение и в настоящее время. Доклад был опубликован в “Трудах Института геологии и геофизики СО АН СССР” [77].



**К.Г. Войновский-Кригер и австралийский палеонтолог Джелл.
Рядом Ирина Александровна Войновская-Кригер. I Международный симпозиум
по ископаемым кораллам, Новосибирск, Академгородок, вестибюль Дома ученых, 1971 г.
(Фото академика Б.С. Соколова)**

У К.Г. Войновского-Кригера установились тесные дружеские контакты с новосибирскими учеными. Совместными усилиями они старались решить вопрос об издании специальных сборников, посвященных проблематикам. Такие сборники начали издаваться в Сибирском отделении АН СССР с 1981 г.

Акад. Б.С. Соколов к 100-летию со дня рождения Константина Генриховича написал о нем замечательную статью, в которой высоко оценил его как Ученого и Человека: «Его размышления затронули фундаментальную проблему эволюции фаций, исходя из сравнительного анализа ландшафтно-географических и тектонических обстановок осадконакопления в геологическом прошлом и в современную эпоху. Почти сорок лет тому назад он писал, что “мы должны допустить в прошлом наличие целого ряда фациальных обстановок и ландшафтов, которым трудно найти аналогов в наши дни и которые являются такими же историко-геологическими категориями, как и исчезнувшие биоценозы. Некоторые из них вообще существовали, вероятно, лишь в определенные эпохи и больше не повторились. Эти палеофации, палеоландшафты были эпизодами в ходе необратимой эволюции лика нашей планеты”. Выдающийся палеозоист, он пришел к этим выводам на основании собственнo богатейшего геологического опыта, убедительно согласующегося с представлениями современных теоретиков эволюции геологических процессов» [99].

Алма-атинский период жизни семьи Войновских

После видения личности Войновского-Кригера академиком Соколовым взглянем на жизнь семьи Войновских глазами их дочери, которая все эти годы была рядом с отцом и матерью.

“Декабрь 1956 г. стал новой, светлой страничкой в жизни всей семьи Войновских. Все, и Константин Генрихович, и Ирина Александровна, и я, их дочь Ксения Константиновна с маленьким сынишкой Андрюшей, собрались вместе в удивительном по красоте солнечном южном городе Алма-Ате.

Я после 12 лет жизни в Москве снова с папой и мамой, а Андрюша – с бабушкой и дедушкой.

Для Константина Генриховича переезд в Алма-Ату – новая страница его жизни. Ирина Александровна выходит к тому времени на пенсию и полностью посвящает себя заботе о маленькой семье. Андрюша, родившийся в 1954 г. в Москве, постоянно в обществе счастливых бабушки и дедушки, а я – в новой для меня работе, связанной с постоянными выездами за город, на полевую работу. Константин Генрихович молод душой, с неиссякаемой энергией, увлеченностью всем новым. Он ко всему прочему осваивает вождение автомобиля “Победа”, и вместе со своей женой, которая, конечно же, тоже освоит вождение, отдается этому новому увлечению полностью. Благодаря машине вся семья часто совершает увлекательные поездки за город, на природу, а также и длительные поездки – летом на озеро Иссык-Куль (в Киргизии), по маршруту Фрунзе–Ош. В мае 1963 г. в семье появляется еще один мальчик – Костя (второй внук Константина Генриховича и Ирины Александровны).

Константин Генрихович, как и вся семья, очень полюбил Алма-Ату. В постоянных (каждодневных) прогулках по улицам города его сопровождает Ирина Александровна или его маленький внук Костя. Во время, свободное от дел в институте и научной работы дома, Константин Генрихович слушает музыку. У него большая коллекция пластинок любимых певцов и музыкантов.

Кроме музыки Константин Генрихович очень любит смотреть и следить за выступлениями спортсменов по фигурному катанию на коньках и художественной гимнастике, во время трансляции этих соревнований он всегда бывает рад разделить свое волнение от увиденного с домочадцами. Идут спокойные, счастливые для всей семьи годы. Константин Генрихович по-прежнему полон энергии, живого интереса к жизни...

Последние годы жизни Константина Генриховича были также наполнены вдохновением и спокойным осмыслением событий прожитой жизни. Это нашло отражение в написанных воспоминаниях о днях своей революционной молодости и многочисленных поездок и экспедиций в качестве геолога”.

В алма-атинский период Войновские стремились как можно чаще бывать в Москве. Здесь жили их ближайшие родственники: Тамара Генриховна с мужем Пашковским Степаном Гавриловичем и их сыном Игорем (редактором этой книги). Здесь они встречались со многими своими воркутинскими друзьями. Воркутинское братство было очень

крепким. Войновские, живя в Казахстане, грустили без своих воркутинских друзей. В доме Пашковских происходили дорогие сердцу “черкизовские встречи”. Из воспоминаний Игоря Пашковского:

“Жили мы на окраине Москвы в Черкизове в деревянном двухэтажном доме, превращенном в коммунальную квартиру. Во время приезда туда Войновских эта маленькая комната (площадью всего 12 метров) превращалась в настоящую явку. Как там все размещались – просто непонятно. Но было очень тепло и уютно. Старые вещи, знакомые еще по Ковенскому в Петрограде, книги, те самые сборники футуристов, которые собирались еще в 20-е годы (потом они, к сожалению, сгорели при пожаре), старые семейные фотографии и письма родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек. Все залезали на диван и под треск печурки (да, тогда в конце пятидесятых в Москве еще кое-где было печное отопление) предавались воспоминаниям.

Приходили гости – старые друзья-воркутяне. Чаще всего – Алла Григорьевна Богораз (Зиминая) с мужем Иосифом Ароновичем Богоразом – отцом Ларисы, известной диссидентки, выступившей на Красной площади в числе шести демонстрантов против вторжения советских войск в Прагу в 1968 г. Алла Григорьевна обычно приезжала с гитарой и пела свои песни. Ей подпевали все присутствующие. Я не знаю, изданы ли сейчас ее произведения, но Ирина Александровна их все записывала и очень любила. Любил их и Константин Генрихович.

Приезжал Моисей Наумович Авербах. Этот человек обладал феноменальной памятью, всегда был прекрасно осведомлен о текущей политике и о политике в прошлом. Он писал мемуары и часто зачитывал главы из них. Ему на допросе сломали палец на руке. Читали самиздат: письмо Раскольниковца Сталину, автобиографию Евтушенко и многое другое, что ходило тогда по Москве и читалось среди студентов и интеллигенции.

Приезжал Алексей Эйснер, писатель и поэт, известный как адъютант легендарного Мате Залки – генерала Лукача, героя Испанской гражданской войны. Эйснер хорошо был знаком с И. Эренбургом, М. Цветаевой, в бытность в Париже встречался с Пикассо, в Испании – с Хемингуэем. Он много рассказывал интересного.

Из Новомосковска приезжала Бронислава Яковлевна Коровина. До Москвы все же ближе, чем до Алма-Аты.

Несмотря на свою “столичность”, Алма-Ата все же была по сравнению с Москвой провинциальным городом, и Константин Генрихович, будучи в Москве, использовал возможность окунуться в бурную жизнь переломных 60-х годов”.

Летом 1969 г. Константин Генрихович и Ирина Александровна решили посетить Владивосток – город их юности. Из письма Константина Генриховича сестре Тамаре Генриховне:

“...утром с чувством радости, грусти подъехали к вокзалу, так знакомому нам с детства. Музей забронировал нам комнату на Посытской улице, против вокзала на углу 1-ой Морской и Посытской, где все еще стоит угловой “казенный дом”, где мы жили и где теперь детский садик.

Сразу скажу, что город вполне узнаваем, очень много старых домов



**К.Г. Войновский-Кригер с дочерью Ксеньей и внуками Андреем и Константином.
Алма-Ата, 1966 г.**

на месте... и кино “Уссури”, которое строил дядя Шура⁷⁸, и все наши гимназии. Стоит и дом на Пушкинской, 53, имеет тот же номер, он ремонтируется – настилают новые полы. Мы ходили туда в выходной, когда не было работ, и забралась внутрь дома, осмотрели все наши старые комнаты. Заходил я и внутрь своей гимназии. Стоит на месте и Коммерческое училище – теперь Дальневосточный государственный университет.

Побывали мы и на Орлином Гнезде.

...Вечером вернулись с Русского острова. На Канале нашего дома нет. Остальное все так же, погуляли по дороге в Поспелово, по чудному лесу.

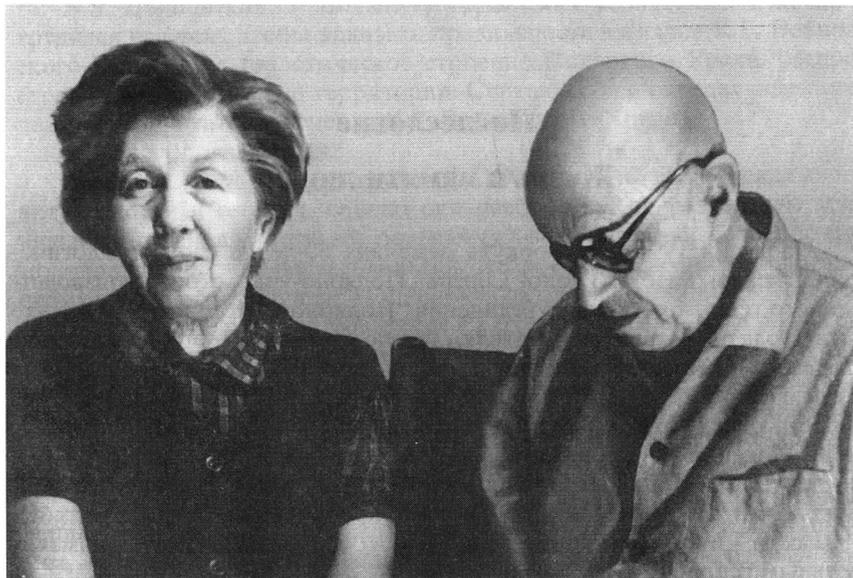
Андрюша (внук) ловил бабочек, поймал двух больших синих махаонов (Papilo, Maasky)...”⁷⁹

Бабочки... Коллекционирование бабочек было увлечением Константина Генриховича с детства. И началось оно во Владивостоке. Любовь к этим прекрасным творениям природы он пронес практически через всю жизнь. Климатические условия Приморья обусловили большое разнообразие этой специфической фауны. К собиранию бабочек, как и ко всему остальному, что он делал, Константин относился со всей серьезностью: сам изготавливал ящики, препарировал экземпляры, находил в атласе-определителе латинские названия, размещал их в соответствии с родовой и видовой принадлежностью.

Даже будучи взрослым, он прекрасно помнил все латинские на-

⁷⁸ Александр Львович Федоров, отец Ирины Александровны.

⁷⁹ Из письма К.Г. Войновского-Кригера сестре Тамаре Генриховне от 13 июля 1969 г.



Константин Генрихович и Ирина Александровна.
Одна из последних фотографий. Алма-Ата, 1974 г.

звания и легко, без помощи атласа, мог определить и назвать пролетающее насекомое. Как-то, работая в одной из воркутинских шахт, на большой глубине, Константин Генрихович обнаружил живое насекомое, которое, по-видимому, было занесено потоком воздуха через вентиляционный штрек. Он был так поражен этой встречей, что поймал насекомое, засушил его и поместил в конвертик с надписью: «Осторожно». Внутри конвертика была вложена записка: «Шахта № 1 «Капитальная», южный вентиляционный штрек. 14.06.46». Он не мог не поделиться с близкими этим чудом, и даже послал конверт с насекомым матери в Москву.

Надо сказать, что страсть к естествознанию была привита Константину с детства матерью, человеком очень увлекающимся и прекрасно образованным.

* * *

2 марта 1979 г. Константин Генрихович, как обычно, пришел на Ученый совет в сопровождении своей жены, где должна была состояться защита докторской диссертации одним из его аспирантов. Он искренне радовался встрече со всеми, с кем был связан работой все эти годы.

В этот же день он скоропостижно скончался от инсульта.

Похоронен Константин Генрихович в Алма-Ате. Через год, 6 июля 1980 г., рядом с ним была похоронена его жена и верная спутница жизни Ирина Александровна. Благодаря усилиям коллег-геологов Заполярья и родственников им установлен памятник на могиле. И после кончины они покоятся рядом.

Послесловие

Жизнь в памяти людей

Наступил 1991 год. Воркута отмечала 60-летие своей геологической службы. Газета “Геолог Севера” Полярно-уральского производственного геологического объединения “Полярноуралгеология” в начале этого года представляла читателям новую рубрику “Поставим памятники тем, кто геологическую науку развивал на Воркуте”. Первым, кому в связи с этим газета посвятила свои строки, был К.Г. Войновский-Кригер. Открыл рубрику генеральный директор Объединения Н.Н. Герасимов: «Конечно, студенческая удача Г.А. Чернова была определяющей в последующем освоении Печорского бассейна, ибо в том августе 1930 года лежит исток. Несомненно, первые пробуренные метры в октябре 1931 года – это первые шаги геологической службы во главе с замечательным геологом П.И. Полевым.

...Тем не менее наш сегодняшний выбор пал на Константина Генриховича Войновского-Кригера, геолога и организатора милостью Божьей, придавшего геологической работе в регионе жестко системную и углубленную научную направленность, чьи почти тридцатилетние исследования и фундаментальные труды и сегодня составляют основу геологического фундамента. И хотя попал он в Воркуту с пятилетним “опозданием”, начав старшим геологом рудника Воркута в августе 1936 года (после работы на открытом им Еджид-Кыртинском угольном месторождении), но масштабность его организаторской, производственной и научной деятельности была такой яркой, что на язык так и просится: “Вначале был К.Г. Войновский-Кригер...”

Ни один геолог, выбравший местом судьбы Печорский бассейн и Полярный Урал, не пройдет мимо этого имени, будет ошеломлен прозорливостью и современностью его работ, той их простотой, которая дается даром, знанием, опытом, требовательностью личности.

К.Г. Войновский-Кригер был представителем той плеяды геологов, которая почти исчезла из нашего времени, но помнится по книгам, когда универсальность, замешанная на родовой интеллигентности, глубочайших знаниях, дает результат высочайшей пробы, независимо от района исследований» [87, с. 2].

Читателям газеты была предложена анкета с тремя вопросами:

1. К.Г. Войновский-Кригер в Вашей судьбе.
2. Роль К.Г. Войновского-Кригера в становлении геологической мысли региона.
3. Пути увековечения памяти исследователя.

Вот ответы некоторых его коллег, ветеранов геологической службы Заполярья.

Б.Я. Дембовский: 1. Большую часть своей сознательной жизни я трудился над тем, чтобы доказать правильность взглядов К.Г. Войновского-Кригера на геологическое строение Полярного Урала, распространить их на соседние территории. Считаю себя в определенной степени интерпретатором учения К.Г. Войновского-Кригера.

2. Основополагающая.

3. Первое – издание его трудов. (...) Работы К.Г. не потеряли своей актуальности и сегодня, однако они разбросаны по различным журнальным изданиям и трудно поддаются ознакомлению, особенно для молодого поколения исследователей. Второе – присвоение Геологическому музею объединения “Полярноуралгеология” имени К.Г. Войновского-Кригера. Третье – проведение ежегодных (в конце года по его результатам) “Кригеровских” чтений. Четвертое – учредить премию имени К.Г. Войновского-Кригера, которая должна ежегодно вручаться геологу или коллективу геологов за наиболее выдающиеся достижения в геологии за истекший год по объединению “Полярноуралгеология”.

Л.Н. Беляков: 1. То, что в геологической службе Воркуты работал К.Г. Войновский-Кригер, в значительной мере определило лицо учреждения, высокие профессиональные требования к проводимым работам, – все это было отнюдь не провинциальным. Это было одним из обстоятельств, почему я остался на работе в Воркуте после освобождения. Геологическая служба “была интересной”.

2. Роль Константина Генриховича была весьма значительной. Наряду с ним у истоков геологии Полярного Урала и Краевого прогиба стояли такие крупные геологи, как Г.П. Софронов, О.Л. Эйно́р и В.В. Погоревич, но основными идеями по истории развития региона были идеи Константина Генриховича.

3. На Руднике главную улицу именовать улицей Войновского.

И.Б. Гранович: 1. Немногие рабочие встречи и беседы позволили мне глубоко уважать К.Г. Войновского-Кригера не только за целеустремленность в работе, высочайший профессионализм, но и, главным образом, за пронизывающую все его поведение и взаимоотношения с людьми интеллигентность, умение найти в собеседнике, коллеге какую-то творческую струну и помочь ей зазвучать в полный голос.

Недаром Константин Генрихович стоял у истоков развития целого ряда новых направлений геологии нашего региона и являлся как бы “крестным отцом” многих известных впоследствии исследователей. Он начал поиски фаунистических реперов и дал жизнь палеонтологии в бассейне. Его научные идеи и практическая помощь позволили расцвести известным и талантливым геологам В.В. Погоревичу и Г.М. Ярославцеву. С его именем связано начало развития таких важных направлений, как гидрогеологические исследования, скважинная геофизика, развитие лабораторной службы. Можно сказать, что для меня в начальный период моей работы он представлял образец высококультурного профессионала и создателя творческой атмосферы для окружающих его людей, и я благодарен ему за уроки работы и жизни, полученные за не очень, к сожалению, продолжительное время работы рядом с ним.

2. Думаю, что все, кто знает труды К.Г. Войновского и тем более знал его самого, скажут, что его роль в становлении геологической мысли региона исключительна.

Его смелые геологические представления о наличии двух комплексов палеозоя и развитии покровных структур на Полярном Урале далеко опередили его время, и значение его открытий практически лишь раскрывается в наши дни.

3. В наш век постоянных переименований считал бы необходимым иметь мемориальную доску на одном из зданий, где он работал на Руднике, а также присвоить его имя одной из наиболее значительных вершин Полярного Урала⁸⁰.

15 декабря 1994 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Константина Генриховича Войновского-Кригера. В этот день прошли торжественные заседания в Сыктывкаре, Алма-Ате и Москве.

Научная конференция в Сыктывкаре “К.Г. Войновский-Кригер – выдающийся исследователь геологии Республики Коми” была организована объединением “Полярноуралгеология” и Институтом геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. Участники конференции заслушали 9 докладов ведущих геологов Печорского угольного бассейна, знавших Константина Генриховича и подробно рассказавших о его многогранной работе в Заполярье. Совместными усилиями этих двух организаций вышла в свет первая монография о Войновском-Кригере [91].

В Казахском Национальном техническом университете (бывший Политехнический институт), где до последнего дня своей жизни трудился Константин Генрихович, состоялись Кригеровские чтения “Константин Генрихович Войновский-Кригер – видный ученый и педагог: К 100-летию со дня рождения”. На них с обстоятельным докладом выступил заведующий кафедрой геологической съемки и поисков месторождений полезных ископаемых кандидат геолого-минералогических наук, доцент КазНТУ Байчигасов И.Б.: “...сегодня мы отдаем дань глубокого уважения светлой памяти профессора Константина Генриховича Войновского-Кригера, занимающего достойное место среди ученых Университета, которые внесли большой вклад в его развитие и в дело подготовки молодых специалистов для Республики Казахстан. В нашей памяти Константин Генрихович остался человеком редкой душевной красоты, безгранично влюбленным в романтику геологии” [82].

В Москве 100-летний юбилей Войновского-Кригера был торжественно отмечен научной общественностью на совместном заседании Палеонтологического института РАН и Московского общества испытателей природы. Заседание проходило под председательством акад. Б.С. Соколова, который выступил с докладом, посвященным Константину Генриховичу.

В 1999 г. 105-летний юбилей Войновского-Кригера совпал с празднованием 300-летия геологической службы России. Газета “Геолог Севера” 14 декабря 1999 г. опубликовала ряд статей об ученом [88, 97]. Га-

⁸⁰ Геолог Севера. 1991. 28 февр.

зета сообщала о том, что в ознаменование 300-летия геологической службы России генеральный директор ОАО “Полярноуралгеология” Н.Н Герасимов в конце сентября 1999 г. своим приказом учредил именную стипендию имени К.Г. Войновского-Кригера. Отмечалось, что трудами нескольких поколений геологов в Республике Коми создана мощная минерально-сырьевая база, включающая уголь, нефть, титан, бокситы, золото, марганец, бариты и другие полезные ископаемые. За каждым открытием стоят судьбы многих известных и безымянных геологов. Дальнейшие перспективы развития региона, сохранение глубоких поисковых традиций, геологических школ целиком зависят от подготовки молодого поколения геологов, съемщиков, поисковиков, рудников, выбирающих данную профессию, приходящих в науку и производство, перенимающих опыт у более старших поколений.

Теперь, начиная с III курса, студенты кафедры геологии Сыктывкарского государственного университета имеют возможность получать именную стипендию имени Константина Генриховича Войновского-Кригера в размере трех минимальных зарплат.

В целях увековечения памяти ученого Геологическому музею объединения “Полярноуралгеология” в 2000 г. было присвоено имя К.Г. Войновского-Кригера.

Так в памяти людей продолжается жизнь Константина Генриховича Войновского-Кригера, замечательного ученого, педагога и человека.

Основные даты жизни и деятельности К.Г. Войновского-Кригера

- 1894, 2(15) декабря – родился в Вильно (Вильнюс).
- 1913 – окончил гимназию (Владивосток) и поступил в Институт инженеров путей сообщения Александра I (Петербург).
- 1916 – мобилизован в армию, окончил школу прапорщиков инженерных войск, отправлен на германский фронт.
- 1918–1921 – участие в гражданской войне, работа в военных и партийных органах на Дальнем Востоке.
- 1921 – переехал в Петроград.
- 1923 – поступил в Петроградский горный институт.
- 1924 – геологическая практика на Южном Урале (коллектор) под руководством Д.В. Наливкина; работа в Геолкоме ВСНХ (научный сотрудник).
- 1925 – геологическая практика на Сахалине под руководством А.Н. Криштофовича и П.И. Полевого.
- 1926, 1927, 1928 – летняя геологическая съемка в Восточном Забайкалье (начальник партии) под общим руководством М.М. Теляева.
- 1927 – окончил Ленинградский (ранее Петроградский) горный институт.
- 1928– 1929 – командирован Геолкомом в Германию, Бельгию и Францию для изучения ископаемых кораллов в музейных коллекциях этих стран.
- 1929 – арестован и осужден Коллегией ОГПУ по ст. 58, п. 4 на 10 лет лишения свободы.
- 1930 – прибыл в Ухтинскую экспедицию ОГПУ (с 1931 г. – Ухтпечлаг); зачислен старшим геологом.
- 1931 – открыл Еджид-Кыртинское угольное месторождение (Средняя Печора).
- 1932 – за открытие Еджид-Кыртинского угольного месторождения досрочно освобожден, но оставлен на Севере в качестве колонизованного.
- 1936 – переведен на рудник Воркута в качестве старшего геолога 1-го отделения Воркутпечлага НКВД.
- 1937 – начал планомерную съемку восточной окраины Печорского угольного бассейна на западном склоне Полярного Урала.
- 1938–1940 – начальник Геологоразведочного отдела (ГРО) Воркутпечлостроя НКВД.
- 1941 – награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.
- 1941–1951 – руководитель научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления (ГРУ) комбината “Воркутауголь”.

- 1943 – защитил кандидатскую диссертацию на тему “Геологические исследования в бассейнах рек Ельца, Сарт-Ю и Кечь-Пеля (Полярный Урал)”.
- 1944 – вышла в свет монография “Угленосная площадь среднего течения реки Печоры”.
- присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР”.
- 1945 – опубликована основополагающая работа “Два комплекса палеозоя на западном склоне Полярного Урала”.
- награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”
- 1947 – награжден нагрудным знаком “За освоение Печорского бассейна”.
- создана коллективная монография “Геология Печорского угленосного бассейна и Полярного Урала (1931–1947 гг.)” (хранится в фондах объединения “Полярноуралгеология”).
- 1948 – награжден орденом “Знак Почета” и орденом Красной Звезды.
- 1951 – начальник Лемвинской партии ГРУ комбината “Воркутауголь”.
- 1952 – начальник Елецкой партии ГРУ комбината “Воркутауголь”.
- 1953 – снята судимость Указом от 27 марта 1953 г.
- 1953–1956 – главный инженер комплексной экспедиции “Печоруглегеология”.
- 1955 – защитил докторскую диссертацию на тему “Стратиграфия и тектоника западного склона Полярного Урала”.
- 1956 – переехал с семьей в Алма-Ату.
- 1956–1979 – профессор Казахского политехнического (ранее – горно-металлургического) института.
- 1960 – участвовал в работе XXI сессии Международного геологического конгресса; выступил с докладом “Палеогеография карбона СССР”.
- 1965 – участвовал в работе Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона.
- 1967 – избран почетным членом Всесоюзного палеонтологического общества.
- 1968 – награжден орденом Красной Звезды.
- 1971 – Участвовал в работе I Международного симпозиума по изучению ископаемых кораллов (Новосибирск).
- 1979, 2 марта – скончался и похоронен в Алма-Ате.

Библиография научных трудов К.Г. Войновского-Кригера*

1927

1. Находки среднего палеозоя и морского мезозоя в бассейне р. Газимур в Восточном Забайкалье // Вестн. Геол. ком. – 1927. – Т. 2, № 2. – С. 4–5.
2. Месторождение плавикового шпата на р. Солнечной в Сретенском округе // Там же. – С. 18–19.
3. Геологическое строение местности в районе селения Усть-Кара на р. Шилке // Вестн. Геол. ком. – 1927. – Т. 2, № 6. – С. 4–5. – Соавт.: Лисовский А.Л.
4. Zur Morphologie der Tetrakorallen (Rugosa) // Ежегодник Рус. палеонтол. о-ва. – 1927. – Т. 7. – С. 99–104.

1928

5. Обнаружение в Забайкалье морского триаса // Вестн. Геол. ком. – 1928. – Т. 3, № 7. – С. 1–5.
6. К морфологии кораллов группы ругоза // Вестн. Геол. ком. – 1928. – Т. 4, № 7. – С. 80.

1930

7. Zur Kenntnis des inneren Baues der Korallen Rugosa (Eine Kritik der Theorie des Septalkegel) // Изв. АН СССР. 7 сер. – 1930. № 4. – С. 311–330.

1931

8. Геологические исследования в бассейнах рек Талман-Борзи и Урулюнгуля в Восточном Забайкалье // Тр. Гл. геол.-развед. упр. – 1931. – Вып. 37. – С. 97–128.

1933

9. Еджид-Кыртинское месторождение // Недра Сов. Севера. – 1933. – № 1. – С. 35–40.

1934

10. Нижнекаменноугольные кораллы из окрестностей Архангельского завода на западном склоне Южного Урала // Тр. Всесоюз. геол.-развед. об-ния НКТП СССР. – 1934. – Вып. 107. – С. 3–45.

1936

11. Способ определения падения и простираания пород при помощи наклонных буровых скважин: Ч. 1 // Пробл. сов. геологии. – 1936. – № 8. – С. 727–735.
12. То же: Ч. 2 // Пробл. сов. геологии. – 1936. – № 10. – С. 908–916.

* В основу списка положен перечень трудов К.Г. Войновского-Кригера, опубликованный в кн.: *Елисеев А.И., Герасимов Н.Н., Дембовский Б.Я.* Константин Генрихович Войновский-Кригер. Сыктывкар: Ин-т геологии Коми науч. центра УрО РАН, 1994. 65 с. Авторами сделаны дополнения.

1941

13. К методике определения производительности водоносных горизонтов при их суммарном опробовании // Разведка недр. – 1941. – № 1. – С. 20–25.

1944

14. Геология Воркутинского каменноугольного месторождения в свете работ последних лет и перспективы северо-восточной части Большеземельской тундры // Материалы I Геологической конференции Коми АССР. – Сыктывкар, 1944. – С. 99–107.
15. Угленосная площадь среднего течения р. Печоры. – М.; Л.: Госгеолиздат, 1944. – 64 с. – (Тр. Сев. геол. упр.; Вып. 10).
16. Геологическое строение нижней части бассейна р. Большой Кожвы – левый приток р. Печоры. – М.; Л.: Госгеолиздат, 1944. – 32 с. – (Тр. Сев. геол. упр.; Вып. 11).

1945

17. Два комплекса палеозоя на западном склоне Полярного Урала // Сов. геология. – 1945. – Сб. 6. – С. 27–44.
18. О значении проблематических окаменелостей и о необходимости их сбора и изучения // Ежегодник Всесоюз. палеонтол. о-ва. – 1945. – Т. 12. – С. 145–147.

1946

19. К характеристике нижнепермских отложений бассейна р. Шугор (Печора) // Докл. АН СССР. – 1946. – Т. 52, № 3. – С. 243–245.

1947

20. Вопросы структуры Печорского угленосного бассейна и задачи перспективных исследований // Материалы II Геологической конференции Коми АССР. – Сыктывкар, 1947. – С. 30–49.
21. Кечь-Пельская свита пермских отложений на западном склоне Полярного Урала // Там же. – С. 98–108.
22. Некоторые вопросы структуры Печорского угленосного бассейна // Тр. Ин-та геол. наук. – 1947. – Вып. 90. – Угол. сер., № 2. – С. 103–107.
23. Опыт определения степени сокращения при диагенезе некоторых нижнепермских алевролитов // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1947. – № 2. – 142–144. – Соавт.: Погоревич В.В.
24. Геологические исследования в бассейне рек Ельца, Сарт-Ю и Кечь-Пеля: (Аннотация) // Изв. Гл. упр. геол. фондов. – 1947. – Вып. 4. – С. 3.
25. Верховья р. Лемвы и ее притоки Пага и Харута на Полярном Урале: (Аннотация) // Там же. – С. 3–4. – Соавт.: Сулимов И.Н.
26. Геологическое строение южной части бассейна р. Лемвы / Полярный Урал.: (Аннотация) // Там же. – С. 4–5.
27. О возможных перспективах северо-восточной части Печорской угленосной площади и о путях к освещению ее геологического строения: (Аннотация) // Там же. – С. 74.

1948

28. Основные черты геотектонического развития Печорского угленосного бассейна // Материалы III Геологической конференции Коми АССР. – Сыктывкар, 1948. – С. 30–50.
29. Стратиграфия нижнепермских отложений Воркутского угленосного района // Сов. геология. – 1948. – Сб. 33. – С. 7–30. – Соавт.: Погоревич В.В., Эй-нор О.Л.

30. Кливаж в меловых отложениях бассейна р. Лемвы (Полярный Урал) // Там же. – С. 60–71.
31. Некоторые соображения об изоклинальной складчатости // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1948. – Т. 23, вып. 6. – С. 69–77.

1949

32. О ширине углеобразующей зоны // Сов. геология. – 1949. – Сб. 38. – С. 24–31.
33. Оригинальная *Michelinia* из Турнейских отложений бассейна р. Печоры // Ежегодник Всесоюз. палеонтол. о-ва. – 1949. – Т. 13. – С. 99–100.

1954

34. О динамике развития септального аппарата в онтогенезе четырехлучевых кораллов // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1954. – Т. 29, вып. 5. – С. 51–64.

1955

35. Елецкая экскурсия // Геологическое совещание по Печорскому бассейну: Путеводитель геол. экскурсий. – Сыктывкар, 1955. – С. 3–13.
36. О терминах “поднятие” и “прогиб” // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1955. – Т. 30, вып. 4. – С. 9–25.
37. Итоги работ на западном склоне Полярного Урала и общие вопросы его структуры // Материалы совещания по итогам геологических и геологоразведочных работ, проведенных различными организациями на территории Коми АССР за период 1948–1953 гг. – Сыктывкар, 1955. – С. 48–52.
38. Новые данные по стратиграфии и тектонике Печорского угольного бассейна // Там же. – С. 205–217.
39. Краткий геоморфологический очерк территории Лемвинской фациально-структурной зоны на западном склоне Полярного Урала // Там же. – С. 226–236.

1956

40. О тектонической структуре и основных этапах геотектонического развития Печорского угольного бассейна // Тр. Лаб. геологии угля АН СССР. – 1956. – Вып. 6. – С. 412–423.
41. Об устойчивости в геологическом прошлом фациальных обстановок и их границ // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1956. – № 2. – С. 3–12.
42. Силур и девон западного склона Полярного и Приполярного Урала // Совещание по унификации стратиграфических схем Урала и соотношению древних свит Урала и Русской платформы, Свердловск, 13–18 февр. 1956 г.: Тез. докл. – Л., 1956. – С. 62–64.
43. Карбон западного склона Полярного и Приполярного Урала // Там же. – С. 79–80.
44. О возникновении в онтогенезе кораллов *Syathoclisia coniseptum* (Keys.) структуры типа *Capinia* (верхнее турне Среднего Урала) // Ежегодник Всесоюз. палеонтол. о-ва. – 1956. – Т. 15. – С. 69–81.

1958

45. О геотектоническом развитии Печорского угольного бассейна // Труды геологического совещания, посвященного 25-летию геологического изучения Печорского угольного бассейна. – Сыктывкар, 1958. – С. 59–70.

1959

46. К вопросу о тектоническом сближении фаций // Докл. АН СССР. – 1959. – Т. 124, № 4. – С. 890–892.

1960

47. Ордовик Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1960. – Т. 35, вып. 3. – С. 51–68.
48. Палеогеография карбона СССР // Региональная палеогеография. – М., 1960. – С. 33–42. – (Междунар. геол. конгр., XXI сес.: Докл. сов. геологов; Пробл. 12). – Совм. с др.
49. В поисках новых методов проверки знаний. Нужны ли экзаменационные сессии? // Вестн. высш. шк. – 1960. – № 2. – Соавт.: Бок И.И., Кушев Г.Г.

1961

50. Силур Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1961. – Т. 36, вып. 3. – С. 38–56.
51. К вопросу о строении северной оконечности Приполярного Урала // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1961. – № 4. – С. 99–102.
52. Очерк палеозоогеографии кораллов карбона на территории СССР // Палеонтол. журн. – 1961. – № 2. – С. 3–7. – Соавт.: Василюк Н.П.

1962

53. Девонские отложения Лемвинской фациально-структурной зоны и прилегающих районов (западный склон Полярного Урала) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1962. – Т. 37, вып. 2. – С. 103–123.
54. Использование проблематических окаменелостей *Spirophyton* (*Taonurus*) для определения истинного или опрокинутого положения пластов // Значение биосферы в геологических процессах. Вопросы взаимосвязи палеонтологии и тектоники. – М., 1962. – С. 199–202. – (Тр. V и VI сес. Всесоюз. палеонтол. о-ва).

1963

55. Каменноугольные отложения Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1963. – Т. 37, вып. 2. – С. 56–77.
56. Объяснительная записка к “Геологической карте СССР” (Масштаб 1:200 000). Серия Северо-Уральская. Л. 0-41-10. – М.: Госгеолтехиздат, 1963. – 96 с. – Соавт.: Гессе В.Н., Евсеев К.П.

1964

57. Биогеография территории Советского Союза в каменноугольном периоде // Вопросы закономерностей и форм развития органического мира. – М., 1964. – С. 195–209. – (Тр. VII сес. Всесоюз. палеонтол. о-ва). – Совм. с др.

1965

58. Особенности тектонического развития Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала) // Тр. Каз. политехн. ин-та. – 1965. – Сб. 25. – С. 80–91.

59. Распределение фаций палеозоя на периферии Лемвинской фациально-структурной зоны (Полярный Урал) // Там же. – С. 91–102.
60. О некоторых возможных результатах наложения друг на друга складчатости разного простираения // Там же. – С. 108–112.
61. Основные черты палеозоогеографии СССР в каменноугольном периоде // Геология угленосных формаций и стратиграфия карбона СССР. – М., 1965. – С. 286–292. – (Междунар. конгр. по стратиграфии и геологии карбона, V сес.).
62. О некоторых результатах применения биометрии при изучении ругоз // Ругозы палеозоя СССР. – М., 1965. – С. 3–15. – (Тр. I Всесоюз. симпоз. по изуч. ископаемых кораллов СССР; Вып. 3).
63. Стратиграфия Печорского бассейна и сопредельных районов. Доордовикские образования (протерозой и кембрий) // Геология месторождений угля и горячий сланцев СССР. – М., 1965. – Т. 3. – С. 19–20. – Соавт.: Софронов Г.П.
64. Ордовикская система. Силурийская система // Там же. – С. 20–22. – Соавт.: Князев С.А.
65. Девонская система // Там же. – С. 22–23. – Соавт.: Тарбаев Б.И.
66. Атлас палеогеографических карт СССР. Каменноугольный период. – Киев: АН УССР, 1965. – Совм. с др.
67. Caracteres generaux de la biogeographie L'U.R.S.S. pendant la periode carbonifere // Bull. Soc. geol. Fr. – 1965. – Vol. 7. – P. 110–123. – En coll. avec aut.

1966

68. Очерк тектоники Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала): 1 // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1966. – Т. 41, вып. 4. – С. 5–29.
69. О некоторых спорных вопросах механизма складкообразования // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1966. – № 1. – С. 73–89.

1967

70. Очерк тектоники Лемвинской фациально-структурной зоны (западный склон Полярного Урала): 2 // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1967. – Т. 42, вып. 3. – С. 5–26.

1968

71. Складки ламинарного течения в динамометаморфизованных породах среднего палеозоя Успенской зоны смятия (Центральный Казахстан) // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1968. – № 2. – С. 76–84. – Соавт.: Паталаха Е.И.

1970

72. О петельчатой структуре известняков из ордовика и силура западного склона Полярного Урала // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1970. – Т. 45, вып. 4. – С. 40–45.
73. Вере Александровне Варсанюфьевой // Там же. – С. 16–17.

1971

74. Явление завивания у ругоз // Ругозы и строматопороидеи палеозоя СССР. – М., 1971. – С. 16–18. – (Тр. II Всесоюз. симпоз. по изуч. ископаемых кораллов СССР; Вып. 2).

75. Изменчивость кораллов *Syathoclisia coniseptum* (Keys.) из турнейских отложений западного склона Урала // Там же. – С. 42–45.
76. Новый вид *Syathoclisia* из турне Урала // Там же. – С. 93–98.

1974

77. Продольная ребристость внешней поверхности ругоз как источник информации о внутреннем строении полипняка // Древние *Spidaria*: [Тр. Междунар. палеонтол. симпоз. по изуч. ископаемых кораллов, Новосибирск, 18–25 авг. 1971 г.] / Под. ред. Б.С. Соколова. – Новосибирск, 1974. – Т. 1. – С. 144–150. – (Тр. Ин-та геологии и геофизики СО АН СССР; Вып. 201).

1976

78. О некоторых возможных результатах наложения друг на друга складчатости разного простирания // Геология. – 1976. – Вып. 2. – С. 3–38.

1980

79. О направлении завивания у ругоз // Кораллы и рифы фанерозоя СССР. – М., 1980. – С. 98–100. – (Тр. IV Всесоюз. симпоз. по изуч. ископаемых кораллов СССР).

Литература о жизни и деятельности К.Г. Войновского-Кригера

80. *Азербает Н.А., Гуламов М.Р., Ившин Н.К.* Константин Генрихович Войновский-Кригер: Памяти ученого // Изв. АН КазССР. Сер. геол. – 1985. – № 4. – С. 93–94.
81. *Афанасьев Б.Л.* Профессор К.Г. Войновский-Кригер // Заполярье. – 1964. – 14 марта.
82. *Байчигасов И.Б.* Памяти ученого и педагога // Вестн. Каз. Нац. техн. ун-та. – 1995. – № 1.
83. *Войновский-Кригер К.Г.* Автобиография // Геолог Севера. – 1991. – 28 февр.
84. *Войновский-Кригер К.Г.* Воспоминания геолога // За инж. кадры. – 1966. – № 12–14.
85. *Войновский-Кригер К.Г.* Нас водила молодость // Идущие впереди. – Сыктывкар, 1987. – С. 27–29.
86. *Галкин А.И., Крочик М.Н., Потолоцын В.П. и др.* Войновский-Кригер Константин Генрихович // Репрессированные геологи. – 3-е изд. – М.; СПб., 1999. – С. 73.
87. *Герасимов Н.* Геолог, исследователь, ученый // Геолог Севера. – 1991. – 28 февр.
88. *Дембовский Б.Я.* Основоположник геологии Полярного Урала // Геолог Севера. – 1999. – 14 дек.
89. *Елисеев А.И.* К.Г. Войновский-Кригер – выдающийся исследователь геологии Печорского бассейна и Полярного Урала // Научные экспедиции и исследования Коми края: Тез. докл. V науч. краевед. конф. Респ. Коми. – Сыктывкар, 1993. – С. 62–64.
90. *Елисеев А.И.* К.Г. Войновский-Кригер – выдающийся исследователь геологии севера Урала // История геологических исследований на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1991. – С. 108–110. – (Тр. семинара “История

геологических исследований и поисков минерального сырья на Европейском Северо-Востоке”).

91. *Елисеев А.И., Герасимов Н.Н., Дембовский Б.Я.* Константин Генрихович Войновский-Кригер. – Сыктывкар: Ин-т геологии Коми науч. центра УрО РАН, 1994. – 65 с.
92. Константин Генрихович Войновский-Кригер // Идущие впереди. – Сыктывкар, 1987. – С. 60.
93. Константин Генрихович Войновский-Кригер // Исследователи Коми Края. – Сыктывкар, 1984. – С. 20–21.
94. Константин Генрихович Войновский-Кригер: Потери науки // Изв. АН КазССР. – 1979. – № 3. – С. 89–90.
95. *Крочик М.Н.* К.Г. Войновский-Кригер // Геолог Севера. – 1991. – 28 февр.
96. *Крочик М.Н.* К.Г. Войновский-Кригер // Заполярье. – 1994. – 6 дек.
97. *Крочик М.Н.* Как один день // Геолог Севера. – 1999. – 14 дек.
98. *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* У истоков геологической службы Заполярья // Отеч. геология. – 2000. – № 3. – С. 75–79.
99. *Соколов Б.С.* К.Г. Войновский-Кригер // Геолог Севера. – 1995. – 25 янв.
100. *Соколов Б.С., Меннер В.В., Македонов А.В., Корень Т.Н.* Константин Генрихович Войновский-Кригер: (К 90-летию со дня рождения) // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1985. – Т. 60, вып. 6. – С. 125–127.
101. *Эйнояр О.Л., Муратов М.В., Пермякова А.И. и др.* Константин Генрихович Войновский-Кригер: Потери науки // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1980. – Т. 55, вып. 4. – С. 128–131.
102. *Chilingar G.V.* About dynamics of septal development in tetracorals during ontogeny by K.G. Voynovskiy-Krigrer // J. Palaeontol. – 1956. – Vol. 30, N 2. – P. 406–411.

Дополнительная литература

103. *Маркова Е.В.* Кто “делал” науку в Воркутлагге? // Посев. – 1997. – № 4. – С. 40–42.
104. *Маркова Е.В., Родный А.Н.* Наука Воркутлага как феномен тоталитарного государства // Вопр. истории естествознания и техники. – 1998. – № 3. – С. 60–77.
105. *Маркова Е.В., Родный А.Н.* Наука за колючей проволокой: Воркутлаг в 1930–1950 гг. // Годичная научная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. – М., 1997. – Ч. 1. – С. 83–91.
106. *Маркова Е.В., Родный А.Н.* Роль репрессированных ученых и инженеров в освоении Печорского угольного бассейна // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 1998. – № 3. – С. 47–60.
107. *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Стране помогали ...враги народа // Покаяние. Коми республиканской мартиролог жертв массовых политических репрессий. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2, ч. 1. – С. 13–148.
108. *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Судьбы интеллигенции в Воркутинских лагерях, 1930–1950-е гг. // Новая и новейшая история. – 1999. – № 5. – С. 52–78.
109. *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Ученые – узники Печорских лагерей ГУЛАГа // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1. – С. 19–46.
110. Репрессированные геологи / Гл. ред. В.П. Орлов; Отв. ред. Л.П. Беляков, Е.М. Заболоцкий. – 3-е изд. – М.; СПб., 1999. – 452 с.

Приложение

Войновский-Кригер сам о себе. Автобиография [83]

Моя фамилия – Войновский-Кригер, Константин Генрихович. Фамилии я не менял, но, работая во Владивостоке в 1920–1921 гг. на партийной работе, ввиду полуподпольного положения парторганизации пользовался партийной кличкой “Воробьев”.

Родился 2(15) декабря 1894 г. в г. Вильно, ныне Литовская ССР. По национальности – русский, поданный СССР. В другом подданстве не состоял никогда. Окончил гимназию во Владивостоке, до III курса учился в Институте путей сообщения (1913–1916; 1921–1922 гг.); окончил Ленинградский горный институт в 1927 г.

В 1916 г. окончил в Петербурге школу прапорщиков инженерных войск. В старой армии служил с весны 1916 г. до конца 1917 г., сначала – вольноопределяющимся в 6-м запасном саперном батальоне, затем до 1 января 1917 г. – в школе прапорщиков и в 1917 г. – на германском фронте в 3-м Заамурском железнодорожном батальоне, начальником подрывной команды, в чине прапорщика.

В белой армии не служил, жил во Владивостоке во время “Сибирского правительства” и затем Колчака в 1918–1920 гг. Работал в то время делопроизводителем Приморской области Земской управы. Это может подтвердить моя жена и все члены ее семьи, в которой я в то время жил.

Служил в Красной гвардии во Владивостоке весной 1918 г. инструктором по подрывному делу, в отряде Дрогашевского. Работал начальником политотдела военного совета Приморской области с февраля по апрель 1920 г. О последней работе сохранились документы.

В революционном движении принял небольшое участие еще до революции, работал в Петербурге в студенческих революционных кружках антивоенного направления (сохранились некоторые материалы – распространявшийся на гектографе журнал “За Интернационал” и др.).

После Октябрьской революции, приехав с фронта во Владивосток, работал в 1918 и 1920–1921 гг. в ряде военных и партийных организациях (некоторые документы сохранились). В ВКП(б) состоял с 1918 по 1929 г., выбыл вследствие ареста и осуждения. В антипартийных группировках участия не принимал, ни с кем связан не был.

С 1918 г. во Владивостоке состоял в партии РСДРП (интернационалистов) до слияния этой партии с РКП(б) по постановлению ЦК ВКП(б) (с сохранением стажа).

Женат в первый раз, имею одну дочь 14 лет, Ксению Константиновну Войновскую-Кригер.

Был осужден Коллегией ОГПУ в 1929 г. осенью в г. Ленинграде, по статье 58-4 на срок 10 лет.

Работал, кроме службы, в старой армии: с января по июнь 1918 г. – секретарем Военного комиссариата крепости Владивосток, с осени 1918 г. по январь 1920 г. – делопроизводителем Областной земской управы во Владивостоке; с февраля по апрель 1920 г. – начальником политотдела военного совета Приморской области, с осени 1920 г. по март 1921 г. – членом Приморского областного комитета ВКП(б) во Владивостоке. С апреля по август 1921 г. – зав. отде-

лом печати Дальбюро ЦК ВКП(б) в г. Чите. С мая 1922 г. по сентябрь 1923 г. – секретарем правления Сев. Зап. отделения Центросоюза в Ленинграде. С мая 1924 г. по ноябрь 1929 г. – научным сотрудником, затем – геологом Геологического комитета ВСНХ в г. Ленинграде.

С ноября 1932 г. – старшим геологом рудника Еджид-Кырта Троицко-Печорского района Коми АССР. С августа 1936 г. по февраль 1937 г. – старшим геологом рудника Воркута Ненецкого нац. округа, с февраля 1937 по август 1938 г. – старшим геологом I Отделения Воркутпечлага НКВД в Усть-Усе Печорского округа Коми АССР, с августа 1938 г. по февраль 1940 г. – начальником Геологоразведочного отдела Воркутпечстроя НКВД, с февраля 1940 г. – старшим геологом Воркутстроя и зам. нач. геологоразведочного отдела.

На выборной работе – лишь в 1920–1921 гг. – членом обл. ком. партии Приморской области и в 1928 г. – членом Василеостровского районного совета РК и КД в г. Ленинграде.

Читаю со словарем на немецком и французском языках. Знаю Ленинград и Печору.

За границей был 3 месяца – с декабря 1928 г. по март 1929 г. – в Германии, Бельгии и Франции, в научной командировке по палеонтологии от Геологического комитета.

Фамилия моей жены – Войновская-Кригер Ирина Александровна. Родилась в г. Либаве (ныне Латвийская ССР) 13 февраля 1901 г. До замужества носила фамилию Федорова. По национальности – русская. Подданство СССР. Моя мать – Войновская-Кригер Евгения Константиновна (урожд. Тржасковская) родилась в 1870 г. в с. Меджибож, около Каменец-Подольска, ныне живет в г. Малоярославце Московской обл., улица Разина, 5, домашняя хозяйка. Отец – Войновский-Кригер Генрих Брониславович, умер в 1918 г.⁸¹ в возрасте 52 года, проживал в г. Ленинграде, Ковенский пер., д. 4, кв. 7, работал в Военно-инженерном управлении РККА (умер в г. Луге, куда выехал больным).

Отец – сын врача, мать – дочь офицера-кавалериста, имущества, кроме мебели, книг, одежды и т.д., не имели, наемной силой, кроме домработниц, не пользовались. Родители – русские граждане и подданные СССР. На территории, занятой белыми, не проживали. Отец мой имел ряд орденов – Анны, Станислава и т.п., которые давались за выслугу лет. Особых наград не получал. Под судом и следствием родители не были, также и родители моей жены.

За границей в эмиграции в Германии находится мой двоюродный брат, Сергей Эдуардович Войновский-Кригер; эмигрировал он в 1918 г. с Кавказа, с родителями, при наступлении на Кавказ Красной Армии. Я видел его в 1928 г. в Берлине. Он инженер-строитель, где находится сейчас – не знаю, связи с ним не поддерживаю.

Воркута, 18 ноября 1940 г.

В дополнение к моей автобиографии сообщаю, что за границей я был в командировке по палеонтологии (научная командировка) от Геологического комитета ВСНХ.

Воспоминания о К.Г. Войновском-Кригере его учеников, коллег и близких О родителях вспоминает их дочь

Я – Войновская Ксения Константиновна, дочь Константина Генриховича Войновского-Кригера, с волнением и радостью приняла предложение о моем участии в написании книги о папе.

⁸¹ Здесь допущена неточность: Генрих Брониславович скончался в 1920 г.

Это чувство возникло от возможности вновь вспомнить жизнь папы и мамы (Ирины Александровны Войновской-Кригер). Это именно так, ибо они неразделимы в нашей памяти, как неразделима была их жизнь (55 лет вместе). Эта жизнь сродни подвигу, легенде.

Константин Генрихович и Ирина Александровна родные друг другу – они были двоюродными братом и сестрой. Жизнь их проходила в детстве в одной большой, дружной, удивительной семье. Эта семья была единением двух начал: семьи Войновских-Кригеров и семьи Федоровых. Мама Ирины Александровны, Изабелла Брониславовна, – родная сестра отца Константина Генриховича. Федорова она по фамилии мужа Александра Львовича. Можно сказать, что эти две семьи если и не всегда жили рядом, то жили все равно постоянной заботой друг о друге.

Когда Константин Генрихович уехал из Владивостока и стал студентом Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, он так написал на обороте своей студенческой фотографии (28.09.1913), посланной Федоровым во Владивосток: “Бесконечно далеким по расстоянию, но бесконечно близким по сердцу от Коти Кригера”.

Нам, младшим Войновским (мне и двум моим сыновьям), судьба подарила счастье родиться в этой удивительной семье потомственных интеллигентов, и все эти годы жизни в этой большой семье нас объединяли чуткость, постоянный интерес друг к другу и забота друг о друге. (Я бы не побоялась этой фразы – единение душ и сердец.) Это единение существовало во все сложные времена, наполненные радостными и трудными событиями в этой большой жизни.

В 1925 г. мои родители стали мужем и женой. С этого момента они практически не расставались и были рядом почти всегда. Мама сопровождала папу в экспедициях (Забайкалье) и также когда судьба забросила папу в суровые северные края.

В 1930 г. она, оставив меня, трехлетнюю девочку, у бабушек в Ленинграде, поехала за папой, чтобы быть если не рядом, то хотя бы поближе к нему (Ухта, Печора, деревня Щугор). В 1933 г. мы с мамой (мне было 7 лет) пароходом приехали к папе в Еджид-Кырту. С этого времени началась для нас жизнь вместе на Севере (Еджид-Кырта, Усть-Уса). Вспоминаются маленькие, утопающие в снегу проселочки, где было холодно зимой, но так тепло от людских сердец, живущих с нами рядом! Я помню нашу маленькую семью всегда в окружении удивительных людей, также согретых теплом сердец моих родителей.

Потом была Воркута, и вновь наша семья окружена доброжелательными и интеллигентными людьми. Я покинула Воркуту в 18 лет в далеком военном 1944 г., уехала в Москву учиться и работать. И все последующие 12 лет мама и папа постоянно и чутко помогали мне советом, поддерживали во все трудные для меня дни последнего военного года и тогда, когда университет был уже позади.

Папа увлек меня своей любовью и истинным интересом к науке, и это помогло выбрать мне свой путь, трудный и увлекательный.

В 1956 г. наша семья снова объединилась, но уже в Алма-Ате, куда папа переехал работать в Политехнический институт. Папа и мама обрели двухлетнего внука Андрюшу. Для Константина Генриховича Алма-Ата стала новой страницей его яркой жизни. В свои 62 года он начинает новую для себя жизнь – обучение студентов Политехнического института, и вновь для него это становится любимой и увлекательной работой. Сейчас, думая обо всем этом, я прихожу к выводу: если мы, младшие Войновские, успели сделать что-то важное в этой жизни, то это результат постоянного интереса, заботы и внимания к нам папы и мамы, их требовательной и постоянной любви, терпения и участия.

Вспоминает академик Борис Сергеевич Соколов [99].

Начальные 20-е гг. стали временем становления научных интересов Константина Генриховича как в области геологии, так и в области палеонтологии. В тогдашнем Петербурге это было время формирования совершенно новых идей в курсе исторической геологии акад. А.А. Борисяка, в которой палеонтология, палеофаунистика, учение о фациях, стратиграфия, палеогеография и закономерности движения земной коры выступали в синтезе единого эволюционного процесса. Этой магистралю в науках об истории Земли Константин Генрихович оставался верным всю жизнь.

Мне посчастливилось общаться с этим выдающимся человеком главным образом в последние десятилетия его жизни, но как палеонтолог я хорошо знал многие его опубликованные работы едва ли не со студенческих лет, когда я начал заниматься изучением палеозойских кораллов. Но здесь будут лишь мои беглые заметки, а не связная повесть.

Совершенно очевидно, что обращение к геологии было у Константина Генриховича не еще одной “игрой случая”, а шагом уже зрелого, хорошо подготовленного, образованного человека. В этом решительно убеждают уже первые его “опыты” в науке. В круг его палеонтологических интересов прежде всего попали тетракораллы (ругозы). Успехи были столь заметными, что Русское палеонтологическое общество сочло возможным на своем заседании 10 декабря 1926 г. избрать его (еще студента) в состав своих действительных членов; положение почетного члена он занял в 1967 г. “О турнейских кораллах Южного Урала” – такой была тема его вступительного научного доклада. Сколь серьезно обставлялся акт вступления в общество, я хорошо представляю по своему личному опыту, состоявшемуся уже десяток лет спустя. С тех пор и навсегда палеонтология кораллов и геология Урала вошли в число особых тем его научных интересов, хотя обстоятельства и увлечения заставляли его уходить и во многие другие области геологии, включая ее сугубо прикладные проблемы, в которых он легко ориентировался как горяк.

Первой же публикацией, посвященной морфологии тетракораллов [4, 6], суждено было стать классической. Вскоре такое же положение заняла изданная на немецком языке его критика теории септальных конусов Ведекинда [7]. В серии последующих оригинальных работ Константин Генрихович многократно обращался к теоретическим вопросам изучения ругоз и отчасти табулят (динамика развития септального аппарата в онтогенезе и эпитеке, изменчивость, юные и карликовые формы, некоторые вопросы биомеханики, биометрика). Он сформулировал целую программу дальнейших морфологических исследований структуры древних кораллов в своем итоговом докладе на Первом международном симпозиуме по изучению ископаемых кораллов в Новосибирске (1971). В эволюционно-морфологическом смысле эта программа сохранила свое значение и по сей день, хотя сейчас новые экологические, биоэкологические и некоторые прикладные проблемы начали приобретать первенствующее значение.

Двадцатые годы в истории нашей науки были удивительным временем еще “науки без границ”, с поразительными продвижениями по ряду направлений, в частности в науках о жизни. Хотя пропагандистские силы изоляционизма набирали силу, занавес еще не опустился. Было еще естественным для молодого ученого черпать знания и опыт не только у себя дома, но и в западных центрах просвещения. Для предмета научных занятий Константина Генриховича такими оказались палеонтологические музеи Бельгии и Германии, куда он и был командирован в 1928 г. Сколь подготовленным он оказался для такой поездки, например в Баварскую академию наук в Мюнхене, может свидетельствовать да-

же частный эпизод с попутной расшифровкой истинной природы одной из проблематичных окаменелостей палеонтологического музея, изучавшейся некогда Квенштедтом. Вопрос касался морских лилий, которыми Константин Генрихович никогда специально не занимался. Впрочем, для его любознательного ума этот эпизод имел и более общее следствие, затрагивающее вообще судьбу палеонтологических проблематик.

К.Г. Войновский-Кригер был первым, кто высказал Палеонтологическому обществу свои идеи о значении проблематичных окаменелостей и о необходимости их сбора и изучения. Его беспокойла начавшаяся с 1929 г., в связи с коренной перестройкой геологической службы СССР, узкая прикладная специализация палеонтологов по отдельным группам ископаемых, при которой за бортом внимания исследователей оказывались практически все проблематики, изучение которых требовало особого времени и более обширных знаний и которые вместе с тем могли иметь принципиальное значение для эволюционной палеонтологии. Загадочные, редкие и сомнительной природы ископаемые нуждались в специальном музейном хранении и самой широкой доступности для обозрения и изучения. Под влиянием именно этих идей уже в 30-х гг. было получено согласие акад. П.И. Степанова на открытие особого отдела палеонтологических проблематик в Центральном геологическом музее Геолкома в Ленинграде, а уже в наши дни (с 1981 г.) в Новосибирске (СО РАН) стали издаваться специальные сборники исследований по проблематикам всего фанерозоя.

Трудно сказать, как могла бы сложиться карьера Константина Генриховича как палеонтолога – столь успешно начавшаяся – после возвращения из командировки в Западную Европу, но не ему пришлось делать выбор в своей дальнейшей судьбе. Он попал во вторую волну “плановых” репрессий, последовавшую уже после сфабрикованного “Таганцевского дела”, но милость судьбы заключалась в том, что его не расстреляли, как Николая Гумилева, а использовали как подневольного профессионала-геолога, в каковых у режима была великая нужда, поскольку репрессивная индустриализация страны требовала создания мощной минерально-сырьевой базы. Можно даже сказать, что в той взбаламученной жизни многим геологам в известной мере “повезло”: бесчисленно униженным и оскорбленным, испытывавшим лишения и непонимавшим своей вины, им все же было разрешено заниматься своим профессиональным делом, которое нередко венчалось выдающимися открытиями. Так произошло и с геологом Войновским-Кригером, выполнившим ряд интереснейших работ в области геологии Печорского бассейна.

На Европейском Севере (Тимано-Печорский край и прилегающие структуры Уральской системы) Константин Генрихович завершил целую серию блестящих геологических исследований по Печорскому угольному бассейну и навсегда связанной с его именем Лемвинской зоне и несомненно вошел в число классиков региональной геологии страны. К сожалению, далеко не все геологические работы этого исследователя могли увидеть свет, но некоторые многолетние общие наблюдения и размышления нашли свое отражение в яркой статье “Об устойчивости в геологическом прошлом фациальных обстановок и их границ” [41], опубликованной уже в конце воркутинского этапа его научной деятельности. Его размышления затронули фундаментальную проблему эволюции фаций, исходя из сравнительного анализа ландшафтно-географических и тектонических обстановок осадконакопления в геологическом прошлом и в современную эпоху. Почти сорок лет тому назад он писал, что “мы должны допустить в прошлом наличие целого ряда фациальных обстановок и ландшафтов, которым трудно найти аналогов в наши дни и которые являются такими же историко-геологическими категориями, как и исчезнувшие биоценозы. Некоторые из них вообще существовали, вероятно, лишь в определенные эпохи и бо-

лее не повторялись. Эти палеофации, палеоландшафты были эпизодами в ходе необратимой эволюции лика нашей планеты”. Выдающийся палеозоист, он пришел к этим выводам на основании собственного богатейшего геологического опыта, убедительно согласующегося с представлениями современных теоретиков эволюции геологических процессов.

Из воспоминаний Эльги Михайловны Загадской, палеонтолога, ученицы Войновского-Кригера (письмо в Воркутинский геологический музей М.Н. Кро-чик)⁸².

Уважаемая Маргарита Николаевна!

Вам пишет близкий друг семьи Войновских – Эльга Михайловна Загадская (по мужу Падве). Живу в Алма-Ате, поддерживаю самые близкие и дружеские отношения с Ксенией Константиновной Войновской и ее семьей. От нее узнала о Вашей просьбе написать о К.Г. Войновском просто как о человеке, ибо как ученый он был неразрывно связан с Ухто-Печорским полярным районом и его вклад бесценен.

Приятно знать, что имя его уважаемо и чтимо преемственниками в науке. Но тем, кто имел счастье работать с ним, быть под его началом, он неизгладим в памяти как Человек с большой буквы. О нем так и хочется сказать: “Он был Человеком во всем!” К счастью встретить такого человека меня привело, как Вы догадываетесь, наверное, мое несчастье тех лет репрессий, когда я, будучи студенткой-дипломницей Саратовского университета, в 1936 г. “поехала” еще на 5 лет осваивать “новый университет” в Заполярье.

Первые 2,5 года я работала сначала в Княж. Погосте в группе камеральной обработки материалов по изысканию железнодорожной трассы, затем на общих работах в Кочмесе, оттуда в январе 1939 г. была направлена в Геологическое управление на Воркуту, где и встретила с ныне уже покойным К.Г. Войновским. Он был в ту пору главным геологом. Его считаю моим отцом и учителем в палеонтологии, области, в которой я работала все последующие годы после освобождения, живя в Казахстане. По счастью, и Константин Генрихович позже приехал на жительство в Алма-Ату, где мы опять продолжали наши самые дружеские контакты. В памяти и светлый образ его жены Ирины Александровны – врача на Воркуте, которая многим спасла и облегчила там жизнь.

В те годы, там, в тех условиях встреча с такой семьей, как Войновские, было счастье. Это, может быть, звучит парадоксально, с учетом жизненной и рабочей обстановки, какая определялась контингентом работающих, но экстремальность ее многое и высветлила во взаимоотношениях нашего небольшого коллектива геолконторы, которым непосредственно руководил К.Г. Войновский. Жизнь человека в заключении особенно зависима от труда и быта, и если в организации последнего мы все время ощущали его неустойчивость и униженность, то на работе, в конторе мы чувствовали себя людьми, и эта атмосфера строго охранялась К.Г. Войновским. Его отличали деловая, неприказная требовательность, уважение к мнениям и скрытая готовность чем можно помочь, а то и побаловать в дни праздничные, оказать материальную помощь. Конечно, он сам немало пережил в своей жизни, но при этом сохранил глубокую интеллигентность и человеколюбие, уважительное отношение к людям. На посту начальника он никого не унизил, не оскорбил и сам держался с большим достоинством интеллигента. В памяти о нем так много добрых эпизодов, описывать которые надо на многих страницах. Храню их в памяти своей от момента первой

⁸² Геолог Севера. 1991. 28 февр.

встречи в неволе до печальных дней, теперь уже у ограды вечного покоя Константина Генриховича и Ирины Александровны.

Интеллект, гуманность, эрудиция в науке, начитанность, музыкальность, трудолюбие, требовательная доброта – все эти качества отличали его.

Из воспоминаний Богдана Иосифовича Скрыпы, геолога, коллеги Войновского-Кригера по воркутинской геологической службе⁸³

С Константином Генриховичем Войновским-Кригером у меня было несколько встреч. Первая – еще в 1944 г., когда я, до этого работавший в Кожвинском районе, прибыл в Воркуту в распоряжение Геологоразведочного управления, находившегося в Заречной части города на Руднике.

Первое свое назначение я получил после беседы с Константином Генриховичем. Мне он показался очень строгим, серьезным и ответственным руководителем, требующим от работников службы не только исполнительности, но и понимания смысла выполняемой работы, проникновения в суть явлений. Убедившись, что необходимым навыками геологической документации разведочных скважин я обладаю и для своего уровня достаточно подготовлен, Константин Генрихович объявил мне, что работать я буду на недавно открытом, весьма перспективном месторождении коксовых углей, и наметил краткую программу знакомства с основными службами ГРУ.

Уходил я от Войновского-Кригера открытым. Он сумел внушить мне веру в то, что впереди у меня перспектива трудной, но интересной творческой работы и что будущее мое всецело зависит от трудолюбия, прилежания, добросовестности. А главное, возвратил мне веру в то, что я нужен, а это в моем представлении одна из составляющих понятия “счастья”.

Побывав в химической лаборатории, в библиотеке ЦНИБ, ознакомившись с коллекциями пермской фауны и флоры, пообщавшись со специалистами группы оформления геологических отчетов, чертежного бюро, 16 июня 1944 г. я убыл с тракторным поездом в Хальмер-Ю, где разворачивались буровые работы.

Впоследствии у меня состоялась продолжительная беседа с К.Г. Войновским-Кригером в канун Нового 1952 года. Я возвратился в Воркуту и определялся с местом работы. И опять все сложилось наилучшим образом – я был направлен в Нижне-Сыръягинскую геологоразведочную партию, где проработал несколько лет.

Осенью 1955 г. по инициативе К.Г. Войновского-Кригера и С.А. Голубева в г. Воркуте было созвано совещание, посвященное 25-летию изучения Печорского угольного бассейна. На нем Константин Генрихович выступил с докладом “О геотектоническом развитии Печорского угольного бассейна”, в котором обобщил результаты многолетних исследований природы и механизма формирования основных структур бассейна, их связи с развитием допермского фундамента, приуроченности складчатости к уральскому и пай-хойскому направлениям. Мне довелось быть участником этого совещания.

Строго аргументированные воззрения ученого были в качестве отправных теоретических положений для последующего изучения геологии бассейна и Полярного Урала.

Для него естественным было стремление видеть в каждом сотруднике единомышленника, желание поднять каждого молодого или просто недостаточно знающего регион специалиста или практика-геолога до своего уровня, вовлечь его в творческий процесс. Заложенная Константином Генриховичем школа делового и творческого общения мыслящих геологов практически просуществовала до самого последнего времени.

⁸³ Там же.

Из воспоминаний Татьяны Николаевны Протасовой, подруги Ксении Войновской.

Почему-то мне кажется странным, что многое в нашей семье совпадало с событиями жизни семьи Войновских. Обе наши семьи жили в Ленинграде, в обеих семьях было по три человека (отец, мать, дочь); дочери родились в одном – 1926 году, обе наши мамы были врачами. И, наконец, обе семьи были репрессированы в начале 30-х годов. Но в период ленинградской жизни наши семьи еще не были знакомы – это произошло гораздо позже. У меня были репрессированы и мать, и отец, отец получил срок 10 лет и умер в 1938 г. на Колыме. Мама получила 3 года, но была освобождена через 1,5 года и осталась работать по вольному найму в системе Ухтпечлага НКВД. С конца 1935 года мы жили в рабочем поселке Чибью (с 1943 г. он стал городом Ухта), где мама работала заведующей поликлиникой и врачом-терапевтом. Ирина Александровна Войновская, приехав к мужу на Воркуту, тоже работала врачом-терапевтом. В те годы начальство лагерей организовывало врачебные конференции и поездки групп врачей для обследования состояния здоровья, питания и условий жизни коренного населения Севера. Эти экспедиции и конференции включали врачей из разных подразделений Ухтпечлага. По результатам этих экспедиций было выпущено несколько брошюр для служебного пользования. В них, в частности, рассматривались частота заболеваемости цингой и другими авитаминозами и пути борьбы с ними. Вот в такой экспедиции и познакомилась Ирина Александровна Войновская и Матрона Ивановна Протасова. Их знакомство быстро перешло в дружбу, но я и Ксения тогда еще знакомы не были.

А в 1938 г. произошло следующее. Февральским вьюжным вечером в нашу ухтинскую квартиру постучали. Вошел вохровец (так мы звали охранников НКВД), весь в снегу, с ружьем, держа за руку тоже заснеженную, уставшую плакать и только уже судорожно всхлипывающую девочку. Это была Ксения. Вохровец принес письмо от Ирины Александровны, в котором она писала, что по дороге в отпуск (они ехали в Малоярославец) в Ухте ее арестовали, и просила маму (мою) приютить Ксеню до тех пор, пока выяснится, в чем дело. Разумеется, Ксеню мы оставили у себя. И тут уж мы подружились с ней, как ранее подружились наши мамы. Ксения начала учиться в Ухтинской школе, мы вместе готовили уроки, ходили на лыжах, в кино, театр. А Ирина Александровна находилась на ОЛПе, недалеко от Ухты, и периодически моя мама ездила с Ксеньей на свидания к ней. Много позже стало известно, что на Ирину Александровну написал донос ее фельдшер и это было причиной ареста. Во всяком случае, с февраля до осени Ирина Александровна находилась на ОЛПе.

Пришло лето, ухтинцы дружно потянулись в отпуска, большинство через Москву. Мама начала просить своих знакомых захватить Ксеню в Москву, чтобы там ее встретили родные из Малоярославца. Как назло, у моей мамы не было в это лето отпуска, так как в Ухте была неблагополучная эпидемиологическая обстановка. Все дружно отказывались под разными предлогами. Так мы и проводили лето в Ухте, но вдруг один из маминых пациентов (кстати, оперуполномоченный НКВД) узнал эту историю и согласился помочь. Он довез Ксеню прямо до Малоярославца. А осенью освободили и Ирину Александровну, и она уехала. Константин Генрихович был в это время в экспедиции.

После окончания школы мы с Ксеньей встретились в Москве – она поступила в МГУ, я – в 1-й медицинский институт. Жили мы обе в общежитиях.

Вспоминается приезд в Москву Константина Генриховича в 1952 г. Он приехал в командировку, надеясь в Институте геологических наук АН СССР договориться о защите своей докторской диссертации. Неожиданно возникли трудности в спецотделе, где заявили, что Константин Генрихович, как бывший заключенный, не может иметь доступа к теме, которой посвящена его диссертация.

ция. Эта тема считалась засекреченной. Лишь вмешательство президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова изменило ситуацию, и Константин Генрихович получил разрешение на защиту докторской диссертации, которую он успешно защитил в этом академическом институте.

Из воспоминаний Маргариты Николаевны Крочик, научного сотрудника Воркутинского геологического музея⁸⁴

Мое знакомство с Константином Генриховичем называется “заочным”, наверно, потому, что мы не встречались “очно”.

Я познакомилась с ним по переписке. Стоило только ему написать с малой надеждой на получение ответа, как ответ пришел незамедлительно. Оперативность, пунктуальность, ответственность меня сразила. Константин Генрихович стал для меня человеком необыкновенным, что подтверждалось неоднократно, и особенно при работе с геологическими документами, которые были когда-то списаны, но еще не уничтожены, и среди которых были материалы, связанные с его именем. Эти реликвии побывали не раз под потоками вод и были “больными”. Свое дело сделало и время, ведь большинству из них – более полувека. Немало труда пришлось приложить для спасения этого “богатства”, которое стало достоянием геологического музея, а сегодня появилась возможность познакомиться с некоторыми из них читателей газеты “Геолог Севера”.

Для молодых геологов Объединения имя К.Г. Войновского – легенда, для специалистов со стажем он один из организаторов геологической службы, ученый с именем.

⁸⁴ Геолог Севера. 1991. 28 февр.

Оглавление

К читателю	5
Введение	6
<i>Глава 1. Истоки и ранние годы</i>	12
<i>Глава 2. Путь к знаниям</i>	21
<i>Глава 3. Под знаком “Черного ожерелья Печоры”</i>	36
<i>Глава 4. Во главе геологической службы Заполярья</i>	52
<i>Глава 5. Во главе геологической науки Заполярья</i>	66
<i>Глава 6. Он заложил основу геологии Полярного Урала</i>	83
<i>Глава 7. Во главе “службы спасения” (воркутинский Ланцелот)</i>	98
<i>Глава 8. Профессор Войновский-Кригер в Алма-Ате</i>	108
Послесловие. Жизнь в памяти людей	122
Основные даты жизни и деятельности К.Г. Войновского-Кригера	126
Библиография научных трудов К.Г. Войновского-Кригера	128
Литература о жизни и деятельности К.Г. Войновского-Кригера	133
Приложение	135

Научно-биографическое издание

Маркова Елена Владимировна
Войновская Ксения Константиновна

Константин Генрихович Войновский-Кригер
1894–1979

Утверждено к печати Редакцией серии
“Научно-биографическая литература” Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*

Редактор *Л.А. Калашикова*. Редактор-организатор *Н.В. Заяц*
Художник *Е.А. Быкова*. Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *А.А. Шелудченко*. Корректор *В.М. Ракитина*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 08.11.2001. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,0. Усл.кр.-отт. 9,3. Уч.-изд.л. 10,1
Тираж 560 экз. Тип. зак. 1333

Издательство “Наука”, 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”, 199034 Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Константин Генрихович Войновский-Кригер

Е. В. Маркова К. К. Войновская

**НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**



*Е. В. Маркова
К. К. Войновская*

**Константин
Генрихович
ВОЙНОВСКИЙ-
КРИГЕР**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга посвящена выдающемуся исследователю Севера, доктору геолого-минералогических наук, профессору К. Г. Войновскому-Кригеру (1894–1979), который, долгие годы находясь в ссылке на Севере, на основе собственного богатейшего опыта создал первую научно-обоснованную концепцию геологического строения и истории развития Печорского угольного бассейна, заложил основы геологии Полярного Урала.



ISBN 5-02-022723-4



9 785020 227231